

ДЖЕК ВЭНС

ДЕРДЕЙН

КНИГА I

АНОМЕ

Русский перевод
Александра Фета

ДЖЕК ВЭНС

ДЕРДЕЙН

КНИГА I

АНОМЕ

Русский перевод
Александра Фета

AHOME

The Anome [The Faceless Man]

Copyright © 1971 by Jack Vance

Translation copyright © 2014 by Alexander Feht

Published by agreement with the author
and the author's agents, The Lotts Agency, Ltd.

Переводчик выражает благодарность Джеку Вэнсу (автору), Игорю Борисенко, Инне Ослон и многим другим за полезные пояснения, замечания и советы.

Language: Russian

Cover photo: *Lake Bele, Khakassia* by William Sokolenko © 2006

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Printed in the United States of America by CreateSpace and Feht, Inc.

ISBN-13: 978-1499300529

ISBN-10: 1499300522

Глава 1

В возрасте девяти лет Мур слышал, как гость его матери, расшумевшийся в хижине отдыха, в шутку клялся именем Человека Без Лица. Позже, когда гость ушел своей дорогой, Мур обратился к матери с вопросом: «Человек Без Лица — он есть, на самом деле?»

«Еще как есть!» — отозвалась Эатре.

Мур поразмышил немного и снова спросил: «Как он дышит — без лица? Как он ест, говорит?»

«Справляется как-нибудь», — Эатре всегда говорила тихо и спокойно.

«Интересно было бы посмотреть», — сказал Мур.

«Само собой».

«Ты его видела когда-нибудь?»

Эатре покачала головой: «Человек Без Лица не вмешивается в дела хилитов, так что и тебе незачем о нем беспокоиться». Помолчав, она задумчиво добавила: «Так уж повелось — к добру или не к добру».

Ребенок худой и угрюмый, Мур нахмурил черные брови, унаследованные от неизвестного кровного отца: «Почему так повелось? Почему к добру или не к добру?»

«До чего настырный уродился — все тебе нужно знать!» — добродушно заявила Эатре. Губы ее покривились — давал о себе знать «чусейн»¹. Но она объяснила: «Тех, кто нарушает закон хилитов, экклезиархи наказывают по-своему. Только если нарушитель бежит в другой кантон, его находит Человек Без Лица — и беглец теряет голову». Подняв руку, Эатре поч-

¹ Чусейн: 1) воспитанное отвращение к запретной мысли, 2) неспособность замечать или вспоминать события и факты, связанные с необычными, запрещенными или еретическими обстоятельствами.

ти прикоснулась к ошейнику бессознательным жестом, обящим для всех обитателей Шанта: «Тем, кто блюдет закон хилитов, потеря головы не грозит. Это к добру. Но тогда они сами становятся хилитами — а это уже не к добру».

Мур больше не задавал вопросов. От замечаний матери веяло крамолой. Если бы их услышал духовный отец, ей, по меньшей мере, объявили бы строгий выговор. Эатре могли перевести на работу в сыромуятню, а тогда привычному прозябанию Мура пришел бы конец. Ему и так оставалось жить «на материнском молоке» (по выражению хилитов) всего тричетыре года... В хижину зашел очередной путник. Эатре надела венок из цветов, налила бокал вина.

Мур вышел посидеть на обочине по другую сторону Аллеи, в тени высоких рододендронов. Он знал, что обязан существованием кому-то из гостей-прохожих — такова первородная вина. Ему надлежало стать чистым отроком, искупив первородную вину. Мур никак не мог уяснить таинственный процесс появления и искупления вины. Эатре родила четырех детей. Шестнадцатилетняя Деламбрэ уже обслуживала коттедж на западном конце Аллеи. Второй ребенок, Блинк, на три года старше Мура, недавно облачился в белую рясу чистого отрока и был наречен Шальресом Гаргаметом в честь хилитского аскета и подвижника Шальреса, просидевшего всю жизнь и испустившего дух в ветвях священного дуба, что в шести километрах вверх по долине Сумрачной реки, а также в память Бастина Гаргамета, кожевенных дел мастера, обнаружившего во время копчения шкур ахульфов² литургические свойства гальги.³ Четвертого ребенка, появившегося на

² Ахульфы: в некоторой степени разумные двуногие автохтоны Дердейна. Дикие ахульфы часто встречаются в малонаселенных лесных и пустынных районах. Ахульфов время от времени приручают, разводят и селекционируют в различных целях. Одомашненные ахульфы могут переносить грузы и выполнять другую тяжелую работу, не требующую особых навыков; кроме того, ручных ахульфов используют как ищек и сторожевых домашних животных. От больного ахульфа исходит сильнейший запах, настолько отвратительный, что он вызывает жалобы и протесты со стороны самого виновника неприятности.

³ Гальга: вязкий состав из растертых в порошок сушеных листьев изыла (местного кустарника), смешанных со смолой изыла и кровью ахульфа. Курение гальги —

свет через два года после Мура, объявили дефективным и утопили в отстойнике сыромятни — врожденные недостатки детей считались следствием чрезмерной сексуальной изобретательности матери, в связи с чем Эатре порицали как виновницу происшедшего.

Мур сидел под рододендронами, рисуя узоры в белой пыли и критически разглядывая проезжих и прохожих — меркантилиста в запряженной парой быстроходцев двуколке, арендованной на станции воздушной дороги кантона Шемюс, трех молодых бродяг, батраков с зеленовато-коричневыми вертикальными полосками на ошейниках.

Мур нехотя поднялся на ноги. Порученные ему деревья-волокницы требовали частого ухода — если нити недостаточно натягивались бобинами, шелковистое волокно становилось узловатым, грубым... Мимо проезжала пароходная подвода, груженая разделанными бревнами дорогочного черного дерева. Позабыв о волокницах, Мур догнал подводу и прокатился, повиснув на торчащем из кузова бревне, до моста через Сумрачную реку, где он соскочил на землю. Подвода, громыхая, покатилась вдаль по пустынной восточной дороге. Какое-то время Мур стоял у моста и бросал голыши в Сумрачную реку. Чуть выше по течению крутилось большое водяное колесо — привод жерновов, измельчавших дубильные орехи, квасцы, всевозможные травы, корни и химикаты для кожевенного завода.

Мур поплелся назад по Аллее Рододенронов. Когда он вернулся домой, гостя уже не было. Эатре поставила на стол миску с супом, отрезала ломоть хлеба. Пока Мур ел, он задал вопрос, тяготивший его с раннего утра: «Шальрес похож на духовного отца, а я — нет. Странно, правда?»

Эатре замерла в ожидании воспоминания, всплыvавшего из глубины сознания — чудесный стихийный процесс! Так цветут деревья, так сочится упавший на землю спелый плод.

«Никто из хилитов — не говоря уже о Великом Муже Оссо — не состоит в кровном родстве ни с тобой, ни с Шальресом. Они не познают женщин во плоти. Кто отец Шальresa, я

важный ритуальный атрибут поклонения Галексису, сопровождающегося судорожным исступлением хилитов.

не знаю. Твой кровный отец — бродячий сочинитель музыки из тех, что странствуют в одиночку. Жаль было с ним расставаться».

«Он больше не приходил?»

«Нет».

«Куда он ушел?»

Эатре покачала головой: «Такие, как Дайстар, нигде не находят места. Он побывал во всех кантонах Шанта».

«Ты не могла с ним уйти?»

«Я в крепостном долгу. Пока он не выплачен, Оссо меня не отпустит».

Мур доедал суп в многозначительном молчании.

Пришла Деламбре, в накидке поверх платья в зеленую и синюю полоску — стройная и серьезная, как Мур, высокая и мягко-сдержанная, как Эатре. Она опустилась на стул: «Уже устала! Приходили три музыканта из табора. С последним было трудно, да и язык у него как с привязи сорвался. Без конца бубнил про каких-то варваров-рогушкоев. Говорит, жуткие пьяницы и развратники. Ты про них слышала?»

«Слышала, — сказала Эатре. — Сегодняшний гость отзывался о них с почтением. По слухам, они ужасно похотливы, лезут ко всем женщинам без разбора и никогда не платят».

«Почему Человек Без Лица не выгонит их из Шанта?» — строго спросил Мур.

«Дикии не носят ошейников, Человек Без Лица им не страшен. В любом случае, их заставили вернуться восьсяси. Похоже, набеги кончились».

Эатре заварила чай. Мур взял два ореховых печенья и отправился в сад за хижиной, где его уединение скоро нарушил окрик духовного брата Шальреса.

Мур откликнулся без энтузиазма. Шальрес впропрыжку спустился по склону холма и встал у ограды, не заходя в сад — чистый отрок боялся осквернения. Долговязый Шальрес — с мелкими, заостренными чертами лица, гримасничавшего в постоянном возбуждении — ничем не походил на Мура. Он часто моргал и морщил нос, глаза его то выпучивались, то прищуривались, бегая из стороны в сторону. Шальрес ухмылялся, корчил рожи, скалил зубы, облизывался, заливался

блеющим смехом, когда достаточно было просто усмехнуться, чесал в затылке, дергал себя за мочки ушей и широко размахивал костлявыми, нескладными руками. Мур давно уже дивился полному несоответствию их внешности и характеров. Разве они не братья — дети одной матери, одного духовного отца? В отличие от Мура, Шальрес чем-то напоминал духовного отца, Великого Мужа Оссо — тоже долговязого и худого, как жердь, с болезненно-землистым лицом.

«Пошли, — сказал Шальрес, — ягоды собирать».

«Ягоды? С какой стати я должен собирать ягоды?»

«Потому что я так сказал. Вот, мне выдали освященные перчатки, чтобы не осквернять ягоды женским духом. Смотри, не дыши на ягоды! Дыши в сторону, и все будет в порядке. Что ты жуешь?»

«Ореховое печенье».

«Мм-да... С утра ничего не ел, кроме галеты с водой... Нет. Мне нельзя. Оссо узнает. У него нюх, как у ахульфа. Да-вай, пошли!» — он перебросил к ногам Мура корзину, и в ней белые перчатки. Мур подозревал, что сбор ягод поручили Шальресу — даже чистый отрок не смел прикасаться к пище без перчаток. Шальрес, по-видимому, придавал больше значения возможности побездельничать, нежели опасности осквернить еду, в любом случае пред назначенную только для стола хилитов.

Не испытывая привязанности к Шальресу, Мур в какой-то мере сочувствовал брату, вынужденному служить жрецам — его самого ждала та же участь, и очень скоро. Мур взял корзину без дальнейших возражений: если подлог обнаружат, расплачиваться придется Шальресу.

«Так печенья хочешь или нет?» — нехотя предложил Мур.

Шальрес тревожно обернулся к склону холма, к белой громаде Башонского храма, к длинному ряду темных ниш под стеной, где устраивали убогие постели чистые отроки: «Давай — так, чтобы никто не видел».

Спрятавшись за широкий ствол апара, Шальрес с брезгливой торжественностью натянул белые перчатки. Взяв кончиками пальцев ореховое печенье, он разжевал и проглотил его

во мгновение ока, облизал крошки с губ, скривил несколько смущенных гримас, прокашлялся, поморщил нос, выглянул из-за ствола и посмотрел на холм. Убедившись в своей безопасности, он показал величественным жестом руки, что покончил с грязными плотскими страстишками и забыл о прошедшем.

Братья отправились к зарослям кислёнки на западном конце Аллеи Рододендронов. По дороге Шальрес подчеркнуто держался поодаль от еще не прошедшего обряд очищения духовного брата.

«Сегодня вечером — схоластический конclave экклезиархов! — объявил Шальрес так, будто сообщал новость первостепенной важности. — На десерт они желают ягод. Нужно собрать столько, чтобы хватило на всех. Представляешь? Меня одного послали раздобыть уйму ягод. Рассуждают о высоких идеалах и непреклонности духа, а подъедают все дочиста — все, что подают».

«Ха! — мрачно усмехнулся Мур, вскинув голову. — Сколько тебе осталось до пострижения?»

«Год. У меня уже растут волосы на теле».

«На тебя наденут ошейник, и ты больше никогда не сможешь уйти, куда глаза глядят, бродить по свету. Это ты понимаешь?»

Шальрес шмыгнул носом: «Ну и что? Дерево растет и больше не может превратиться в семя».

«Тебя не тянет посмотреть на новые места?»

Шальрес ответил уклончиво и раздраженно: «Даже бродяги носят ошейники. Без ошейников — только иностранцы».

Мур не нашел возражений, но скоро спросил: «Рогушкой — тоже иностранцы?»

«Кто? О чём ты болтаешь?»

Мур, зневший немногим больше Шальреса, предусмотрительно не продолжал.

Пройдя мимо плантации волокниц, где Мур ежедневно ухаживал за участком с двумястами бобинами, братья спустились к густым зарослям ягоды-кисленки. Остановившись, Шальрес обернулся к святилищу на холме: «Значит, так. Обойди кусты и собирай внизу, а я буду здесь. Если что, из

храма увидят: все делается, как положено. Непременно на день перчатки! Это минимальное, необходимое требование — не злоупотребляй моим благорасположением!»

«А что, Оссо придумал еще какие-нибудь требования?»

«Он всегда что-нибудь придумает. Нужно собрать не меньше двух полных корзин, так что поторопись. Не забудь про перчатки! Хилиты чуют женский дух, как обычный человек чует дым пожара — и реагируют так же».

Спустившись до нижнего края зарослей кисленки, Мур прошел чуть дальше, чтобы взглянуть на табор музыкантов. В этом году приехала многолюдная труппа в семи фургонах, раскрашенных символическими цветными орнаментами. Голубой цвет означал беззаботность, розовый — невинность, темно-желтый — санушейн,⁴ серо-коричневый — техническое мастерство.

В таборе занимались повседневными делами — носили корм и воду тягловым животным, нарезали овощи в походные котлы, сушили выстиранные накидки, выбивали пыль из одеял. В целом музыканты вели себя гораздо беспечнее, живее, экспансивнее хилитов — здесь преобладали грубоватые, несдержанные интонации и вычурная, часто неожиданная жестикология. Смеясь, музыканты закидывали головы. Даже самые угрюмые и замкнутые недвусмысленно выражали хроническое раздражение красноречивыми позами. На задних ступенях фургона сидел старик, подгонявший новые колки к изогнутому грифу небольшого хитана. Рядом мальчик не старше Мура практиковался в игре на гастенге, повторяя пассажи и арпеджио. Старик время от времени поправлял его краткими ворчливыми замечаниями.

Мур вздохнул, отвернулся и стал подниматься по склону к ягодным зарослям. Впереди из-за кустов проглядывало светло-каштановое пятно. В зарослях кто-то шевелился — шелестели потревоженные листья. Мур замер, осторожно приблизился. Всматриваясь в листву, он обнаружил девочку лет

⁴ Санушейн: самозабвенное, безрассудное веселье с примесью фатализма и трагического отчаяния.

одиннадцати, удивительно ловко и быстро собиравшую ягоды, сыпавшиеся в висящее на локте лукошко.

Возмущенный вторжением на свою территорию, Мур решительно направился к нарушительнице, споткнулся о торчащий петлей корень и с треском повалился на колючую кочку ведьмовника. Девочка бросила испуганный взгляд через плечо, уронила корзину, подобрала юбку и припустила, не разбирая дороги, через заросли кисленки. Чувствуя, что свалял дурака, Мур поднялся на ноги и растерянно смотрел вслед удивившей девчонке. Вообще-то он не собирался ее пугать — но что сделано, то сделано! Теперь у нее все ноги в царапинах. Так ей и надо! Нечего тут делать, в ягоднике хилитов! Мур подобралброшенное беглянкой лукошко и со злорадной со средоточенностью пересыпал его содержимое себе в корзину. Вот и десерт для конклава!

Засунув перчатки в карман, он еще некоторое время собирал кисленку, постепенно поднимаясь по склону. Наконец Шальрес позвал: «Эй! Где ягоды? Опять отлыниваешь?»

«Вот, смотри», — отозвался Мур.

Шальрес заглянул в корзину, подчеркнуто не замечая того, что Мур не надел перчатки: «Гм. Неплохо. Даже странно. Ну что же, давай сюда — можно сказать, я собрал все, что нашлось... Прекрасно. Ах да, перчатки! Слишком чистые». Шальрес надел перчатку, раздавил ягоду пальцами: «Так-то оно лучше. Смотри, никому ни слова». Он угрожающе нагнулся, приблизив тощее костлявое лицо к лицу Мура: «Помни — когда ты станешь чистым отроком, я уже буду хилитом. Тогда не рассчитывай на поблажки! Я-то знаю, куда дует ветер!» Шальрес повернулся и поспешил к храмовому холму.

Мур решил собрать еще кисленки для матери — просто чтобы чем-нибудь заняться. Естественно, половина ягод попадала не в корзину, а к нему в рот. Его смутное ожидание скоро оправдалось — ниже по склону появилась бледно-каштановая кофта бродячей девчонки. Убедившись в том, что она его заметила и не боится, Мур медленно двинулся навстречу. Девчонка и не подумала убегать — наоборот, быстро подошла. Лицо ее раскраснелось от злости: «Эй ты, выкормыш извращенцев! Шарахаешься по кустам, заграбастал мои ягоды!

Где они? Отдавай сейчас же, а то уши оторву, даром что растопыренные!»

Слегка ошарашенный таким обращением, Мур старался сохранить невозмутимость, подобающую ученику хилитов: «Ты чего обзываешься?»

«А как еще тебя называть? Вор несчастный!»

«Сама ты воровка — ягоды не твои, а хилитские!»

Девчонка раздраженно взмахнула руками, топнула ногой: «Ха! Еще ты будешь рассуждать, кто тут вор, а кто не вор! Все равно давай ягоды — какая разница?» Выхватив корзину у Мура из рук, она с подозрением заглянула внутрь и недоуменно спросила: «Это все, что я собрала?»

«Было больше, — с достоинством признал Мур. — Остальное взял духовный брат. Не обижайся — ягоды подадут на конclave хилитов. Забавно, однако! Хилитам придется вкушать пищу, оскверненную женщиной!»

Девчонка снова разозлилась: «Ничего я не оскверняла! За кого ты меня принимаешь?»

«Тебе, наверное, невдомек, что...»

«Ничего не знаю и знать не хочу! Слышали — и про хилитов твоих, и про их мерзкие штучки! Накуриваетесь всякой дрянью и бредите развратными снами. Более дурацкой секты мир не видел!»

«Хилиты — не secta, — наставительно возразил Мур, повторяя слышанное от Шальреса. — Всего я не могу объяснить, потому что я еще даже не чистый отрок и научусь полностью подчинять порочное животное начало только через три-четыре года. Но хилиты — единственный духовно независимый и высокоразвитый народ на Дердейне. Все остальные живут эмоциональной жизнью. Только хилиты способны вести абстрактное, интеллектуальное существование».

Девчонка нагло расхохоталась: «Молокосос! Что ты знаешь о других народах? Ты от избы-то своей не отходил дальше, чем на двести шагов!»

Уязвленный Мур не мог опровергнуть это утверждение: «Все равно, я многому научился от гостей, отдыхающих в хижине матери. А еще мой кровный отец был музыкантом — да будет тебе известно!»

«Неужели? И как его звали?»

«Дайстар».

«Дайстар... Пошли в табор! Я тебя выведу на чистую воду.

Узнаем, что за музыкант был твой отец».

Сердце Мура часто колотилось, он отступил на шаг: «Я не уверен... что мне нужно... знать».

«Почему нет? Струсили?»

«Ничего я не струсили! Я хилит, а поэтому...»

«Понятно, понятно — тогда пошли».

На непослушных, порывающихся пуститься наутек ногах Мур последовал за бродяжкой, лихорадочно придумывая убедительный повод отказаться от приглашения. Девчонка обернулась с дерзкой, вызывающей ухмылкой. Мур, наконец, разгневался. Ах, так? Значит, его считают лжецом? Значит, принимают за безродного ублюдка? Теперь его ничто не остановит... Они спустились в табор. «Азука! Азука! — позвал женский голос. — Где ягоды? Давай сюда!»

«Ягод нет! — с отвращением заявила Азука. — Вот этот паршивец их украл и спрятал. Вздуйте его, чтоб неповадно было!»

«Что такое? — женщина подошла ближе. — Ты ягоды принесла или нет?»

Капризно-обвинительным жестом девчонка передала ей почти пустую корзину: «Я же говорю — поганец их присвоил. Да еще хвастается, что отец его был музыкант — Дайстар какой-то».

«А почему нет? Музыканты не люди, что ли? Все мужики одинаковы — обрюхатил и смылся». Наградив Мура легким подзатыльником, она добавила: «Твоя матушка, видать, женщина аккуратная, записи ведет».

Мур осмелился выступить с робким вопросом: «Вы знали моего отца, Дайстара?»

Мать Азуки ткнула в сторону большим пальцем: «С распросами приставай к старому чурбану — он знался с каждым пьяницей в Шанте, рвущим струны на потеху публике. Азука! Ты всю жизнь собираешься лясы точить, чучело ты чумазое? Никакого прока от тебя нет. Принеси прутьев, разведи огонь посильнее!» Женщина отошла, чтобы перемешать

содержимое булькающего котла. Девчонка насмешливо за-драла нос и скрылась за фургоном. Мур остался один. Никто его не замечал. В бродячей труппе каждый трудился с напряженным вниманием, будто выполнение повседневных обязанностей было важнейшей задачей жизни. Самым неторопливым и непринужденным казался стариик на ступенях фургона, но даже он самозабвенно ковырял и вертел инструмент на коленях, воодушевленно поднимая локти, то и дело нагибаясь и прищуриваясь, чтобы оценить достигнутые результаты. Мур опасливо, шаг за шагом, подбирался к старику. Тот бросил на него холодный взгляд и принялся продевать струну в колок хитана с вычурно изогнутым грифом.

Мур наблюдал в почтительном молчании. Стариик натягивал и поправлял струны, насыщая мелодию сквозь зубы. Он уронил шило. Мур поднял откатившееся шило, подал старику, удостоился еще одного взгляда, подошел еще на шаг.

«Ну, что скажешь? — строго и вызывающе произнес старый музыкант, поднимая хитан. — Хорошо сработано?»

Поколебавшись, Мур сказал: «Выглядит неплохо. Но у нас в Башоне мало музыкальных инструментов. Хилиты предпочитают «прозрачную холодную тишину» — так они выражаются. Мой духовный отец, Оссо Хигаджу, не выносит даже чириканья стрекад».

Стариик оторвался от работы: «Любопытное обстоятельство, нечего сказать. А ты? Тоже хилит?»

«Нет, еще нет. Я живу с матерью, Эатре, посреди Аллеи. Кажется, я не хочу быть хилитом. Не знаю».

«Почему нет? В храме легкая жизнь — дни проходят в «прозрачной холодной тишине», пока женщины делают всю работу».

Мур понимающе кивнул: «Так-то оно так... Но сначала я должен стать чистым отроком, а я не хочу уходить от матери. К тому же мой кровный отец был музыкантом. Его звали Дайстар».

«Дайстар... — стариик натянул новую струну, слегка ушипнул. — Слыхал я о Дайстаре, был такой друидийн».

Мур подошел ближе: «Кто такой друидийн?»

«Друидийн не ездит с труппой, а бродит сам по себе с хитаном, таким вот, как этот. Иногда с гастенгом. Играя, умудряет других своей мудростью, наполняет их жизнь своей жизнью».

«Друидийн поет?»

«Ни в коем случае! Никакого пения. Поют менестрели и барды. По-нашему, пение — не музыка. Это другая статья. Хе-хе, представляю, что бы сказал Дайстар, если бы при нем пение назвали музыкой!»

«Дайстар — какой он человек?»

Старик неожиданно посмотрел Муру прямо в глаза. Мур слегка отпрянул. В голосе седого ворчуна появился призвук осуждения: «А зачем тебе знать? Ступай себе очищайся, постригайся!»

«Я часто думаю об отце, но не могу себе его представить».

«Да. Ну ладно, так и быть. Дайстар был человек высокий, сильный, нелюдимый. Играли страстью — все понимали, о чем он играл, сомнений не оставалось. Знаешь, как он умер?»

«Я не знал, что он умер».

«Такая вышла история. Однажды вечером он напился и пришел в ярость. Он играл⁵ на гастенге — играл так, что все слушавшие были потрясены. Говорят, не закончив, он выбежал на улицу, крича, что ошейник душит. Видели, как он пытался разорвать его. Может быть, ему это удалось, и он сам лишил себя головы — а может быть, не по душе пришлись его слова Человеку Без Лица. Кто знает? Только на следующее утро нашли его тело, а головы, полной чудесных мелодий, уже не было. Вот таким образом».

Старик раздраженно потянул себя за ошейник. Мур заметил цвета эмблемы — две вертикальные полоски, лиловая и розовая, означали отсутствие кантональной принадлежности, а горизонтальные, серую и коричневую, носили все музыканты. Личный код старика состоял из синей, темно-зеленой,

⁵ Играть: неудачный, слабый перевод шантского глагола «цу вешекар»; пользоваться музыкальным инструментом с такой страстью, что музыка начинает жить своей собственной жизнью.

темно-желтой, алой, второй синей и лиловой полосок. Мур потрогал свою шею, еще голую. Как он чувствует себя в ошейнике? Никто не привыкал к ошейнику сразу — люди месяцами, даже годами испытывали приступы страха, истерического удушья. Рассказывали, что «надевшие ярмо» иногда доходили до исступления, разрывали ошейник — и буквально теряли голову. Мур поджал губы. Без ошейников было нельзя, но порой ему хотелось навсегда остаться ребенком, жить с матерью в приятной просторной хижине где-нибудь подальше от Башона и ничего не знать об ошейниках и хилитах, о Человеке Без Лица и сумасшедших, теряющих голову.

Старик настроил хитан, набрал тосклившую последовательность аккордов. Мур завороженно наблюдал за проворными, точными движениями пальцев. Темп ускорился — появилась мелодия то в одном, то в другом голосе... Хитан вдруг замолчал — старик отложил его: «Под эту джигу танцуют в порту Барбадо, на юге кантона Энтерланд. Тебе нравится?»

«Очень».

Старик крякнул: «Возьми хитан. Завтра укради мне кусок хорошо выделанной кожи, принеси ведро ягод или просто пожелай счастливого пути — как хочешь, мне все равно».

«И то, и другое, и третье! — запрыгал от радости Мур. — Сделаю все, что скажете! А как я научусь играть?»

«Невелика наука. Главное прилежно заниматься, каждый день. Чтобы сменить тональность, наклоняй шейку грифа — она поворачивается, вот так. Основные аккорды выучить не трудно. Смотри, схемы аккордов вырезаны на нижней деке. Как пользоваться аккордами? Это другое дело. Мастерство дается только длительным опытом, музыкальным и жизненным». Старик многозначительно поднял указательный палец: «Когда станешь знаменитым друидийном, помни, что первый хитан тебе подарил не кто иной, как Фельд Майджесто!»

Мур неловко взял инструмент: «Я не знаю мелодий. В Башоне не бывает никакой музыки».

«Сам сочиняй мелодии! — отрезал Фельд Майджесто. — Кроме того, смотри, чтобы духовный отец Оссо не слышал, как ты занимаешься. И не предлагай экклезиархам петь и плясать под музыку — узнаешь, почем фунт лиха!»

Мур бежал вприпрыжку из табора музыкантов — открытый, преображеный невероятным чудом, выпавшим на его долю.

Добравшись до обочины Аллеи, однако, он тут же пришел в себя и остановился, не выходя из-за деревьев. Нести хитан домой у всех на виду значило положить начало слухам. Рано или поздно слухи достигли бы ушей духовного отца Оссо. Оссо немедленно приказал бы уничтожить инструмент — как предмет, противоречащий аскетическому учению.

Мур вернулся в хижину матери замысловатым путем, прячась за рододендронами. Эатре не удивилась при виде хитана — Мур и не ожидал, что она удивится. Он рассказал ей обо всем, что случилось, и сообщил весть о смерти Дайстара. Эатре смотрела в сумеречную даль — солнца уже зашли, небо стало темно-лиловым: «Так ему и суждено было умереть. В конце концов могло быть гораздо хуже». Она прикоснулась к ошейнику, отвернулась и пошла готовить ужин для Мура. На этот раз она постаралась угодить сыну, как могла.

Несмотря на праздничный ужин, Мур расстроился: «Почему мы обязаны носить ошейники, везде и всегда? Разве люди не могут договориться и вести себя хорошо — так, чтобы их не нужно было наказывать?»

Эатре печально покачала головой: «Говорят, ошейник не навидят только нарушители закона. Так это или нет, не могу сказать. Когда на меня надели ярмо, мне было душно, казалось, что внутри что-то сломалось, что со мной сделали что-то неправильное, противное природе. Наверное, и без ошейников можно как-нибудь жить — не знаю. Тебя скоро заберут хилиты. Какой бы путь ты ни выбрал в жизни, я тебе не помешаю. Благодарящий Саккарда проклинает Саккуме.⁶ Что тут посоветуешь? Кто я такая, чтобы давать советы?»

Заметив на лице Мура испуганное замешательство, Эатре сказала: «Ну хорошо, слушай. Я советую, прежде всего, проявлять находчивость. Преодолевай препятствия, не смиряйся

⁶ Саккард и Саккуме: герои тысяч народных сказок Шанта, вечные противники, устраивающие друг другу всевозможные козни и становящиеся жертвами логически противопоставленных обстоятельств.

с поражениями! Стремись к совершенству! Ты должен пытаться превзойти непревзойденных, даже если на это уйдет вся жизнь и в конце ее не будет удовлетворения!»

Мур критически повторил в уме сказанное: «Значит, я должен лучше всех знать обряды и священные тексты? Лучше, чем Шальрес? Лучше, чем толстый Нич, когда он станет чистым отроком? Значит, нужно превзойти всех хилитов и стать верховным экклезиархом?»

Эатре долго не отвечала: «Значит, так — ежели тебе не терпится быть экклезиархом».

Мур, умевший распознавать тончайшие интонации в голосе матери, медленно кивнул.

«А теперь пора спать, — сказала Эатре. — Будь осторожен, занимаясь на хитане! Приглуши струны сурдиной, не грохочи гремушкой. Иначе Оссо отправит меня в сыромятню раньше времени».

В темноте Мур перебирал струны, дрожа вместе с тихими звуками. Он не пострижется в чистые отроки ни за что! Убежит с матерью, станет музыкантом! Они... нет, они не могут бежать — Эатре в крепостном долгу, Эатре потеряет голову. А без нее он не уйдет — немыслимо! Что тогда? Что делать? Мур заснул, прижимая к груди хитан.

Утро принесло ужасные известия. В отстойнике кожевенного завода нашли лежавший ничком труп Шальреса Гаргамета. Никто не понимал, почему и как он умер — но руки и ноги его были неестественно вывернуты в суставах, как у танцоров на древних барельефах.

Чуть позже от хижины к хижине шепотом поползли слухи. Оказывается, вчера Шальрес собирал ягоды для конклава. Уже отведав ягод, Великий Муж Оссо обнаружил среди них длинный черный женский волос. Сплетники, бормотавшие друг другу на ухо, чувствовали прохладную дрожь, пробегавшую по телу — любопытное ощущение, вызванное не столько страхом, сколько пониманием чрезмерной, нелепой жестокости происшедшего. Узнав обстоятельства смерти брата, Мур побледнел белее смерти, забрался в самый темный угол хижины и прижался к полу лицом вниз, закрыв голову руками.

ми. Так он лежал, не шевелясь, до наступления темноты. Только редкое нервное подергивание лопаток напоминало, что он еще жив.

В сумерках Эатре накрыла Мура пледом и оставила лежать. Всю ночь они не могли заснуть, но молчали. Наутро мать принесла Муру миску с кашей. Он повернулся к ней тощее лицо с дрожащими губами. Волосы его поблекли, слежались. Эатре сморгнула слезы, обняла его. Мур начал тихо выть — низким грудным голосом, медленно повышавшимся и все больше напоминавшим плач с причитаниями и угрозами. Эатре осторожно встряхнула его за плечи: «Мур, не надо, Мур!»

Позже, в тот же день, Мур прикоснулся к хитану — вяло, без интереса. Он не мог пробраться на склад сыромятни и украдь кусок кожи, не мог набрать корзину ягод. Мур пытался мысленно передать старику-музыканту наилучшие пожелания, но даже мысли, бледные и вязкие, не слушались.

К заходу солнца Эатре принесла горячий фруктовый компот и чай. Мур сначала отказывался, тряс головой, потом принял равнодушно хлебать компот. Эатре стояла рядом и смотрела сверху — так долго, что Мур в конце концов поднял глаза. Она сказала: «Если ты уйдешь из Башона, не дождавшись духовного пострижения, у них не будет оснований для доноса Человеку Без Лица. Я могу найти покровителя за границей, тебя возьмут в ученики».

«За нами вышлют ищеек-ахульфов».

«Все можно устроить».

Мур отрицательно мотал головой: «Без тебя я не уйду».

«Нас все равно разлучат, когда ты станешь хилитом — будет хуже».

«Даже тогда не уйду! Пусть меня убьют — не уйду!»

Эатре погладила его по голове: «Если тебя заберет смерть, мы уже точно не увидимся. Пострижение не хуже смерти — разве не так?»

«Я буду приходить к тебе тайком. Я смогу договориться, и тебе не нужно будет тяжело работать».

«В работе нет ничего страшного, — тихо сказала Эатре. — Женщинам повсюду приходится гнуть спину».

«Человек Без Лица — чудовище!» — хрюплю закричал Мур.

«Нет!» — воскликнула Эатре, настолько возбужденно, насколько позволял ее темперамент. Она подумала пару секунд, собираясь с непослушными, полузабытыми мыслями: «Как тебе объяснить? Ты еще маленький! Люди меняются с каждой минутой! Человек, до небес восхваляющий Саккарда, готов разорвать на куски его отражение, Саккуме — с рычанием и воплями, как бешеный ахульф. Понимаешь? Люди — извращенные, непредсказуемые существа. Чтобы не гибнуть в бесконечных раздорах, они связали себя правилами. В каждом из шестидесяти двух кантонов Шанта — свой набор правил. Какой лучше, какой хуже? Никто не знает; наверное, это даже не важно. Важно то, что все жители кантона соблюдают одни и те же правила. Нарушитель рискует — цвета его эмблемы сообщают Человеку Без Лица. Или тайный корреспондент представляет отчет о подрыве авторитеталастей. Иногда Человек Без Лица, неузнанный, бродит из кантона в кантон и восстанавливает порядок — или посыает вместо себя благотворителей, таких же незаметных, как он сам. Теперь понимаешь? Человек Без Лица просто-напросто обеспечивает выполнение законов, установленных жителями Шанта для самих себя».

«Может быть, так оно и есть, — сказал Мур. — Но, будь я Человеком Без Лица, я запретил бы страх и усталость, и тебе никогда не пришлось бы работать в сыромятне!»

Эатре погладила его по голове: «Да, мой маленький Мур, я знаю. Ты заставил бы людей быть добрыми и хорошими, и все это, как всегда, кончилось бы кровавой баней и всеобщим разорением. Иди спать. Завтра мир будет не лучше и не хуже, чем сегодня».

Глава 2

Прохладным осенним утром чистый отрок подошел к ограде и позвал Мура: «Тебя желает видеть духовный отец — в полдень, у входа в нижний покой. Не забудь тщательно очиститься».

Медленно, через силу, Мур вымылся, надел чистую рубаху до колен. Эатре сидела в другом углу комнаты, чтобы не осквернять женским духом и так уже нервничавшего Мура.

В конце концов она не выдержала и подошла причесать ему упрямые черные волосы: «Помни — он всего лишь хочет проверить, насколько ты вырос, и побеседовать о хилитском учении. Пустяки, ничего страшного».

«Может быть, — сказал Мур. — Все равно боюсь».

«Чепуха! — решительно возразила Эатре. — Ты не боишься, ты у меня самый храбрый. Слушай внимательно, точно выполняй указания, на вопросы отвечай осторожно, без лишних слов, и не старайся показать, что ты умнее всех».

Она вынесла на порог горящий уголь из очага и слегка прокоптила дымом одежду и волосы Мура, чтобы первое впечатление Оссо не было связано, по крайней мере, с женским духом.

За десять минут до полудня Мур, одолеваемый недобрymi предчувствиями, отправился по дороге в храм. Попутчиков не было, навстречу тоже никто не шел. Облачка белой пыли поднимались из-под ног и клубились в бледно-сиреневых солнечных лучах. Над ним грузно возвышался храм — постепенно заслонявшее небо скопление приземистых сросшихся цилиндров. С холма дул прохладный ветерок, пованивавший жженой гальгой.

Мур обошел беленое основание храма и оказался перед так называемым «нижним покоем» — высокой, глубокой нишей с арочным входом, полуопрокинутым навстречу небу. Помещение пустовало. Мур повернулся спиной к стене, напряженно выпрямился и стал ждать.

Шло время. Солнца поднимались к зениту: маленький, слепящий белый диск Сасетты скользил на сливово-красном горбу Эзелетты, а голубой Заэль кружился чуть поодаль — три карликовых звезды танцевали в небесах, как волшебно увеличенные, сонные светлячки.

С холма открывался обширный пейзаж, дрожащий в полуденном свете. За ближней далью начиналась другая, сиреневая даль до горизонта. На западе виднелся кантон Шемюс, на севере — лес Шимрода, а за ним кантон Феррий, где на красных склонах оврагов чугуновары плели железные кружева.

Мур вздрогнул — за спиной послышался шорох. Повернувшись, он увидел Оссо, хмуро взиравшего с высокой кафедры. Мур произвел плохое первое впечатление — вместо того, чтобы ждать, смиренно преклонив колени перед кафедрой, он стоял лицом к выходу, отвлеченный полуденной панорамой.

Не меньше минуты Оссо пристально разглядывал Мура сверху. Широко открыв глаза, завороженный Мур уставился на него снизу. Оссо произнес с замогильной торжественностью: «Поддавался ли ты непристойным заигрываниям женских детей?»

Несмотря на расплывчатость формулировки, Мур примерно уловил смысл вопроса. У него пересохло в горле — он сглотнул, пытаясь припомнить эпизоды, которые можно было бы истолковать как «непристойные заигрывания». Мур сказал: «Нет, никогда».

«Предлагал ли ты женским детям вступать с тобой в подлую взаимную связь, предавался ли гнусному соитию?»

«Нет, — дрожащим голосом отвечал Мур, — никогда».

Оссо коротко кивнул: «В твоем возрасте необходимо уже принимать меры предосторожности. Недалек тот день, когда ты станешь чистым отроком, начнешь готовиться к посвяще-

нию в хилиты. Грехопадение приведет к осложнению обрядов очищения, и без того достаточно суворых».

Мур пробормотал нечто должноствовавшее означать согласие.

«Ты способен ускорить свое препровождение в храм, — продолжал Оссо. — Не ешь жирной пищи, не пей сиропов, сторонись баклавы. Сильны путы, притягивающие ребенка к матери: настало время привыкнуть к мысли об освобождении. Отстраняйся спокойно, не унижаясь! Если мать предложит леденцы или попытается приставать с женскими нежностями, говори: «Уважаемая, я на пороге очищения — будьте добры, не усугубляйте тяготы предстоящего мне преображения». Ты внимашь?»

«Да, духовный отец».

«Готовься ко вступлению в сильнейшую из связей, к вступлению на стезю духовного сопричастия к храму. По сравнению с плотским влечением к самке зов Галексиса, нервного средоточия Вселенной, подобен медовой сладости умеля после вонючего отстоя сыромятни! В урочный час тебе откроется истина. Тем временем укрепляй себя!»

«А как я должен себя укреплять?» — осмелился спросить Мур.

Оссо грозно воззрился на ребенка. Мур съежился. Оссо изрек: «Тебе известна природа животных влечений. С философской точки зрения, грубо говоря — ты еще не готов воспринять учение во всей полноте — животные влечения дают удовлетворение первого, низшего порядка. Твой желудок пуст — ты набиваешь его хлебом до отказа: примитивное утоление примитивного инстинкта. Человек, умеренно употребляющий разнообразную, здоровую пищу, поднимается на следующую ступень. Гурман, настаивающий на приготовлении скучных, но изысканных блюд в строгом соответствии с традиционными рецептами, получает удовлетворение третьего порядка. На четвертом уровне низменные требования желудка игнорируются, вкусовые нервные окончания стимулируются эссенциями и экстрактами. Удовлетворение пятого порядка приносят ощущения, вырабатываемые и воспринимаемые исключительно мозгом, без какой-либо стимуляции

вкусовых или обонятельных рецепторов. Хилит, испытывающий удовлетворение шестого порядка, переходит в состояние бессознательной экзальтации — душа его возносится к пречистому Галексису Ахилианиду. Внемлешь? Для пояснения я привел простейший, самый очевидный пример».

«Все понятно, — сказал Мур. — Одно только неясно. Когда хилит кладет еду себе в рот, как это согласуется с учением?»

«Мы поддерживаем энергетический заряд организма, — гнусаво, нараспев ответствовал Оссо. — При этом тип заряжающей субстанции, привлекательность или непривлекательность ее вкусовых качеств не имеют принципиального значения. Будь тверд, не жалей себя. Отвращай помыслы от плотских вожделений, найди отвлеченное занятие, помогающее сосредоточить внимание на возвышенном. Я вязал в уме геральдические узлы из воображаемых веревок. Другой экклезиарх, подвижник шести спазмов, запоминал пары простых чисел. Есть множество мыслительных экспериментов, позволяющих оградить праздный ум от низменных соблазнов».

«Я знаю, что мне делать! — Мур изобразил нечто вроде энтузиазма. — Буду размышлять о сочетаниях музыкальных звуков».

«Пользуйся любым средством, облегчающим подавление искушений, — сказал Оссо. — Ты получил указания: руководствуясь ими. Я могу направлять, указывать на ошибки, но духовное развитие невозможно без внутреннего усилия. Работай над собой. Ты уже выбрал себе мужское имя?»

«Еще нет, духовный отец».

«Тебе следовало бы об этом подумать. Надлежащее имя вдохновляет и возвышает. В свое время я передам тебе список рекомендуемых имен. На сегодня все».

Мур спустился с холма. Эзатре была занята в хижине, и он решил прогуляться по Аллее Рододендронов на запад, к стоянке, давно покинутой бродячими музыкантами. Почувствовав голод, Мур забрался в заросли кисленки, собирая ягоды. Наставления Оссо о пользе воздержания и абстрактных размышлений уже выветрились у него из головы. Тем не менее,

отправив в рот очередную ягоду, он ненароком поднял глаза к белеющим строениям на храмовом холме — и застыл минут на пять, так и не опустив руку. Что-то произошло у него в голове, что-то соединилось. Он не пытался осознать появившиеся мысли, не мог проследить их последовательность, но их было достаточно для непроизвольного сокращения мышц — из его груди вырвался звук: презрительный смешок, похожий на фырканье чихающей кошки.

Когда он вернулся в хижину, Эатре пила чай. Она показалась Муре уставшей и бледной. Эатре спросила: «Ну что, как прошло собеседование с духовным отцом Оссо?»

Мур скрочил гримасу: «Говорит, нужно думать чистые мысли. Запретил играть с девчонками».

Эатре молча прихлебывала чай.

«Еще говорит, нельзя есть, что хочется. И что я должен выбрать имя».

С последним замечанием Эатре согласилась: «Ты уже большой, можешь придумать себе имя. Как ты назовешься?»

Мур угрюмо пожал плечами: «Оссо составит какой-то список».

«Он уже прислал список сыну Глинет, Ничу».

«Нич выбрал имя?»

«Теперь его зовут Геаклес Вонобль»

«Хм. Это в честь кого?»

Эатре равнодушно пояснила: «Геаклес был архитектором храма. Вонобль сочинил «Дифирамбы Ахилианиду»».

«Хм. Значит, толстого Нича надо величать Геаклесом?»

«Значит, так».

Четыре дня спустя чистый отрок протолкнул через ограду длинную палку с бумагой в расщепленном конце: «Послание Великого Мужа Оссо».

Мур принес послание в хижину и кое-как разобрал письмена — впрочем, не без помощи Эатре. По мере того, как он читал, лицо его все больше вытягивалось: «Бугозоний, экклезиарх, подвижник семи спазмов. Нарт Хоманк, поглощавший не более одного ореха и одной ягоды в день. Хигаджу, реорганизовавший процесс обучения чистых отроков. Фаман Ко-

силь, охолощенный разбойниками в лесу Шимрода за отказ отвергнуть идеалы любви к миру и непротивления злу. Боргад Польвейтч, обнаживший пагубность ереси амбисексуалистов». Мур отложил список.

«Что ты выберешь?» — спросила Эатре.

«Надо подумать. Не знаю».

Через три месяца Мура вызвали на второе собеседование с духовным отцом, снова в нижнем покое. Оссо продолжал наставлять Мура на путь истинный: «Тебе пора учиться вести себя так, как подобает чистому отроку. Каждый день отказывайся от той или иной детской привязанности. Изучай «Отроческий принципарий», тебе его выдадут. Ты выбрал имя?»

«Да», — сказал Мур.

«Кто из подвижников и мучеников удостоился твоего внимания?»

«Я решил называть себя: Гастель Этцвейн».

«Гастель Этцвейн! Во имя всего чрезвычайного и невероятного, где ты раздобыл сию номенклатуру?»

В голосе Мура появилось испуганно-умиротворяющее усердие: «Ну... я просмотрел рекомендованный список, конечно, но не смог... я подумал, что мне лучше было бы называться как-нибудь по-другому. Человек, проходивший по Аллее Рододенронов, подарил мне книжку «Герои древнего Шанта», и в ней я нашел свои имена».

«И кто же такие — Гастель и Этцвейн?»

Мур — или Гастель Этцвейн, ибо таково было теперь его мужское имя — неуверенно смотрел на возвышавшегося за кафедрой духовного отца. Он думал, что легендарные личности, поразившие его воображение, общеизвестны: «Гастель построил знаменитый планер из лозы, прутьев и железных кружев. Он стартовал с Ведьминой горы, чтобы облететь весь Шант, но вместо того, чтобы приземлиться на мысу Скупой Слезы, поднимался все выше и выше над Пурпурным океаном — уже в облаках ветер стал относить планер к Каразу,⁷ и

⁷ Караз: 1) цвет, черно-каштаново-сливовый, с зернистой текстурой, припорошенный или отливающий серебристо-серым, символизирует хаос и страдание, общую атмосферу мрачной катастрофы; 2) крупнейший из трех континентов Дердейна.

больше его никто никогда не видел... А Этцвейн был величайший музыкант, когда-либо бродивший по Шанту!»

Оссо помолчал полминуты, подыскивая слова. Наконец он заговорил — весомо, с уязвленной непреклонностью: «Свихнувшийся аэронавт и попрошайка, бренчавший на потеху пьяницам! Таковы, по-твоему, образцы для подражания? Я посрамлен. Я не сумел внушить надлежащие идеалы, пренебрег обязанностями. Ясно, что в твоем случае придется приложить дополнительные усилия. Гасвейн и Этцель — или как их там — неподобающие имена. Отныне тебя зовут Фаман Бугозоний! Мученик и подвижник — приличествующие отроку, несравненно более вдохновляющие примеры. На сегодня все».

Отказываясь думать о себе как о «Фамане Бугозонии», Мур спустился с храмового холма. Проходя мимо сыроятни, он задержался, праздно наблюдая за работой старух, потом медленно вернулся домой.

Эатре спросила: «Что случилось на этот раз?»

Мур ответил: «Я ему объяснил, что меня зовут Гастель Этцвейн. А он говорит: нет, меня зовут Фаман Бугозоний!»

Эатре рассмеялась; Мур смотрел на нее с печальным укором.

Улыбка исчезла с лица Эатре. Она сказала: «Имя ничего не значит; пусть называет тебя, как хочет. Ты быстро привыкнешь — и к новому имени, и к хилитскому распорядку жизни».

Мур отвернулся, достал хитан, прикоснулся к струнам. Он попробовал сыграть мелодию, подчеркивая ритм шорохами гремушки. Эатре слушала с одобрением, но Мур скоро остановился и недовольно покрутил инструмент в руках: «Ничего я не умею, выучил пару наигрышней, и все. Для чего боковые струны? Вот эти пуговки прижимают к струнам, чтобы они звенели — как это делать, если пальцев и так не хватает? Глиссандо и vibrato тоже не выходят».

«Мастерство не дается легко, — вздохнула Эатре. — Терпение, Мур, терпение...».

Глава 3

Когда ему исполнилось двенадцать лет, Мур, Гастель Этцивейн, Фаман Бугозоний — имена смешались у него в голове — прошел обряды очищения в компании трех других подростков: Геаклеса, Иллана и Морларка. Его обрили наголо и окунули в ледяную воду священного родника, окруженного каменной купальней под храмом. После первого погружения отроки натерлись пенящейся ароматической настойкой и снова подверглись пронизывающему до костей холодному купанию. Озябшие, голые, дрожащие, они прошлепали в коптильню, наполненную дымом горящего агафантуса. Из отверстий в каменном полу поднимались струи пара — в ядовитой атмосфере дыма, смешанного с горячим паром, мальчики задыхались, потели, кашляли. Стены кружились, пол уходил из-под ног. Один за другим они повалились на каменные плиты. Когда отворили двери, Мур едва мог приподнять голову.

Прозвенел голос хилита, отправлявшего обряды очищения: «Вставайте! Назад, в чистую воду! Соберитесь с духом — из какого теста вас испекли? Из болотной грязи? Посмотрим, кто из вас способен стать хилитом!»

Мур с трудом вскарабкался на ноги. Другой отрок, толстяк Геаклес, тоже поднялся, но пошатнулся и ухватился за Мура — оба упали. Мур снова встал, держась за стену, подтянул за собой Геаклеса. Распрямившись, тот оттолкнул Мура плечом и, гордо шлепая заплетающимися ногами, прошествовал в купальню. Мур стоял, оторопев от ужаса, не в силах отвести глаза от двух других мальчиков. Морларк лежал с неподвижно выпученными глазами — у него изо рта текла струйка крови. Иллан совершил конвульсивные одинаковые движения, как придавленное насекомое. Мур нагнулся было,

но его остановил бесстрастный голос наставника: «В купальню, быстро! За тобой наблюдают — тебя оценивают».

Мур добрел до купальни, плюхнулся в ледяной бассейн. Кожа его онемела, помертвела, руки и ноги стали тяжелыми и жесткими, как чугунные болванки. Хватаясь за камень, Мур постепенно, сантиметр за сантиметром, выполз на животе из купальни, каким-то чудом встал и, запинаясь, добрался по выложенному белой плиткой коридору до комнаты со скамьями вдоль стен. Там уже сидел Геаклес, закутанный в белую рясу и невероятно довольный собой.

Наставник бросил Муру такую же рясу: «Поверхность плоти избавлена от скверны — впервые после неизбежной мерзости животного рождения. Помазанные младенцы, вы рождены заново. Внемлите первому аргументу хилитского Протохизиса! Человек появляется на свет через клоаку первородного греха. Усердно очищаясь телесно и духовно, хилит отвергает неизбежность, освобождается, сбрасывая грех, как змея — старую кожу. Непосвященные же, заклейменные исчадия тьмы, влачат бремя скверны до конца дней своих. Пейте!» Наставник вручил каждому из отроков кувшин с густой жидкостью: «Ваше первое внутреннее очищение...»

Мур провел три дня в камере, где ему не давали ничего, кроме холодной святой воды. На четвертый день его заставили пройти в купальню, снова натереться тинктурой и окунуться в бассейн. Полумертвый, он выбрался на солнечный свет — чистым отроком.

Наставник дал краткие указания: «Нет нужды перечислять уставные ограничения — они тебе известны. Осквернившихся очищают заново, рисковать не советую. Твой духовный отец, Оссо Хигаджу — выдающийся хилит, не склонный к попустительству. Самый мимолетный контакт с порочным женским началом вызывает в нем горькое сожаление. Помню, как он посрамил чистого отрока, нюхавшего цветок. «Тычинки суть ничто иное как растительный женский орган размножения, — воскликнул Великий Муж Оссо, — а ты стоишь, засунув в него нос!» Оссо Хигаджу проследит за тем, чтобы ты знал назубок священные тексты. Храни помыслы в чистоте, содержи в чистоте тело. Превыше всего, снискивай одобре-

ние Великого Мужа Оссо! Теперь ступай — твой альков в нижнем общежитии. Там найдешь облатки и кашу. Ешь умеренно — сегодняшний вечер посвяти молитвенным размышлениям».

Мур направился к алькову — одному из многих в основании широкой, глубокой ниши под храмовой стеной — и разом проглотил все съедобное, что нашел. Солнца протанцевали за горизонт — небо стало темно-фиолетовым, потом черным с россыпями звезд. Мур лежал на спине, не понимая, как он теперь будет жить. Он пребывал в странном, приподнято-напряженном состоянии бдительной чуткости. Казалось, с помощью некоего неизвестного органа он способен был точно определить, что думал и чувствовал в эти минуты каждый из обитателей Башона.

Напротив в своем алькове сидел Геаклес Вонобль, притворяющийся, что не замечает Мура. Вокруг больше никого не было. Иллан и Морларк еще не закончили очищение. Чистые отроки, постриженные раньше, ушли слушать вечерние заповеди блаженства. Мур собрался было подойти к алькову Геаклеса и поболтать, но его отпугнула ханжески-благочестивая молитвенная поза сопричастника. Лукавый и наблюдательный Геаклес отличался непостоянным, раздражительным характером, но при необходимости умел быть любезным. С толстыми тугими щеками и грузным коротким торсом на длинных тощих ногах, он производил неприятное, нескладное впечатление. Круглые, желтовато-карие птичьи глаза его на все смотрели неподвижно, в упор, как если бы Геаклес никак не мог насытиться представшим перед ним зрелищем. Поразмыслив, Мур твердо решил не откровенничать с Геаклесом.

Он вышел посидеть под основанием храмовой стены. На полпути к зениту туманно белело большое бесформенное пятно,искрящееся пятидесятью звездами первой величины — самый заметный объект в ночном небе. Пятно сочилось бледно-молочным светом, отбрасывавшим тени чернее ночи: Скиафарилья, звездное скопление, игравшее значительную роль в истории Дердейна. Говорили, что Земля, легендарный первородный мир людей, находилась за Скиафарильей, но мнение это многими оспаривалось.

Из ниши, усиленный гулким эхом, бубнил голос Геаклеса, декламировавшего вслух оду Ахилианиду. Мур невольно прислушался. Несмотря на усталость, несмотря на предупреждения наставника, вопреки воле Великого Мужа Оссо Мур прокрался бы вниз по холму, чтобы навестить мать — если бы не Геаклес. Геаклес все видел, все понимал. Не было, однако, ничего преступного в том, чтобы немного размять ноги — не так ли?

Мур направился широкими шагами, чуть подпрыгивая, на прогулку вокруг холма. Он прошел мимо сыромуятни, уже темной и тихой, наполненной сотнями соревновавшихся запахов. Ему показалось, что сзади, на тропе, раздался тихий осторожный звук. Мур оглянулся и нырнул в тень, под навес, где хранились химикаты. Он ждал. Снова осторожный звук, шаги — кто-то спешил, притягиваясь, опять заторопился. Мимо, взглядываясь вперед с озорной бдительностью, не сулившей ничего доброго, трусцой пробежал Геаклес.

Мур не шевелился, пока следопыт-доброволец не скрылся за углом сыромуятни. Сомнений не было — Геаклес руководствовался тем принципом, что любые обстоятельства, чреватые неприятностями для других, можно использовать с выгодой для себя, и надеялся извлечь благодаря слежке некое еще не определившееся преимущество. Мур тихо стоял в темной глубине навеса, не слишком удивленный, даже не затаив обиду — чего еще можно было ожидать от Геаклеса?

Неподалеку находилась часовня, где молодые хилиты собирались перед входением в храм для ночного причастия с Галексисом. Держась в тени, Мур тихонько прокрался к чану для пропитки кож. Набрав в легкие воздуха, чтобы не дышать зловонными парами, он стал прощупывать дно оставленными в чане длинными узкими вилами, и в конце концов сумел подцепить и вытащить одну из шкур. Брезгливо удерживая скользкую, сочающуюся дубильным раствором шкуру на конце отставленных в сторону вил, Мур вскарабкался по склону холма и побежал на цыпочках к стене часовни.

Из окна доносились бормочущие голоса: «...Галексис, вездесущий в бесчисленных блаженных ипостасях, любвеобильный, близкий, но бесконечный и всеобъемлющий, открытый

всем и доступный каждому, смиренный, но величественный в беспрестанном поиске и уловлении душ, мы отвращаем очи наши, телесно и духовно, от мерзости и скверны низменных материй, от чувственных осязаемостей первого порядка!»

За молитвой следовал антифон, на квинту ниже: «Ночной покой снисходит в наши души холодной, чистой, свежей тишиной — ночной покой, ночной покой».

Начиналось следующее торжественное чтение: «Галексис, переливающийся спектром бесчисленных цветов, неисчерпаемый источник добродетели...»

Мур размахнулся вилами и закинул шкуру в открытое окно. Чтение прервалось удивленным проклятием. Мур тихонько припустил к своему алькову. Через несколько минут три молодых хилита заглянули в общежитие. Мур притворился спящим в положенной молитвенной позе. С противоположной стороны ниши раздался низкий хриплый голос: «Одного нет — чистого отрока Геаклеса. Ищите, ищите!»

Хилиты убежали в ночь, озаренную бледным светом звезд, и скоро обнаружили Геаклеса, прятавшегося на склоне под сыротятней. Геаклес лихорадочно заявлял о своей невиновности, прибегая ко всевозможным доводам, клялся, что, движимый исключительно стремлением к правоверной бдительности, следовал за чистым отроком Муром, привлекшим его внимание подозрительным поведением. Разъяренные хилиты не слушали его — один чистый отрок, пойманный на месте преступления, был лучше другого, чью вину еще требовалось установить. Геаклеса поколотили и выпороли, после чего заставили удалить шкуру из часовни и подвергнуть молитвенный зал ритуальному очищению.

Процесс очищения занял три ночи и два дня. Затем Геаклеса привели на заседание Комитета развития и совершенствования, где ему предложили ответить на ряд вопросов, призванных выяснить обстоятельства дела. Геаклес к тому времени не спал уже три ночи и два дня, прилежно отмывая и обкрутивая каждый уголок часовни. В полуобморочном состоянии он истерически, бессвязно лепетал первое, что приходило в голову. Истерика произвела на членов Комитета скорее положительное, нежели отрицательное впечатление. Было решено,

что Геаклес в целом представлял собой добротный материал, требовавший доработки. Поразительный проступок его объяснялся, по всей видимости, предрасположенностью к экстатическому юродству. Геаклес отделался пренебрежительным выговором — ему строго приказали, однако, сдерживать склонность к легкомысленному баловству.

На допросе Геаклес указал на Мура как на источник осквернения. Комитет отнесся к этой информации с безразличным скептицизмом. Тем не менее, произнесенное имя было занесено в протокол. Геаклес каким-то образом почувствовал общее расположение к нему Комитета и приободрился, хотя покрывался гусиной кожей от отвращения к Муру. Торжествующе хихикая и в то же время подывая от ярости, Геаклес вернулся в общежитие чистых отроков, где бурно обсуждались всевозможные аспекты скандала. При появлении Геаклеса наступила гробовая тишина. Он пересек помещение и лег на соломенный тюфяк — не в силах заснуть от усталости, перебирая в уме разнообразные сценарии возмездия. Из-под прикрытых век он наблюдал за Муром, предвкушая сладость мщения, но не находя подходящего предлога к действию. Что-нибудь подвернется, так или иначе наступит удачный момент...

Геаклес кипел, наливаясь злобой. Ненависть душила его — он задрожал всем телом, непроизвольно всхлипнул и быстро повернулся лицом к стене, чтобы другие не заметили драгоценной ненависти, не воспользовались ею, насмехаясь над его позором... Ненависть должна быть сокровенной, незапятнанной! Геаклесом овладело любопытное состояние: тело его спало, но ум, казалось, продолжал бодрствовать. Время летело незаметно. Согласно внутреннему ощущению прошло минут десять. Повернувшись, однако, он обнаружил, что солнца уже кружились высоко в небе, склоняясь к западу. Он пропал полдень, пропустил обед! Еще один провал, опять унижение!

Геаклес заметил Мура, сидевшего на скамье у входа в нишу общежития. Мур держал в руках экземпляр «Аналитического катехизиса», но внимание его было отвлечено созерцанием далей. Он казался расстроенным, безутешным, готовым

принять отчаянное решение. Геаклес приподнял голову, пытаясь представить себе, что происходило в воображении Мура. Почему подергивались его пальцы, почему он то и дело хмурил брови? Мур неожиданно вздрогнул и выпрямился, будто пробужденный подсознательным стимулом, поднялся на ноги и, ничего не замечая, как лунатик, побрел куда-то, скрывшись за углом.

Геаклес зарычал в сомнении и нерешительности. Он устал, у него еще ломило во всем теле. Но повадки Мура не походили на поведение чистого отрока. Геаклес тяжело поднялся с тюфяка, подошел к выходу, выглянулся за угол. Может быть, Мур отправился присмотреть за бобинами на плантации волокниц? Допустимо. Но опять же — походка Мура ничем не напоминала степенную торопливость чистого отрока, правоверно исполняющего обязанности. Геаклес вздохнул. Любопытство уже принесло ему уйму огорчений примерно в таких же обстоятельствах. Отрок потащился обратно в альков и погрузился в изучение «Аналитического катехизиса»:

«Вопрос. Во скольких ипостасях пребывает Галексис?»
«Ответ. Галексис многообразен и единороден, как сверкающий, волнующийся лик океана...»

Прошла неделя. Геаклес со всеми вел себя сердечно, по-приятельски; чистые отроки отвечали сдержанной подозрительностью. Мур вообще не замечал его. Зато Геаклес посвящал значительную долю времени тайному наблюдению за Муром.

Однажды, пока Геаклес сидел в алькове, заучивая наизусть провозглашения символов веры, Мур снова вышел посидеть на скамье у открытого входа ниши. Геаклес немедленно заинтересовался и следил за каждым движением Мура, прикрыв лицо катехизисом. Судя по всему, Мур разговаривал сам с собой. «Гм, — думал Геаклес, — он всего лишь повторяет литанию или символ веры. Но почему его палец с такой регулярностью постукивает по колену? Странно». Геаклес удвоил бдительность. Мур вернулся к алькову. Геаклес внимательно склонился над списком символов веры. Положив кате-

хизис в углубление над тюфяком, Мур вышел под открытое небо, задержался на пару секунд, рассматривая что-то под холмом, бросил быстрый взгляд через плечо и направился вниз по склону. Геаклес тут же вскочил и побежал к выходу. Мур целенаправленно маршировал по тропе на север. «К плантации волокниц», — решил Геаклес, презрительно шмыгнув носом. Мур — точнее говоря, Фаман Бугозоний — всегда прилежно ухаживал за деревьями. И все же: почему, уходя, он оглянулся?

«Интересно, интересно!» — думал Геаклес, потирая ладонью бледные пухлые щеки. Чтобы узнать, нужно увидеть — круглыми желто-карими глазами. Чтобы увидеть, необходимо не упустить предмет наблюдения из поля зрения. В конце концов, ему тоже следовало присмотреть за бобинами — уже несколько недель Геаклес пренебрегал порученным ему участком плантации. Ему не нравилось поправлять липкие бобины, выпалывать сорняки, устанавливать подпорки под отяжелевшие ветви, осторожно протягивать новые нити — но теперь утомительные обязанности казались удобным предлогом последовать за Муром, не опасаясь неприятностей.

Геаклес стал спускаться по одной из тропинок, паутиной покрывавших выжженный солнцами склон храмового холма. Он старался придать походке спокойную размеренность и целеустремленность, в то же время оставаясь незамеченным — непростая задача. Если бы Мур не был полностью погружен в невеселые думы, Геаклесу пришлось бы либо прятаться, либо обнаружить себя.

Но Мур, не замечая слежки, углубился в тенистую рощу волокниц. Геаклес, пригнувшись и перебегая от ствола к стволу, не отставал.

С восьми лет Мур ухаживал за восемнадцатью старыми деревьями, следя за намоткой волокна на бобины — их было больше сотни. Он помнил наклон каждой ветки, узнавал форму каждого листа, мог правильно предсказать количество и вязкость живицы, сочившейся из того или иного надреза. У каждой бобины были свои повадки и причуды. В одних, если стеклянная пружина была взведена слишком туго, заедало храповик. Другие исправно вращались только под определен-

ным углом. Лишь несколько бобин работали бесперебойно — такие Мур использовал для намотки волокна, тянувшегося из самых высоких надрезов.

Геаклес оставался в укрытии, пока Мур обходил бобины, взводя пружины механизмов, заменяя отяжелевшие катушки новыми, уничтожая присосавшихся к стволам древесных пиявок. На дюжине ветвей надрезы высохли и остекленели. Мур сделал новые зарубки — из них сразу же выступила смолистая живица. Мур вытягивал ее в нити, быстро твердевшие и превращавшиеся в шелковистое волокно. Намотав концы нитей, Мур проверил равномерность вращения бобин. Геаклес наблюдал с мрачным разочарованием: проклятый Мур вел себя как невинный, трудолюбивый, ответственный чистый отрок.

Мур, однако, стал двигаться заметно быстрее, как если бы ему не терпелось поскорее закончить работу. Геаклес, следивший из-за ствола, отдернул голову и присел на корточки между широкими корнями — Мур внимательно осматривал окрестности и собирался повернуться в его сторону. Лицо Геаклеса расплылось в улыбке: невинные чистые отроки так себя не вели.

Мур побежал вниз по склону — так быстро, что Геаклесу стоило большого труда за ним поспевать. Спустившись до тропы, тянувшейся за оградами задних дворов хижин параллельно Аллее Рододендронов, Мур направился на восток. Геаклес не осмеливался показаться на открытой прямой тропе. Толстяк стал лавировать по зарослям кисленки и забрел в крапиву. Ругаясь и шипя, он выбрался из кустов и спрятался среди рододендронов. Мур уже почти скрылся из вида. Пригибаясь, Геаклес поспешил за ним перебежками от прикрытия к прикрытию. Наконец он оказался там, откуда можно было видеть всю тропу.

На тропе Мура не было. Геаклес поразмышлял немного, после чего вышел на Аллею Рододендронов, тем самым вступив на территорию, с точки зрения чистого отрока весьма сомнительную — не то чтобы оскверненную, но требовавшую соблюдения особых мер предосторожности. На аллее Мура тоже не было. Не на шутку озадаченный Геаклес вернулся на

тропу за хижинами. Где проклятый Мур? Не забрался же он в одну из хижин? Геаклес в ужасе облизался, сглотнул, побежал трусцой к хижине Эатре. Приблизившись, он остановился, прислушался — Эатре развлекала музыканта. Но где же Мур? Геаклес озирался по сторонам. Конечно, он не мог быть внутри вместе с матерью и музыкантом. Толстяк прошел мимо хижины, обозленный, недовольный собой. Каким-то невероятным образом Мур его одурачил...

Музыка прервалась. Послышались беспорядочные аккорды, пассажи, арпеджио. Мелодия возобновилась. Судя по всему, звуки доносились не из хижины, а из сада за хижиной. Геаклес подобрался ближе, заглянул в сад через листву, тихонько отошел — и, подпрыгивая, как заяц, помчался со всех ног вверх по храмовому склону. Эатре, выглянувшая в окно, хорошо его видела.

Прошло пятнадцать минут. С холма, вытягивая носки, длинными шагами сошел Великий Муж Оссо, сопровождаемый двумя хилитами. Все трое щурились слезящимися глазами, покрасневшими от вызванных гальгой спазмов. За ними семенил Геаклес. Группа прошествовала по Аллее Рододендронов.

Процессия остановилась напротив хижины Эатре. Стоял жаркий полдень — солнца кружились высоко в небе, отбрасывая в дорожной пыли тени с тройными, медленно крадущимися краями. В душной тишине можно было слышать жужжение спиралетов в кронах деревьев и далекие глухие удары, доносившиеся с кожевенного завода.

Не подходя к двери ближе, чем на пять шагов, Оссо подозвал рукой мальчика, глазевшего неподалеку: «Вызови женщину Эатре».

Мальчик испуганно побежал к выходу на задний двор. Скоро открылась передняя дверь. Эатре выглянула и молча встала на пороге в скромной, внимательной позе.

Великий Муж Оссо грозно вопросил: «Чистый отрок Фаман Бугозоний — внутри?»

«Его здесь нет».

«Где он?»

«Насколько я понимаю, где-то в другом месте».

«Его здесь видели пятнадцать минут тому назад».

Эатре ничего не ответила. Она ждала в дверном проеме.

Оссо придал голосу угрожающую значительность: «Женщина, препятствовать нам неразумно».

Лицо Эатре подернулось едва заметной усмешкой: «Разве я препятствую? Ищите сколько хотите, где хотите. В хижине мальчика нет — его здесь не было ни сегодня, ни в любой другой день после пострижения».

Геаклес забежал за хижину и стал призывающе махать рукой из-за угла. Брезгливо подбиравая рясы, хилиты пошли посмотреть, что там делается. Геаклес возбужденно указывал на скамейку в саду: «Он там сидел! Женщина уклоняется».

Оссо надменно выпрямился: «Женщина, так ли это?»

«Что из того? Скамья не оскверняет».

«Тебе ли судить о таких вещах? Где отрок?»

«Не знаю».

Оссо повернулся к Геаклесу: «Проверь, вернулся ли он в общежитие. Приведи его сюда».

Геаклес с великим усердием бросился к храму, напряженно работая руками и ногами. Через пять минут он вернулся, ухмыляясь и часто дыша, как собака: «Идет, уже идет!»

Мур медленно вышел на дорогу.

Оссо отступил на шаг. Широко раскрыв глаза и слегка побледнев, Мур спросил: «Вы хотели меня видеть, духовный отец?»

«Вынужден обратить твоё внимание, — сказал Оссо, — на тот прискорбный факт, что ты праздно околачивался у дома матери, как молочное дитя, и праздно бренчал на кабацком инструменте».

«К сожалению, духовный отец, вас неправильно проинформировали».

«Вот свидетель!»

Мур покосился на Геаклеса: «Он сказал неправду».

«Разве ты не сидел на скамье, на женской скамье? Разве ты не взял музыкальный инструмент из женских рук? Ты осквернился женским духом, тебе нет оправдания!»

«Эта скамья, духовный отец, раньше стояла под храмом. Ее выбросили, я перенес ее сюда. Заметьте, она стоит далеко от хижины, за садовой оградой. Хитан — мой собственный, его сделал и подарил мне мужчина. Перед пострижением я прокоптил его в храме дымом агафантуса — от него до сих пор воняет. После этого я хранил его в шалаше для упражнений. Шалаш я построил своими руками — вот он, видите? Я не виновен ни в каком осквернении».

Оссо возвел к небу слезящиеся очи, собираясь с мыслями. Два чистых отрока ставили его в смешное положение. Фаман Бугозоний с изобретательностью, заслуживавшей лучшего применения, избежал действий, приводивших к откровенному осквернению, но сама изобретательность его указывала на развращенность и испорченность... Геаклес Вонобль, будучи неточен в утверждениях, сделал правильное заключение о нечистоте помыслов другого отрока. Как бы то ни было, невзирая на софистические увертки Фамана Бугозония, подрыв авторитета ортодоксального учения был абсолютно недопустим. Оссо произнес: «Сад за хижиной матери — неподобающее убежище для чистого отрока».

«Не хуже любого другого, духовный отец. Здесь, по крайней мере, я никому не мешаю, предаваясь отвлеченным размышлениям».

«Отвлеченным размышлениям? — хрипло спросил Оссо. — Разучивая джиги и кестрели, пока другие чистые отроки ревностно предавались молитвам?»

«Нет, духовный отец, музыка помогала сосредоточению моих мыслей, в точном соответствии с вашими рекомендациями».

«Что такое? Ты утверждаешь, что я рекомендовал подобные занятия?»

«Да, духовный отец. Вы говорили, что вам на стезе аскетического самоотвержения помогло завязывание в уме воображаемых узлов, и разрешили мне использовать с той же целью музыкальные звуки».

Оссо снова отступил на шаг. Два хилита и Геаклес смотрели на него с ожиданием. Оссо сказал: «Я подразумевал другие звуки, в других обстоятельствах. От тебя разит лукавой

мирской скверной! А ты, женщина? О чем ты думала? Неужели ты не знала, что такое поведение достойно сурового порицания?»

«Я надеялась, Великий Муж, что музыка поможет ему в будущей жизни».

Оссо сухо усмехнулся: «Мать чистого отрока Шальреса! Мать чистого отрока Фамана! Два сапога пара! Тебе не придется больше плодить чудеса природы. В сыромятню!» Оссо резко повернулся на месте, указывая пальцем на Мура: «Рассуждать ты горазд — а твои успехи в священной эрудии мы проверим».

«Духовный отец! Пожалуйста! Я только стремился к совершенствованию знаний!» — кричал Мур, но Оссо уже уходил. Мур обернулся к Эатре — та с улыбкой пожала плечами и зашла в хижину. Мур яростно направился к Геаклесу, но хилиты преградили ему дорогу: «В храм, ступай в храм! Ты что, не слышал духовного отца?»

Мур упрямymi шагами поднялся к храму и уединился, насколько это было возможно, на тюфяке в своем алькове. Геаклес не замедлил последовать за ним, сел в алькове напротив и стал смотреть на Мура.

Прошел час, прозвучал удар колокола. Чистые отроки гурьбой направились в трапезную. Мур вышел за ними, остановился в нерешительности, обернулся, посмотрел за дорогу, за хижины — в сиреневую даль.

Геаклес не сводил с него глаз. Мур тяжело вздохнул и стал спускаться к трапезнной.

У входа в трапезную стоял наставник-хилит. Он отвел Мура в сторону: «Тебе сюда».

Наставник провел Мура вокруг храма, ко входу в редко использовавшееся полуподвальное помещение. Распахнув ветхую дощатую дверь, он жестом приказал Муру войти. Высоко подняв над головой стеклянный светильник, наставник прошел вперед по длинному коридору, прокопченному жженой гальгой, в большую круглую камеру в самой глубине храмового подземелья. Сырые известняковые стены отдавали плесенью, пол был выложен темным кирпичом. С потолка свисал на веревке единственный светильный шар.

«Зачем мы здесь?» — с дрожью в голосе спросил Мур.

«Здесь тебе предстоит учиться в уединении вплоть до повторного очищения».

«Повторное очищение? — вскричал Мур. — Но я же не осквернился!»

«Полно, полно! — покачал головой наставник. — Зачем притворяться? Неужели ты думаешь, что духовного отца Оссо — или меня — так легко перехитрить? Даже если ты не осквернился телесно, ты совершил сотню проступков, равнозначенных осквернению духовному». Наставник помолчал, но Мур ничего не ответил. «Заметь: на столе книги, — продолжал хилит. — «Доктрины», «Провозглашения символов веры», «Аналитический катехизис». Они утешат и умудрят тебя».

Мур хмуро огляделся: «Сколько меня здесь продержат?»

«Столько, сколько потребуется. В шкафу еда и питье, рядом — отхожее место. А теперь последний совет: покорись, и все будет хорошо. Ты внемлеши?»

«Внемлю, наставник, внемлю».

«На перекрестках жизни не раз приходится выбирать дорогу. Не выбирай опрометчиво — ты можешь никогда не вернуться к развилке. Галексис тебе в помощь!»

Наставник ушел по коридору. Мур смотрел вслед, ему тоже ужасно хотелось уйти... Но его привели сюда зубрить священные тексты. Если он уйдет, с ним сделают что-нибудь почище повторного очищения.

Мур прислушался: ничего, кроме тайных шепотов подземелья. Он встал в открытом дверном проеме, взгляделся во тьму коридора. Конечно же, за ним следили. Или приготовили какую-нибудь ловушку. Попытавшись выбраться наружу, он мог угодить в западню хуже подземной камеры. Он мог умереть. «Покорись, — сказал наставник. — Покорись, и все будет хорошо».

Вполне возможно, что покорность была наилучшим выходом из положения.

Трезво оценив обстоятельства, Мур отвернулся от выхода, подошел к столу, сел и просмотрел книги. «Доктрины» были напечатаны на ручном станке лиловыми буквами на переме-

жающихся зеленых и красных страницах. Письмена с трудом поддавались прочтению, текст содержал множество непривычных, непонятных выражений. «Тем не менее, — подумал Мур, — будет полезно внимательно их изучить». «Провозглашения символов веры», произносившиеся нараспев во времяочных служб, не имели большого значения, так как лишь придавали «благочинность», по выражению хилитов, экстатическим спазмам.

Мур вспомнил, что еще не обедал, вскочил и подошел к шкафу. В нем он нашел дюжину пакетов с сушеными ягодами — достаточно, чтобы продержаться дней двенадцать или, если экономить, даже дольше. Следовало руководствоваться здравым смыслом. Тут же стояли три больших кувшина с водой, из толстого темно-зеленого стекла. Ни тюфяка, ни кушетки не было — предстояло спать на скамье. Мур вернулся к столу, взял «Аналитический катехизис» и стал читать:

- «Вопрос. Когда откровение Галексиса снизошло на хилитов?»
- «Ответ. Четыре тысячи лет назад Непревзойденная Система была выработана Хаксилем, принужденным к курению гальги зловонием супруги, невыносимой и в других отношениях».
- «Вопрос. Во скольких ипостасях пребывает Галексис?»
- «Ответ. Галексис многообразен и единороден, как сверкающий, волнующийся лик океана, приемлющий от каждого и воздающий всем».
- «Вопрос. Где пребывал Галексис до открытия хилитами священного курения?»
- «Ответ. Галексис извечный, вездесущий, являлся смутной тенью аскетам всех времен и народов, но только хилиты, строго следуя принципу абсолютной дихотомии, воочию узрели Галексиса».

- «Вопрос. В чем заключается принцип абсолютной дихотомии?»
- «Ответ. В духовном подвиге самоотречения, ведущем к познанию лживости и скверны порочного женского начала. Блаженству Галексиса, подвижники, возрадуемся!»
- «Вопрос. В чем состоит назначение Животворящего Мощеприемника?»
- «Ответ. В непорочном зачатии Совершеннородного Сына — да святится имя Его! — Галексисом и чистыми мужами в экстазе спазматического сретения. Грядет Сын Совершеннородный!»
- «Вопрос. Какова роль Совершеннородного Сына в грядущей судьбе человечества?»
- «Ответ. Он несет благую весть о Галексисе от мира к миру, в галактические сонмы — и горе, о, горе женским исчадиям на чистой стезе Его, ибо Его есть мужская сила, и слава вовеки...»

Мур отложил катехизис, находя его невыразимо скучным и бессмысленным. Он заметил надписи, выцарапанные на столе — десятки надписей. Имена, вырезанные в дереве, потемневшие, полустертые от времени — и недавние, еще выделявшиеся светлой желтизной древесины... Что это? «Шальрес Гаргамет»! У Мура душа ушла в пятки. Значит, сюда привели Шальреса. Как он умер? С ужасом озираясь, Мур медленно поднялся на ноги. Потайной ход? Он обошел камеру, ощупывая, рассматривая стены. Во влажном известняке не было заметных щелей.

Медленно вернувшись к столу, Мур встал под светильным шаром, дрожа, как от холодного ветра. Только теперь он осознал всю безысходность положения. Обряды повторного очищения обещали быть строже и мучительнее, чем в первый раз. Темный открытый выход приобрел огромную притягательную силу. Коридор вел наружу — Мур ничего не хотел больше, чем снова оказаться под открытым небом. Тот же ко-

ридор, однако, таил в себе угрозу страшного наказания. Мур вспомнил Шальреса — мертвого, изувеченного, плававшего лицом вниз в жиже отстойника сыромятни.

Отчаяние охватило Мура. Шар озарял неприязненно-равномерным светом жалкие каракули на столе. Оставалось только покориться.

Прошло время, больше часа. Мур безразлично зубрил вслух тексты из катехизиса — вопросы ни о чем, ответы, ничего не объяснявшие. Он изучил первую из «Доктрин»: «Первоначальные истолкования от Хаксиля». Древний том с испретанными страницами явно никогда не выносили из камеры. Плесень смазала письмена, страницы слипались. Бледно-лиловые буквы сливались с красной и зеленою бумагой.

Мур отложил «Доктрины» и сидел, повернувшись к выходу — желанному, угрожающему. Допустим, он пробежит по коридору — быстро, легко, как на крыльях, в приступе храбрости вырвется на свободу, на свежий воздух... Вряд ли все так просто. Без подвоха не обойдется. Наружная дощатая дверь могла быть заперта. За непослушание ему уготовят участ Шальреса. Чего еще ждать от хилитов? Только унизившись, безусловно покорившись, распростершись перед духовным отцом Оссо с пылкими заверениями в незапятнанности помыслов, ревностно отвергая любую привязанность к матери в прошлом, настоящем и будущем, он мог надеяться на сохранение статуса чистого отрока.

Мур облизал пересохшие губы. Унижение лучше смерти в отстойнике. Он нагнулся над «Доктринами», прилежно запоминая наизусть целые параграфы, напрягаясь, пока не закружила голова, пока не стали гореть глаза. На четвертой странице серый пушистый грибок полностью покрывал верхнюю половину текста, на пятой и шестой тоже красовались большие пятна плесени. Мур уставился в книгу с бессильным раздражением — как можно выучить «Истолкования», если текст невозможно разобрать? Оссо даже слушать не станет никаких благовидных оправданий: «Разве ты не взял из общежития свой экземпляр Хаксиля? Когда я был чистым отроком, я не расставался с этим кладезем мудрости!» Или: «Положения, приведенные на поврежденных страницах, элемен-

тарны. Ты должен был давно выучить их наизусть». С другой стороны, по мнению Мура, испорченный том давал ему законный предлог попытаться выйти через коридор. Если кто-нибудь его сторожил, он мог указать на заплесневевшие страницы и попросить том «Истолкований» в лучшем состоянии. Мур приподнялся. Выход в коридор зиял зловещим черным прямоугольником.

Мур снова опустился на скамью. Наверняка уже наступила ночь. Никакой хилит не останется ночью на страже — еще чего! Чистые отроки тоже спят. Сигнализация? Маловероятно. Во время спазматическихочных бдений хилиты не выносили ни малейшего беспокойства.

Когда его вели в камеру, на наружной двери не было замка. Может быть, освобождению ничто не препятствует, кроме страха? Мур поджал губы. Скорее всего, в коридоре подготовили ловушку: капкан, волчью яму, силок. С потолка могла упасть липкая сеть или клетка с острыми стеклянными шипами. Хилиты могли заменить один проход другим так, чтобы он вел в тупик или замыкался петлей, и покрыть пол песком или грязью, чтобы впоследствии проверить, пытался ли пленник выбраться из западни. Ложный коридор мог привести на край колодца, откуда утром достанут крючьями холодный труп с переломанными руками и ногами.

Мур боязливо косился на черный проем в стене. Казалось, мрак смотрел на него невидимыми глазами. Вздохнув, он вернулся к заплесневевшим книгам, но никак не мог сосредоточиться. Отломив от стены кусочек известняка, он старательно нацарапал на столе свое имя, рядом с другими. Только закончив это увлекательное занятие, он с испугом заметил, что написал: «Гастель Этцвейн». Еще одно свидетельство упрямства и неповиновения — если кто-нибудь заметит. Мур уже приготовился было соскоблить написанное, но внезапно, в приступе гнева, швырнул камешек в стену. Он с вызовом глядел на вырезанное имя. Его звали Гастель Этцвейн! Пусть его убьют тысячу раз, он не станет никем другим, потому что это он и есть!

Вспышка отваги быстро померкла. Обстоятельства не изменились. Ему предстояло провести в камере неизвестное

время, а затем подвергнуться повторному очищению — или, вопреки страху, холодком пробегавшему по спине, нужно было исследовать коридор.

Медленно поднявшись на ноги, он стал шаг за шагом приближаться к выходу. Светильный шар тускло озарял коридор на три-четыре метра — дальше ничего не было видно. Мур обернулся: шар висел высоко, примерно в трех метрах над столом. Поставив скамью на стол, Мур взобрался на нее. Все равно он не дотягивался до шара, оставалось не меньше метра. Неуклюже, как старик, щадящий суставы, Мур спустился на пол и снова подошел к выходу — посмотреть в темный коридор.

Без сомнения, коридор был перекрыт или содержал западню. Мур пытался вспомнить, как наставник вел его в камеру. Наставник шел впереди и нес над головой лампу, освещавшую влажный камень сводчатого потолка. Мур не видел под потолком ни клеток, ни сетей — хотя, конечно, их могли установить позже. Падение сети или клетки могло вызываться прикосновением к нити, протянутой поперек коридора, или замыканием электрического контакта — хотя хилиты очень мало знали об электричестве и откровенно не доверяли ни электрическим устройствам, ни биомеханизмам. Таким образом, ловушка, если она существовала, скорее всего была просто устроена и, вероятно, приводилась в действие механизмом на полу или в нижней части коридора.

Почти не дыша, Мур исподлобья смотрел в темный коридор. В его жизни наступал решающий момент. Вернувшись к столу и выучив назубок катехизис и все, что можно было прощать в томе «Доктрина», Мур оставался Фаманом Бугозонием, с карьерой ревностного хилита в перспективе. Пробираясь по коридору в надежде вдохнуть свежего воздуха и раствориться в ночи, он становился Гастелем Этцвейном.

Жалкое, испачканное тело Шальреса маячило перед глазами. Мур пискнул, как котенок, от страха и отчаяния. Другое видение явилось внутреннему взору — длинное лицо духовного отца Оссо: массивная нижняя челюсть, высокий лысеющий лоб с редкими прядями волос на макушке, слезающиеся, покрасневшие глаза, пытливо выискивающие крамолу. Мур

еще раз пискнул, опустился на четвереньки и полез в темный коридор.

Освещенный выход из камеры тускнел далеко позади. Мур тщательно изучал темный пол, осторожно перемешая ладони вперед и ощупывая пальцами, как бегающими антеннами насекомого, каждую пыльную неровность в поисках натянутой нити, струны, провала, люка. Насколько он помнил, коридор должен был сначала повернуть налево, потом снова направо. Поэтому Мур держался ближе к левой стене.

Теперь его окружал непроглядный мрак. Перед тем, как чуть продвинуться вперед, Мур водил перед собой руками, будто в поисках паутины. Ничего не ощущив в воздухе, он так же внимательно проверял поверхность пола, и только после этого позволял себе слегка передвинуть колени.

Мучительно медленно он завоевывал метр за метром. Черная тишина давила, как вещества, сопротивляющееся вытеснению. Мур был слишком напряжен, чтобы бояться. Прошлое и будущее не существовали, явным было только настоящее: опасность, веявшая из темноты легким влажным сквозняком. Суетились чуткие пальцы-антенны — от них зависела жизнь.

Впереди, слева, не было стены — первый поворот! Мур остановился, ощупывая углы с обеих сторон, проверяя соединения каменных блоков. Он повернулся за угол, заставляя себя двигаться дальше, но сожалея об оставшейся позади безопасной, проверенной территории. Он все еще мог вернуться в камеру, к благонравным занятиям. Впереди был переход между двумя длинными частями коридора — самое удобное место для западни. Удвоив внимание, Мур многократно проверял воздух, пол и стены, углубляясь в темноту неизвестности с незаметной настойчивостью растения.

Пальцы его ощутили странное изменение текстуры поверхности пола — что-то морщинистое, волокнистое, не такое холодное, как камень. Дерево! Дерево на полу. Мур нащупал стык между камнем и деревом. Стык, перпендикулярный проходу, доходил до основания стен с обеих сторон. Опираясь коленями на камень, Мур проверил руками воздух: нитей не было. Деревянный пол впереди казался прочным и надежным, без подозрительных сочленений. Он не подавался,

когда Мур нажимал на него ладонью. Мур лег на живот и пополз вперед, вытягивая руки как можно дальше. Ничего, кроме дерева. Он прополз еще несколько сантиметров, снова ощупал пол впереди. Дерево. Постучав кулаком по дереву, однако, он услышал гулкий отзвук, не характерный для досок, лежащих на земле или скрепленных цементным раствором. Опасность, опасность! Мур продвинулся еще чуть-чуть вперед. Пол начал наклоняться — его ноги поднимались! Мур панически отполз назад. Пол со стуком вернулся на прежнее место. Деревянная секция поворачивалась на шарнирах, установленных чуть дальше, чем на полпути через перекрытый провал. Половина подлиннее, обращенная к преодоленной Муром части коридора, опиралась на каменный уступ. Другая половина, чуть короче, свободно опускалась. Если бы Мур шел, обшаривая стены, он не успел бы отступить назад. Вес, перенесенный на ногу, ступившую за поперечную ось, заставил бы заднюю половину люка резко подняться в воздух, и Мур, соскользнув по дереву, полетел бы, размахивая руками, в шахту, заботливо приготовленную хилитами.

Мур тихо лежал, обнажив зубы в волчьем оскале. Он помнил, что расстояние от края каменного пола до воображаемой поворотной оси было не больше длины его тела, то есть полутора метров. Можно было допустить, что длина второй, опускавшейся половины деревянной секции тоже составляла метра полтора. Если бы у него был светильник, Мур, наверное, рискнул бы перескочить вторую половину с разбега. Но только не в темноте: что, если он не рассчитает и переступит через роковую ось? Нервный оскал Мура растянулся так, что у него заныло в висках. Нужна была доска, лестница, что-нибудь.

Мур вспомнил о скамье в камере, длиной не меньше трех метров. Поднявшись на ноги и держась за стену, он вернулся в камеру — на обратный путь ушло гораздо меньше времени. Тихая, освещенная камера успокаивала, даже убаюкивала. Мур поднял скамью и понес ее по темному коридору, уже проверенному и безопасному. Дойдя до поворота, он снова опустился на четвереньки, положил скамью сиденьем вниз и потащил ее рядом с собой. Начался деревянный пол. Мур

протолкнул скамью вперед и вытянулся во весь рост на первой половине деревянной секции — так, чтобы ближний конец находился прямо у него перед носом. Он надеялся, что дальний конец уже опирался на камень. С величайшей осторожностью и вниманием он перенес свой вес на скамью, готовый отскочить назад при малейшем колебании.

Скамья держалась прочно. Мур пополз вперед и, еще не достигнув дальнего конца, нащупал пальцами камень. Он снова оскалил зубы — на этот раз с радостью и облегчением.

Но коридор еще не кончился. Двигаясь на коленях с прежней осторожностью, Мур добрался до второго поворота. В нескольких метрах впереди горела маленькая желтая лампочка, бледным полукругом освещавшая дверь — старую дощатую дверь, выход! Задыхаясь от волнения, Мур подошел ближе. Дверь заперли на замок — по всей видимости только для того, чтобы предотвратить падение в шахту ничего не подозревающего хилита или чистого отрока, случайно зашедшего в подземелье.

Мур издал унылый звук, рассмотрел и потрогал дверь, изготовленную из сухих, но добротных досок, сбитых клиньями и склеенных... Дверь висела на петлях из спеченных железных кружев. Дверная рама, тоже деревянная, выглядела более податливой и слегка прогнившей. Подобравшись, Мур толкнул дверь плечом, наваливаясь всем ничтожным весом тощего, еще не окрепшего тела. Дверь не шелохнулась. Мур опять набросился на дверь. Ему показалось, что задвижка подалась. Снова и снова он бился о дверь — старое дерево трещало, но не уступало. Мур покрылся синяками и ссадинами, но боль ничего не значила. Он вспомнил про скамью и побежал назад, до поворота. За углом он резко замедлился, и, опираясь на одну руку, другой осторожно нащупал конец скамьи. Подтащив скамью к себе, он принес ее к наружной двери, прицелился, разбежался — и ударил концом скамьи по деревянной задвижке. Рама расщепилась, дверь распахнулась. Мур вышел из гулкого подземелья, еще перекликавшегося отзвуками удара.

Поставив скамью поодаль у стены храма, где было еще несколько таких же, Мур вернулся к двери и закрыл ее. Вст-

вив на место отскочивший кусок рамы, он плотно прижал его. Теперь замок можно было открыть, не обнаружив поломки. Мур злорадно представил себе хилитов, чешущих в затылках.

Через минуту Мур стоял, задрав голову к трепещущим блесткам звезд в мутной оправе Скиафарильи. «Я — Гастель Этцвейн! — возбужденно бормотал он. — Гастель Этцвейн сбежал от хилитов, Гастель Этцвейн еще наломает дров!»

Но праздновать освобождение было преждевременно. Побег рано или поздно обнаружили бы, скорее всего уже на следующее утро, но никак не позже, чем через два-три дня. Оссо не мог прибегнуть к помощи Человека Без Лица, но ему ничего не стоило отправить посыльного в Дебри за ищеками-ахульфами. Ахульфы брали любой, самый старый, выветрившийся след, и не сбивались с него до тех пор, пока беглец не садился в колесный экипаж, в лодку или в гондолу воздушной дороги. Гастель Этцвейн должен был снова положиться на свою изобретательность. Оссо предположит, конечно, что беглец постарается как можно скорее оказаться как можно дальше от Башона. Следовательно, если Гастель Этцвейн останется неподалеку от храма, пока ахульфы рыщут по окрестностям в бесплодных поисках, и выйдет из укрытия, когда ищеек с проклятиями отправят восвояси, он сможет спокойно уйти. Куда? Это уже другой вопрос.

В ста метрах ниже по склону находилась сыромятня с сараями и пристройками, где можно было найти десятки укромных уголков. Гастель Этцвейн стоял в тени под аркой нижнего покоя, прислушиваясь к шорохам ночи. Он чувствовал себя странно, как бестелесный призрак. Наверху, в храме, распростершись в клубах дыма курящейся гальги, причащались к Галексису хилиты. Их редкие нечленораздельные взглазы поглощались глухими стенами, почти не нарушая тишину.

Гастель Этцвейн не спешил выходить из-под арки. Торопиться было некуда. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы сбить с толку ахульфов, способных улавливать запахи, недоступные человеческому обонянию. В том, что Оссо устроит облаву, он не сомневался. Поискав в глубине нижнего покоя, он обнаружил в углу старую рясу, служившую ветошью для удаления пыли с кафедры. Он разорвал ее пополам.

Бросая на каменистую почву то одну, то другую половину рясы и перепрыгивая с одной на другую, он покинул храм и спустился с холма, не оставляя ни следов, ни запаха, способного привлечь ахульфов. Добравшись до ближайшей пристройки сыромятни, Гастель Этцвейн тихо смеялся.

Он укрылся в закоулке саarya. Положив голову на свернутую рваную рясу, он уснул.

Сасетта, Эзелетта и Зээль выкатывались из-за горизонта каруселью, стрелявшей подвижными разноцветными лучами. С холма донесся пульсирующий звон колокола, созывающий чистых отроков в храмовые кухни, где они ежедневно варили зерновую кашу хилитам на завтрак. На восточный двор стали выходить хилиты — изможденные, красноглазые, с бородами, прокопченными дымом гальги. Добравшись до скамей, они расселись, подслеповато щурясь на разгоравшийся рассвет, все еще не окончательно очнувшись. Женщины, работавшие в сыромятне, уже получили хлеб и напились чаю. Теперь они выстраивались на перекличку — одни в угрюмом молчании, другие с шутками и прибаутками. Нарядчицы выкрикивали имена работниц, получивших особые задания — эти вышли из строя и разбрелись в разные стороны. Несколько старух, матриархи «сестринской общины»⁸, направились к навесам с химикатами, чтобы приготовить смесь трав, порошков, красителей и вяжущих добавок. Другие окружили чаны для выскабливания, вымачивания, пропитки и выжимки шкур. Еще одна бригада обрабатывала свежие шкуры, доставленные ахульфами из Дебрей.

После сортировки шкуры раскладывали на круглых деревянных столах, где их подвергали предварительной очистке, обрезке и растяжке. Приготовленные шкуры спускали по желобу в чан со щелоком. Ээтре поручили работать за столом для очистки шкур — ей выдали щетку, стеклянный нож и маленький острый скребок с деревянной ручкой. Джаталья, высокая надсмотрщица, ходила вокруг стола и понукала работ-

⁸ «Зориани нах-таир нах-таири»: в приблизительном переводе, «свершительницы актов отчаяния».

ниц. Эатре работала тихо, спокойно, почти не поднимая глаз. Она казалась вялой, потерявшей интерес к жизни. Эатре стояла не дальше, чем в тридцати метрах от угла сарая, где прятался Этцвейн. Протиснувшись среди мешков и прижавшись лицом к земле у широкой щели под дощатой стеной сарая, он видел двор сыротятни, склон холма и обращенную к сыротятне часть храма. Заметив мать, он чуть было не позвал ее: Эатре, такую добрую, такую аккуратную, заставили заниматься грубой грязной работой! Этцвейн лежал, покусывая губы и часто моргая. Он даже не мог сказать ей пару слов в утешение!

Со стороны храма послышались возбужденные голоса. Чистые отроки весело выбежали из кухни, разошлись кто куда и стали с показным вниманием разглядывать склоны и долину под холмом. На верхней террасе появились хилиты в белых рясах, что-то оживленно обсуждавшие, показывавшие руками в разные стороны. Этцвейн понял, что его отсутствие обнаружили — чуть раньше, чем он рассчитывал. Он наблюдал со смешанным чувством ужаса и злорадства. Приятно было видеть хилитов растерянными и раздосадованными — приятно и страшно! Если его выследят и поймают... У него мурашки побежали по спине.

Вскоре после полудня он заметил прибытие ахульфов — двух самцов с мохнатыми кривыми ногами, оплетенными крест-накрест, поверх черной шерсти, красными лентами знамен — знаков-следопытов. Великий Муж Оссо, сурово стоявший на площадке возвышения среди широких ступеней храмовой лестницы, разъяснил свои потребности на языке даду.⁹ Ахульфы слушали, дергая головами и заливаясь хихикающим лихечным тявканьем. Оссо бросил на землю детскую рубаху — по-видимому, принесенную из хижины Эатре или припасенную на этот случай. Ахульфы схватили рубаху руками, похожими на человеческие, поочередно прижали ее к обонятельным органам на ступнях и небрежно подбросили высоко в воздух — с бесшабашным презрением к торжественной строгости хилитов, разбегавшихся от падающей рубахи с него-

⁹ Даду: язык, состоящий из жестов и слогов «да», «де», «ди», «до», «ду».

дующими окриками. Подскочив ближе к Оссо, ахульфы стали однозначно, но яростно уверять его в своей компетентности и уверенности в успехе с подобострастностью, смахивавшей на издевательство. Оссо нетерпеливым жестом приказал им приступить к исполнению обязанностей. Шустро озираясь по сторонам (ахульфы тащили все, что плохо лежало) ищейки отправились к нише общежития чистых отроков. Там они взяли след Этцвейна, о чем и оповестили Оссо, бешено тявкая и часто подпрыгивая.

Испуганные, возбужденные чистые отроки смотрели во все глаза. Смотрел во все глаза и Этцвейн, боявшийся, что ветер донесет его запах до ахульфов.

Но ветер, как всегда, дул вниз по склону. Этцвейн облегченно выдохнул, когда увидел, что ищейки, рыскавшие вокруг храма, прошли мимо того места, откуда он спустился, и ничего не обнаружили. Обескураженные, с уныло висящими ушами, ахульфы спустились к бывшей хижине Эатре, но и там потерпели неудачу. То и дело набрасываясь друг на друга и щелкая челюстями, угрожающие выпускать белые когти из мягких черных ступней и ощетиниваясь спиральными витками шерсти, ищейки вернулись к ожидающему Оссо и объяснили на даду, что беглец скрылся в колесном экипаже. Оссо раздраженно повернулся на месте и поднялся в храм. Ахульфы убежали на юг, вверх по долине Сумрачной реки, в Хванские Дебри.

Выглядывая через щель, Этцвейн ждал, пока вокруг восстановливается повседневный порядок общинной жизни. Чистые отроки, разочарованные тем, что не дождались ужасного зрелища, вернулись к своим заботам. Работницы в сыромятне безучастно суетились вокруг столов, чанов и промывочных ванн. Хилиты сидели на скамьях вдоль верхней террасы храма, как костлявые белые птицы на жердочке. Солнечный свет, окрасившийся полуденным лиловым оттенком, раскалял белую пыль и сухую, обожженную почву.

Кожевенные работницы побрали в трапезную. Этцвейн мысленно звал свою мать: «Подойди, ближе!» Но Эатре ушла, даже не повернув головы.

Через час она вернулась к чистильному столу. Этцвейн отполз от щели и посмотрел вокруг. Сарай завалили мешками, бочонками химикатов, инструментами, утварью, всякой всячиной. Он нашел кусок мыльной соды и, осторожно подкравшись к выходу, бросил его к самым ногам Эатре. Та, казалось, ничего не заметила. Потом, будто внезапно оторвавшись от невеселых размышлений, взглянула на землю.

Этцвейн бросил еще кусок соды. Эатре подняла голову, посмотрела вдаль, обернулась к сараю. Этцвейн отчаянно жестикулировал в тени. Эатре нахмурилась и отвернулась. Этцвейн стоял, ничего не понимая. Разве она его не видела? Чем она недовольна?

Величественно шагая мимо старого сарая, в поле зрения Этцвейна показался Великий Муж Оссо. Он остановился на полупути между сараем и столом, где работала Эатре. Та продолжала скоблить шкуру, явно блуждая мыслями в заоблачных сферах.

Оссо подозгал рукой надсмотрщицу, пробормотал несколько слов. Джаталья подошла к Эатре — та оставила работу без удивления и без замечаний и направилась к Оссо. Великий Муж предупреждающе поднял руку, чтобы остановить ее в пяти шагах, и заговорил — негромко, но резким, стыдящим тоном. Этцвейн не мог рассышать ни его слов, ни спокойных ответов Эатре. Оссо недовольно отступил на шаг, развернулся и пошел назад мимо сарая — так близко, что, протяни Этцвейн руку, он мог бы прикоснуться к напряженному жестокому лицу.

Эатре не сразу вернулась к работе. Будто движимая желаниям последовать за Оссо и что-то еще ему сказать, она подошла к сараю и встала у входа.

«Мур, ты здесь?»

«Я тут».

«Исчезни из Башона. Уходи сегодня же, как только зайдут солнца».

«Ты можешь уйти со мной? Мама, пожалуйста!»

«Нет. Я в крепостном долгу перед Оссо. Человек Без Лица оторвет мне голову».

«Я найду Человека Без Лица! — с горячностью заявил Этцвейн. — Я ему расскажу все, что тут делается. Он придет и оторвет голову Оссо!»

Эатре улыбнулась: «Не стала бы говорить с такой уверенностью. Оссо соблюдает кантональные законы — он их знает лучше нас с тобой».

«Если я уйду, Оссо тебе жить не даст! Он заставит тебя делать самую тяжелую работу».

«Мне все равно. Дни проходят один за другим. Я рада, что ты уходишь, я этого хотела. Но мне придется остаться и помочь Деламбре — у нее скоро первые роды».

«Тебя накажут — из-за меня! Духовный отец никому не прощает».

«Он не посмеет. Женщины умеют себя защитить¹⁰ — как я только что объяснила твоему «духовному отцу». Все, меня зовут. Уходи, когда стемнеет. На тебе еще нет ошейника — осторегайся нанимателей-посредников, особенно в Дурруме и Кансуме, да и в Шемюсе тоже. Они ловят беглых детей и проходят в воздушнодорожные бригады. Когда вырастешь, на день ошейник музыканта. Музыкантам разрешено странствовать из кантона в кантон. Не ходи к старой хижине, не ходи к Деламбре. Не пытайся взять с собой хитан! Я отложила немного денег, но теперь их передать уже не получится. Прощай — я тебя больше никогда не увижу».

¹⁰ Эатре намекнула на возможности «свершительниц актов отчаяния», «зориани нах-таир нах-таири», отвечавших на притеснения общим осквернением храма или индивидуальным осквернением вызвавшего возмущение хилита, в зависимости от обстоятельств. Хилиту угрожали шесть степеней осквернения. Самым легким наказанием служило прикосновение женского пальца. В худшем случае закоренелому садисту надевали на голову ведро, наполненное нечистотами неописуемого происхождения. Сестра или сестры, добровольно совершившие акт отчаяния — как правило старые больные женщины, с нетерпением ждавшие смерти — театрально кончали с собой у всех на глазах, принимая быстродействующий яд сразу после осквернения.

Оскверненный хилит должен был пройти тягчайшие обряды Великого Очищения, продолжавшиеся месяц, причем весь месяц в храме не жгли гальгу. Попытка достижения экстатического транса до окончательного очищения приводила к явлению Галексиса Ахилианида в ужасной ипостаси, вызывавшей сердечный приступ или паралич. В период Великого Очищения хилиты становились мрачными, раздражительными и беспокойными, часто калечили чистых отроков или издевались над ними тем или иным способом.

«Увидишь, увидишь! — заплакал Этцвейн. — Я подам жалобу Человеку Без Лица, хилитов заставят тебя отпустить!»

Эатре печально улыбнулась: «Не заставят, пока не выплачен долг. Прощай, Мур». Она вернулась к работе. Этцвейн отступил вглубь сарая. Он не мог смотреть на мать.

День подходил к концу. Работницы ушли в общие спальни. Когда стало темно, Этцвейн выскользнул из сарая и тихонько спустился к подножию холма.

Вопреки предупреждению Эатре, он прокрался к старой хижине у Аллеи Рододенронов, уже занятой другой женщиной, нашел хитан в саду за хижиной и побежал прочь вдоль дороги, от дерева к дереву. Этцвейн бежал на запад, к Гарвию — где, как говорили странники, жил Человек Без Лица.

Глава 4

Шант, продолговатый континент неправильной формы, чуть больше двух тысяч километров в длину и почти полуторы тысячи километров в поперечнике, отделен с севера от темной массы гигантского Кааза ста пятьюдесятью километрами воды — проливом Язычников, соединяющим Зеленый и Пурпурный океаны. К югу, за Большой Соленоид топью, между Пурпурным и Синим океанами втиснулся третий континент, Паласедра, очертаниями напоминающий трехпалую кисть или вымя с тремя сосками.

В полутора тысячах километров к востоку от Шанта из океанских волн поднимаются первые из многих тысяч островов Бельджамара — архипелага, разделяющего Зеленый и Синий океаны. Численность населения Кааза остается неизвестной. Паласедрийцев относительно мало. Бельджамарский архипелаг дает убежище и пропитание редким рассеянным группам морских кочевников. Львиная доля населения Дердейна сосредоточилась в шестидесяти двух практически независимых кантонах Шанта, принужденных составлять конфедерацию только волей Человека Без Лица.

Кроме малозаметного федерального правительства в стеклянном городе Гарвии, мозаику Шанта объединяло лишь глубокое взаимное недоверие ее разрозненных частей. Жители каждого кантона считали единственно правильными и достойными всеобщего подражания исключительно свои собственные обычаи, костюмы, диалекты и предрассудки. Все остальное рассматривалось как нездоровое чудачество или безответственная распущенность.

Буквально безличное, самодержавное и категорическое правление Аноме, в просторечии именуемого Человеком Без

Лица, как нельзя лучше устраивало обуреваемых ксенофобией кантональных шовинистов. Правительственный аппарат был прост. Налоги, время от времени пополнявшие казну по требованию Аноме, почти не обременяли население. Функции федерального правительства в огромном большинстве случаев ограничивались обеспечением строгого соблюдения внутренних кантональных законов, предложенных и утвержденных кантональными властями. Суд Аноме, безжалостный и скорый, был, тем не менее, нелицеприятен и неизменно следовал одному и тому же общепонятному принципу: «Нарушение закона карается смертью». Залогом власти Человека Без Лица был ошейник — блестящее кольцо флексита, увенчанное кодовыми цветовыми полосками различных оттенков лилового, темно-алого или каштанового, синего, зеленого, серого, изредка темно-коричневого.¹¹

Трубчатую полоску флексита начиняли прокладкой взрывчатого вещества, декокса. Человек Без Лица мог, по желанию, вызвать детонацию декокса с помощью передатчика кодированного излучения. Попытка разорвать или разрезать ошейник приводила к тому же результату. Как правило, когда человек терял голову, причина его смерти была известна и очевидна — он нарушил кантональный закон. Время от вре-

¹¹ Согласно традиционной символике Шанта синий, зеленый, лиловый и серый цвета отличаются различными оптимистическими свойствами. Оттенки коричневого рассматриваются как неблагоприятные, трагические, элегантные илиственные, в соответствии с контекстом. Желтый повсеместно считается цветом смерти. Красным цветом, обозначающим отрижение существования или невидимость, выделяются предметы и строения, которые предлагается игнорировать. Воры носят красные колпаки. Белый может означать тайну, целомудрие, бедность или гнев, смотря по обстоятельствам. Символическое значение цветов меняется, однако, в зависимости от их сочетания.

В связи с цветовым символизмом следует упомянуть идеограммы кантона Суррум. Первоначально каждое слово изображалось смысловой последовательностью цветовых мазков — писец одновременно использовал до семи кисточек, за jakiх веером в одной руке. Со временем вошла в употребление упрощенная вторичная система, предусматривавшая нанесение монохроматических точек различной высоты, наподобие музыкальных нот, причем высота точки соответствовала бывшему цветовому оттенку мазка. В конце концов составлявшие одно слово точки, служащие указателями цветов, стали соединять непрерывной линией, и в скрописи такие ломаные линии превратились в иероглифы, распознаваемые по форме, а их цветовое содержание забыли.

мени, однако, голова отрывалась по таинственным, не поддающимся рациональному объяснению причинам, после чего родственники, знакомые и земляки потерпевшего вели себя чрезвычайно осмотрительно и старались держаться как можно незаметнее, опасаясь навлечь на себя непредсказуемый гнев Аноме.

От возмездия Аноме нельзя было скрыться ни в городской толпе, ни в самых пустынных уголках Шанта. От побережья пролива Язычников до Ильвия на крайнем юге взрывались ошейники, летели с плеч непутевые головы преступников. Ни для кого не было тайной, что Аноме назначал анонимных уполномоченных представителей, следивших за неукоснительным подчинением его воле — их величали, с известной долей сарказма, «благотворителями».

Крупнейший город Шанта, Гарвий, где обосновался Человек Без Лица, был индустриальным и торговым центром всей планеты. По берегам реки Джардин и в районе устья Джардина, так называемом Шранке, располагались сотни стекольных заводов, литейных цехов и машиностроительных мастерских, предприятий, изготавливших стандартные биомеханизмы, и биоэлектрических лабораторий, где органические мономолекулы из кантона Фенеск, заключенные в наращиваемую сверхпроводящую оболочку, приживлялись к инстинктивным фильтрам слабых токов, нейрореле и селекционированным сфинктерам — с получением хрупкой, капризной и чрезвычайно дорогостоящей электроники. Профессия биоконструктора считалась самой престижной. Нижнюю, наименее перспективную ступеньку социальной лестницы занимали бродячие музыканты, вызывавшие, тем не менее, приступы романтической зависти у оседлых обитателей Шанта. Музыка, так же, как основной словарный запас и цветовая символика, беспрепятственно пересекала кантональные границы — влияние новой удачной мелодии, ритма или последовательности аккордов распространялось на все население континента.¹²

¹² Хилиты кантона Бастерн, полностью отвергавшие музыку, составляли редкое исключение.

В кантоне Амаз до двух тысяч музыкантов ежегодно участвовали в «сейяхе» — оглушительном хоре маленьких прозрачных «блуждающих колоколов», совместно производивших настойчиво-непрерывный звук с неопределенной высотой тона, без отдельных голосов, приливавший и отливавший подобно порывам ветра или океанским волнам. Интерес широкой публики привлекала, однако, более понятная музыка, исполнявшаяся труппами бродячих музыкантов — джиги и прочие бодрые, « заводные » танцевальные мелодии и импровизации в быстром темпе, сюиты и сонаты, шарапы, сарабанды, инструментальные баллады, капричио. Музыкальную труппу мог временно сопровождать друидийн. Чаще, однако, друидийн бродил один, играя все, что приходило в голову. Музыканты, пользовавшиеся меньшим уважением, иногда распевали баллады на собственные или чужие слова, но друидийн никогда не пел — только играл, выражая в звуках пафос жизни, радость и горечь бытия. Таким друидийном был кровный отец Этцвейна, знаменитый Дайстар. Этцвейн отказывался верить в рассказанную Фельдом Майджесто историю смерти Дайстара. В детских грезах он видел себя блуждающим по дорогам Шанта и развлекающим праздничные толпы игрой на хитане до тех пор, пока, наконец, не наступал момент встречи с отцом. Дальнейший сценарий мечты мог развиваться по-разному. Иногда Дайстар рыдал от радости, услышав прекрасную музыку, а когда Этцвейн открывал ему свое происхождение, счастливому изумлению Дайстара не было предела. В другом варианте Дайстар и его неукротимый отприск оказывались соперниками в музыкальной битве — Этцвейн впитывал внутренним слухом величественные мелодии, ритмы и контрапункты, торжественный звон колокольных подвесок, радостно-агрессивное рычание резонатора гремушки.

Действительность, наконец, начинала чем-то напоминать сны наяву. Этцвейн брел по дорогам Шанта с хитаном, закинутым за спину. Лямка терла худое плечо. Перед ним лежало все будущее — при условии, что его не поймают и не вернут в Бастерн. Не следовало забывать о способности проницательного Оссо догадаться о положении вещей и снова вызвать ахульфов. Пугающая мысль заставила Этцвейна приба-

вить ходу. Он бежал усталой трусцой, временами переходя на шаг, когда в легких уже не хватало воздуха. Аллея Рододендронов осталась далеко позади. Прохладно мерцали звезды, слева чернела высокая тень Хвана — горной цепи к югу от Бастерна.

Ночь не кончалась. Этцвейн, уже не в силах бежать, шел как можно быстрее, упрямо переставляя ноющие избитые ноги. Дорога поднималась, огибая отрог хребта. За подъемом открылось бледно озаренное созвездиями пространство, серое и черное, с редкими далекими огнями неизвестного происхождения.

Этцвейн передохнул, сидя на камне и глядя на запад, в ночную даль кантона Шемюс, где он еще никогда не был, хотя кое-что знал о его обитателях и их повадках от гостей, проходивших по Аллее Рододендронов. Шемюс населяли коренастые люди с рыжевато-русыми волосами и раздражительным темпераментом. Они варили пиво и гнали самогон. Оба напитка часто и обильно употреблялись мужчинами, женщинами и детьми без заметного эффекта. Мужчины носили костюмы из добротной бурой ткани, соломенные шляпы и золотые кольца в ушах. Женщины, тучные и задиристые, одевались в длинные плиссированные платья из черной и темно-коричневой ткани и скрепляли прически гребнями из кварца-авантюрина. Они никогда не выходили замуж за воздыхателей крупнее себя — в результате мужья лишались преимущества в домашних потасовках после вечеров, проведенных в кабаке.

Шемюс пересекала северная ветка воздушной дороги, соединявшая Освий на северном берегу с продольной континентальной магистралью. Продолжая путь на запад, Этцвейн должен был выйти к станции воздушной дороги в Карбаде. Пытаясь разглядеть что-нибудь в новой незнакомой стране, он решил, что видит далеко в небе медленно движущийся, смутный красноватый огонек. Если его не обманывало зрение, кто-то куда-то спешил — настолько, что нанял гондолу несмотря на глубокую ночь и почти полное отсутствие ветра. Этцвейн вспомнил слова матери, советовавшей держаться по дальше от посредников-нанимателей. Один, без ошейника, он не мог удостоверить личность, не мог рассчитывать на защи-

ту — каждый встречный мог сделать с ним все, что хотел. Наниматель мог одеть на него ошейник, объявить крепостным должником и продать в воздушнодорожную бригаду. Утром нужно было соорудить какое-то подобие ошейника из сухой травы, коры или кожи, чтобы не привлекать к себе внимание.

Было темно и тихо — так тихо, что, задержав на минуту дыхание, Этцвейн уловил еле слышный далекий тякающий вой, доносившийся со стороны Дебрей. Этцвейн обхватил себя руками — сидеть на камне было неудобно и зябко. Видать, ахульфы опять устроили сумасшедшую пирушку — развели костер где-нибудь в глухом ущелье Хвана, нарисовали на скале рогатые каракули и мрачно выли, прыгая вокруг огня.

Мысль об ахульфах заставила Этцвейна подняться на ноги. Взяв свежий след, ищечки быстро догоняли беглецов. Он еще не ушел от опасности.

Онемевшие руки и ноги не слушались, истертые ступни горели — он сделал ошибку, нельзя было садиться! Прихрамывая и жмурясь от боли, Этцвейн торопился по кремнистой дороге в Шемюс.

За час до рассвета он прошел селение — дюжину хижин вокруг площади, аккуратно выложенной плитами шиферного сланца. За хижинами виднелись силосные башни, склад и похожие на огромные полупрозрачные луковицы баки пивоварни. Трехэтажное здание у дороги явно служило трактиром и гостиницей. Там уже проснулись: кто-то возился под кухонным навесом на заднем дворе — Этцвейн заметил языки пламени на полыхнувшей жаровне. Рядом темнели оставленные на ночь три фургона, груженные свежераспиленными комлями и кругляками белой шимродской лиственницы для спиртового завода, каких в Шемюсе было много. Конюх уже выводил из стойла за гостиницей тягловых животных — волов, происходивших от древней земной породы, мирных и послушных, но медлительных.¹³ Этцвейн прокрался мимо, надеясь, что в предрассветных сумерках его никто не видел.

¹³ Разделение Шанта на кантоны можно объяснить не только несовместимостью характеров и привычек первопоселенцев, но и острым недостатком металла, не позволявшим изготавливать эффективные двигатели.

Впереди дорога пересекала обширную плоскую пустошь, усеянную камнями. Здесь не было никакого убежища, никакого огорода или сада, где можно было бы отыскать съестное. Этцвейн упал духом — ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание, в горле пересохло, желудок сводило от голода. Только боязнь ахульфов мешала ему найти укромное место среди камней и устроить постель из сухих листьев. Наконец усталость превозмогла страх. Он больше не мог идти. Спотыкаясь, Этцвейн забрался за выступ крошащейся сланцеватой глины, закутался в захваченные в дорогу лоскутья старой рясы и опустился на землю. Он лежал в полуобморочном оцепенении, мало напоминавшем сон.

Его потревожили скрип и громыхание колес — мимо проезжали фургоны. Солнца уже взошли, хотя он не спал — или думал, что не спал. Этцвейн не заметил наступления дня.

Фургоны, громыхавшие на запад, стали удаляться. Этцвейн вскочил и посмотрел вслед, думая, что лучшей возможности сбить с толку ахульфов может не представиться. Погонщики сидели на козлах и не могли видеть, что происходило сзади, за нагруженными доверху кузовами. Этцвейн дожнал последний фургон, подтянулся на платформу и сел, прислонившись спиной к штабелю лиственницы и болтая ногами. Уже через несколько секунд, однако, он нашел удобное местечко поглубже в кузове, на смолистых пахучих кругляках. Этцвейн намеревался проехать два-три километра и спрыгнуть, но сидеть в медленно переваливающемся полутемном кузове было так приятно и спокойно, что он стал клевать носом и глубоко заснул.

Этцвейн открыл глаза, поморгал, приподнял голову. Между кругляками лиственницы проглядывали два непонятных многоугольника, разделенных прямой линией. Первый слепил ярким лилово-белым светом, второй представлял собой темно-зеленую панель с неровными прожилками. Этцвейн ничего не соображал. Куда он попал, что это такое? Он медленно подобрался к заднему краю платформы, все еще не

вполне проснувшись. Белый многоугольник оказался оштукатуренной стеной здания, раскаленной полуденными солнцами, а темно-зеленая панель — бортом фургона, отчасти закрывавшим поле зрения.

Этцвейн вспомнил: он заснул — и проснулся, когда убаюкивающее движение кузова прекратилось. Как далеко он уехал? Наверное, это уже Карбад, в Шемюсе. Не самое безопасное место, если верить отрывочным слухам, достигавшим его ушей на Аллее Рододендронов. О скучости и пронырливой жадности шемов — жителей Шемюса — ходили небылицы. Рассказывали, что шемы отнимали и прикарманивали все, что можно было отнять и прикарманить. Этцвейн неловко спустился на землю — ноги еще болели. Нужно было уйти подобру-поздорову, пока его не нашли. В любом случае ахульфов уже можно было не бояться.

Неподалеку послышались голоса. Выскользнув из-за фургона, Этцвейн натолкнулся на чернобородого мужчину со впалыми бледными щеками и выпуклыми голубыми глазами. На незнакомце были черные холщовые штаны погонщика и грязно-белая безрукавка с деревянными пуговицами. Погонщик стоял, широко расставив ноги, с руками, разведенными в стороны. Он казался скорее приятно удивленным, нежели разгневанным: «И что это у нас? Малолетний разбойник? Значит, так вас теперь учат промышлять чужим добром? Не успеешь остановиться, все уже тащат! На тебе и ошейника-то нет».

Этцвейн отвечал дрожащим голосом, стараясь придать ему серьезность и убедительность: «Я ничего не крал, уважаемый господин. Только чуть-чуть проехался на фургоне».

«Значит, украл, ежели не платил за проезд! — заявил погонщик. — Сам признался. Давай, пошли!»

Этцвейн отпрянул: «Пошли — куда?»

«Туда, где научишься дело делать, а не шляться без толку. Тебе только на пользу пойдет».

«У меня есть дело! — закричал Этцвейн. — Я музыкант! Видите? Вот мой хитан!»

«Без ошейника ты никто. Пошли, не завирайся».

Этцвейн попробовал было дать стрекача, но погонщик поймал его за воротник. Этцвейн отбивался и брыкался. Погонщик вкатил ему затрещину и отстранил, удерживая за грудки: «Ну-ка тихо — душу вытрясу! Смотри у меня!» Он рывком потащил Этцвейна за собой. Лямка хитана соскользнула — инструмент упал на мостовую, шейка грифа отломилась.

Этцвейн сдавленно крикнул, с ужасом глядя на сплетение струн и жалкие обломки. Погонщик схватил его за руку и заставил в склад, где за игровым столом сидели четверо. Трои были погонщики, четвертый — круглолицый шем в конической соломенной шляпе, сдвинутой на затылок.

«Бродяжка, рылся в кузове, — сообщил обидчик Этцвейна. — Смышленый, шустрый парень. Заметьте, ошейника нет. Пора ему помочь, наставить на путь истинный, как вы считаете?»

Игроки молча смерили Этцвейна глазами.

Один из погонщиков крякнул, собирая кости в стаканчик: «Отпусти заморыша. Нужна ему твоя помощь, как корове седло!»

«Ты неправ, однако! Каждый гражданин государства обязан трудиться — разве не так, посредник? Что скажешь, гражданин посредник?»

Шем откинулся на спинку стула и сдвинул шляпу еще дальше — непонятно было, как она держалась: «Не дорос еще, и упрямец — сразу видно. Но работу всегда можно подыскать, был бы человек. В Ангвине, например, рук не хватает. Двадцать флоринов?»

«Так и быть, чтобы поскорее сбыть — по рукам!»

Шем тяжело поднялся на ноги, подал знак Этцвейну: «Попшли».

Этцвейна заперли в темной каморке почти на весь день, после чего шем отконвоировал его к фургону и отвез на станцию воздушной дороги в полутора километрах к югу от Карбада. Через полчаса появилась летевшая на юг гондола «Мизран» — с надувным парусом поперек ветра, свистя роликами каретки по пазовому рельсу. Увидев закрытый семафор, вет-

ровой ослабил передние тросы, позволив парусу свободно повернуться — почти не подгоняя ветром гондола потеряла ход. В трехстах метрах перед станцией остановщик зацепил ходовую каретку крюком-карабином якорного каната и налег на рукоять барабанного тормоза. Гондола остановилась, покачиваясь в воздухе. Остановщик зафиксировал ролики задней тележки каретки якорным болтом. Распорную штангу между тележками отсоединили, тягловые канаты продели в проушины-карабины на передней тележке каретки. Свободную переднюю тележку оттащили дальше на юг по пазовому рельсу — гондола опустилась на землю.

Этцвейна препроводили в гондолу и отдали под надзор ветрового. Переднюю тележку откатили назад по рельсу, тележки соединили распорной штангой — гондола снова поднялась на крейсерскую высоту. Удалив якорный болт, освободили заднюю тележку. Передняя тележка, распорная штанга и задняя тележка составляли ходовую каретку десятиметровой длины. «Мизран» двинулася вперед. Ветровой подтянул лебедками передние тросы управления, надувной парус изогнулся поперек ветра. Каретка, набирая скорость, засвистела по пазовому рельсу. Карбад остался позади.¹⁴

¹⁴ Типичная гондола, вмещавшая от четырех до восьми пассажиров, не считая ветрового, представляла собой конструкцию из бамбука, закаленного трубчатого стекла или стержней цементированного стеклянного волокна, полужестко соединенную сверху с надувным парусом. Ширина паруса соответствовала длине гондолы, длина паруса равнялась восьми длинам гондолы, а высота — четырем длинам. Оболочкой паруса служило наружное кожное покрытие гигантского кишечнополосного, подвергавшегося принудительному кормлению до тех пор, пока оно не заполняло большой мелкий бассейн, после чего кожу снимали и выделявали. Подъемная сила обеспечивалась водородом.

Пазовый рельс для роликовой ходовой каретки состоял из предварительно отлитых бетонных секций, армированных стекловолокном и покоявшихся на деревянных шпалах; шпалы, в свою очередь, были полупогружены в бетонное основание. Как правило, ходовая каретка состояла из двух роликовых тележек, соединенных десятиметровой распорной штангой; к концам тележек можно было подцеплять тормозные или тягловые канаты. Ветровой в гондоле пользовался галсовыхыми лебедками, укорачивая или удлиняя носовые и кормовые тросы управления и тем самым изменяя радиус изгиба надувного паруса и угол между направлением ветра и наибольшей поверхностью паруса, а также кантовочной лебедкой, позволяющей изменять форму носовой и кормовой уздеочек, наклоняя парус под требуемым углом.

В оптимальных условиях скорость движения гондолы могла достигать ста и даже ста десяти километров в час. Воздушные дороги прокладывались так, чтобы

Для Этцвейна мир снов наяву разбился в дребезги, безвозвратно потерялся, поблек, как прошлогодние цветы. Он кое-что слышал об участии воздушнодорожных бурлаков, об их тяжелой однообразной работе, выполнявшейся под принуждением безвыходности. В принципе свободный человек, бурлак редко выплачивал крепостной долг. Положение Этцвейна было хуже — без ошейника у него не было статуса, он не мог никуда обратиться с просьбой о заступничестве, начальник участка мог назначить ему долг любого размера. После этого, надев ошейник, Этцвейн должен был отрабатывать долг, а неуклонное соблюдение условий крепостного контракта обеспечивалось Человеком Без Лица. Предчувствие рабства давило, как камень на груди. Оглушенный, опустошенный, Этцвейн плохо воспринимал происходящее.

В самой глубине сознания, однако, уже кричал гневный голос: он убежит! Он надул хитрецов-хилитов, а бригадира бурлаков и подавно оставит с носом. Что говорила Эатре? «Преодолевай препятствия, не смиряйся с поражениями!» Никогда он не позволит принести себя в жертву чему бы то ни было! Даже со взрывчатым ярмом на шее он доберется до Гарвия и потребует от Человека Без Лица справедливости к себе и к матери, потребует ужасного наказания варвару, сломавшему хитан. Пусть он не догадался запомнить цветовой код погонщика — бледное чернобородое лицо никогда не забудется!

Приободренный ненавистью и решимостью, Этцвейн постепенно начал интересоваться гондолой и пейзажем — распаханными пологими холмами, подернутыми рябью ячменя,

максимально использовалась энергия преобладающих ветров. В тех случаях, когда маршрут делал неизбежным движение против ветра (или при полном отсутствии ветра), ходовую каретку тянули с земли бесконечным приводным канатом с помощью водяных колес, воротов, движимых волами или бригадами бурлаков, тележек, затаскиваемых порожняком на большую высоту и спускаемых после загрузки камнем, или упряжек быстроходцев. При встрече или в случае необходимости обгона гондолы обменивались ходовыми каретками; кроме того, на станциях и на разъездах с этой целью были предусмотрены запасные пути.

В районах с сильно пересеченной местностью (например, в горах около Ангинской развязки) секции пазового рельса соединяли многожильными витыми тросиками из железных кружев.

цилиндрическими каменными загонами для скота, башенными зерновыми бункерами, неизбежными пивоварнями с пузырьми стеклянными резервуарами.

После полудня подул юго-западный бриз. Ветровой повернул парус кручё к ветру, подтягивая лебедкой передний трос. Гондола стала опускаться. Чтобы увеличить подъёмную силу, ветровой отрегулировал узелками наклон паруса. «Мизран» пушинкой взмыл в прозрачную высь.

Волнистые ячменные поля сменились крутыми каменистыми отрогами, испещренными густыми зарослями голубого и темно-оранжевого терновника — из него ахульфы вырезали свое нехитрое оружие. На юге, увенчанный редкими облаками, все ближе громоздился Хван — великий центральный хребет и водораздел Шанта. Вдоль отрогов Хvana тянулась продольная континентальная воздушная магистраль. Ближе к вечеру «Мизран» стал подниматься в горы, затаскивая каретку по круто бегущему вверх пазовому рельсу, и через пятнадцать километров достиг северной станции Ангвинского узла. Бурлацкая бригада прицепила передние тяги к пристяжным серыгам полуторакилометрового бесконечного привода — натянутого деревянными шкивами каната, позволявшего одновременно буксировать гондолы в противоположных направлениях. Приводным шкивом служил ворот, вращаемый бурлаками. «Мизран» со степенной медлительностью приблизился к Ангвинской развязке, где северная ветка соединялась с продольной континентальной магистралью. Тяги гондолы подсоединили к еще одному бесконечному канату, подвешенному над головокружительной пропастью, и «Мизран», наконец, спустился на землю на центральной станции Ангвина.

Ветровой привел Этцвейна к суперинтенданту Ангвинского узла. Тот поначалу брюзжал: «Вечно присыпают мне со-сунков и недоразвитых ублюдков! Что я буду с ним делать? Ворот крутить ему слабо. Вдобавок у него дурной глаз».

Ветровой пожал плечами, снисходительно поглядывая на Этцвейна: «Подрасти бы ему не мешало, но это не мое дело. Не хочешь — верну его Пертцелю на обратном пути».

«Ммм. Подожди, не торопись. Сколько он заломил?»

«Пертцель требует двести».

«За что? За дохляка в грязном мешке? Полюбуйся: кожа да кости! Больше сотни не дам».

«Я получил другие инструкции».

«К дьяволу инструкции! Перцель и меня, и тебя за нос водит. Оставь дохляка здесь. Если Перцель не возьмет сотню, заберешь пацана через неделю. А я пока повременю с ошейником».

«Дешево живешь! Парень подрастет — он шустрый, канат пристегивать может не хуже меня».

«Понятное дело. Так я его и отправлю на развязку, а остановщика покрепче поставлю на ворот».

Ветровой расхохотался: «И за сто флоринов получишь здорового бурлака? Кто кого за нос водит?»

Суперинтендант ухмыльнулся: «Перцелю не обязательно обо всем докладывать».

«Мне-то что? Мое дело сторона. Что скажешь, то и доложу».

«Ну и ладно. Отвези его назад на развязку. Я передам приказ мигалкой». Повернувшись к Этцвейну, суперинтендант нахмурился: «Не унывай. Все, что от тебя требуется — точная, быстрая работа. Главное, не отлынивай — увидишь, на воздушной дороге не все так плохо, как рассказывают. А станешь халтурить или больным прикидываться — выпорю ере-пейником, у меня взятки гладки».

Этцвейна перевезли через ущелье обратно на Ангвинскую развязку. Гондолу подтягивал к платформе крутивший ручную лебедку белобрысый жилистый парень немногим старше Этцвейна.

Этцвейна вытолкнули на платформу. «Мизран» снова поднялся в сумеречное небо — гондолу отбуксировали через ущелье к станции, где начиналась северная ветка.

Белобрысый юноша провел Этцвейна в приземистое каменное строение. Там два других молодых человека поглощали ужин — вареные кормовые бобы с чаем. Белобрысый объявил: «Новый помощник, однако! Как тебя звать-то?»

«Гастель Этцвейн!»

«Гастель Этцвейн? Надо же! Милости просим. Я — Финнерак. Вот сидит Ишиэль, горец-стихотворец, а этот, с длин-

ной рожей — Дикон. Есть хочешь? Стол у нас не роскошный — бобы да хлеб с чаем, но и то лучше, чем с голоду помирать».

Этцвейн взял миску с едва теплыми бобами. Финнерак ткнул большим пальцем в направлении центральной станции: «Старый хрыч Дагболт нормирует дрова, не говоря уже о воде, провианте и всем остальном, на чем можно сэкономить, положив деньги себе в карман».

Дикон мрачно процедил, пережевывая бобы: «Теперь мне придется тянуть лямку под самым носом у Дагболта — не смейся, не болтай, навались, не отставай! Чертов придурак! Здесь хотя бы сплюнуть можно, не получив взбучки».

«Все одно, все под ярмом ходим, — мечтательно откликнулся Ишиэль. — Через год или два и меня отвезут на ту сторону, потом наступит черед Финнерака. А через пять-шесть лет к нам присоединится его высочество Гастель Этцвейн, и мы снова будем вместе обливаться потом, счастливые толкатели прогресса!»

«Нет уж, только не я! — заявил Дикон. — Как только освободится место чистильщика путей, я подам заявку. Там, по крайней мере, не сидишь на привязи, как ахульф в сторожевой будке. А если Дагболт откажет, можно тайком выиграть в кости. Мне везет в игре — помяните мое слово, десяти лет не пройдет, как я выплачу долг!»

«Желаю удачи, — буркнул Финнерак. — Ты уже обобрал меня до нитки. Надеюсь, выигрыш тебе пригодится».

С утра Финнерак разъяснил Этцвейну его обязанности. Работали в три смены — Этцвейн должен был сменять Ишиэля и дежурить, пока не проснется Финнерак. На развязке между двумя ущельями гондолы подтягивали канатами — пазовые рельсы здесь не использовались. Если гондола следовала прямо по континентальной магистрали, дежурный просто освобождал зажим тормозных колодок, удерживавших холостой шкив бесконечного каната. Если гондола сворачивала на северную ветку или возвращалась по ней, дежурный ловил троны крюком-карабином, прикованным предохранительной цепью к платформе станции, и подсоединял их к канату другой линии. Как младшему члену бригады, Этцвейну поручили

также смазывать шкивы, подметать в бараке и варить утреннюю кашу. Работа, не слишком утомительная, не отличалась сложностью, и у бригады оставалось много свободного времени. Ишиэль и Финнерак вязали крючками пестрые жилеты, пользуясь спросом на ярмарке в Ангвине, и играли в кости на вырученные деньги, надеясь избавиться от крепостного долга. «На центральной станции, — объяснил Финнерак, — Дагбольт запрещает азартные игры. Говорит, чтобы не было драк и поножовщины. Врет, ахульфово отродье! Какой-нибудь счастливчик нет-нет да выиграет достаточно, чтобы выкупиться — этого-то Дагбольт и боится. Вольных работников сюда силком не заманишь — дураков мало».

Этцвейн посмотрел вокруг. Они стояли на голом выветренном уступе полсотни метров в ширину, между двумя ответвлениями глубокого ущелья, под необозримой массой горы Миш. Этцвейн спросил: «Сколько времени ты здесь провел?»

«Два года, — ответил Финнерак. — Дикон торчит здесь уже восемь лет».

Этцвейн подавленно разглядывал угловатую скалу, нависшую над станцией — взобраться по ней не было никакой возможности. Обрывы по сторонам уступа производили не менее устрашающее впечатление. Финнерак понимающе, мрачно усмехнулся: «Не прочь попытать счастья?»

«Почему нет?»

Финнерак не выразил ни удивления, ни осуждения: «Тогда торопись, пока не окольцевали. Я сюда угодил уже в ошейнике. Все равно обо всем успел подумать. Какая разница — потерять голову или сорваться в пропасть?»

Подойдя к краю утеса, они мерили глазами глубину и ширину ущелья, с завистью поглядывая на птиц, деловито порхавших в прозрачной воздушной пучине. «Я тут часами стоял, — тихо, с горечью говорил Финнерак. — Прослеживал, сравнивал маршруты. Спуститься в долину трудно. Отсюда до выступа красного гранита нужна веревка. Приводной канат тут натянут, разрежешь — с той стороны сразу заметят. Опытный скалолаз или отчаянный смельчак спустился бы по трещине — видишь, чуть левее? Потом пришлось бы проби-

раться поперек по козырьку — это возможно, он шире, чем кажется сверху. От козырька до начала осыпи местами уже не так круто. Если осыпь не начнет ползти, считай, ты уже в долине. Но дальше что? До ближайшего селения сто пятьдесят километров. Воду, положим, можно найти — морена где-нибудь кончится. Есть будет нечего. Кроме того, в горах небезопасно — у нас завелись соседи».

«Дикие ахульфы?»

«Об ахульфах я и позабыл, хотя они тут попадались — фэги, свирепая, подлая порода. Их что-то не заметно в последнее время. Зато появилась другая нечисть, — Финнерак пригляделся, чуть наклонившись над пропастью. — Только вчера видел...» Резко выпрямившись, он указал пальцем: «Смотри! За острой черной скалой — по-моему, пещера или навес. У них там стойбище».

Этцвейну показалось, что между скалой и таким же черным входом в пещеру мелькнула какая-то тень: «Кто это?»

«Рогушкой. Ты о них слышал?»

«Горные дикие? Говорят, их можно утихомирить, выставив бочку самогона».

«Где ты возьмешь самогон? До женщин они тоже большие охотники. Никогда не видел рогушков вблизи — надеюсь, и не придется. Что, если они вздумают сюда забраться? Бежать некуда — изрубят на куски!»

«Представляешь, как огорчится Дагболт?» — заметил Этцвейн.

«Да его удар хватит! Беда, разорение — придется раскочелиться на трех новых должников! Будь его воля, мы все тут проторчим на бобах и хлебе до глубокой старости!»

Этцвейн с тоской смотрел на выющееся в голубые дали ущелье: «Я хотел стать музыкантом... Кто-нибудь когда-нибудь отрабатывает крепостной долг?»

«Дагболт делает все, чтобы это не случилось, — отвечал Финнерак. — Он заведует ларьком, где продают шемское пиво, фрукты, конфеты и прочее. В кости обычно выигрывают вольнонаемные, а чаще всего везет любимчикам суперинтенданта — как и почему, никто не знает. Так или иначе, не все так плохо. Может, и я сделаю карьеру на воздушной дороге,

чем черт не шутит? Места часто освобождаются. Отработав свое на вороте, можно стать чистильщиком пазов или ремонтником. Те, у кого хорошо варит котелок, в свободное время учат электрику. Таких назначают операторами оптического телеграфа — чистая, легкая работа, и платят больше». Финнерак запрокинул голову, протянул руку, будто призывая облака: «А больше всего я хотел бы стать ветровым. Подумать только! Летишь в гондоле, подкручиваешь лебедки, внизу бежит с перестуком каретка. Что может быть лучше? Сегодня ты на берегу пролива Язычников или в Амазе, завтра в Гарвии, послезавтра уже мчишься по продольной магистрали к Пельмонту, к Верну — дальше, к Синему океану!»

«Неплохо в своем роде, — с сомнением сказал Этцвейн. — И все-таки...» Он не сумел закончить.

Финнерак пожал плечами: «Пока не окольцевали — беги, ты свободен! Не беспокойся, я тебя не остановлю, Ишиэль тоже. Если хочешь, поможем спуститься. Но кругом дикие места, тебя ждет верная смерть. Эх, все равно, не будь на мне ярма — сбежал бы, только меня и видели!»

С другой стороны ущелья протрубыли в сигнальный рог. Финнерак насторожился: «Пойдем. Прибывает гондола из Ангвина».

Они вернулись на платформу. В принципе уже началась смена Этцвейна. Финнерак стоял рядом — ему поручили обучение новичка. Приближающаяся гондола наклонно висела в небе, подпрыгивая и покачиваясь — приводной канат тянул ее против ветра. Тяговые тросы, носовой и кормовой, пристегнули серьгами к большому железному кольцу. Кольцо, в свою очередь, соединялось короткой цепью с проушиной хомута на приводном канате. На кольце болталась черная бирка, означавшая, что гондолу следовало «перестегнуть» на северную ветку. Когда хомут оказался в верхней точке окружности натяжного шкива, Финнерак нажал кнопку электрического звонка, оповещавшего бригадира бурлаков, вращавших ворот, и одновременно навалился на рычаг тормоза, остановившего натяжной шкив. Зацепив кольцо крюком-карабином на цепи, он высвободил хомут. Этцвейн перенес хомут на канат северной ветки, застегнул его. Финнерак нажал кнопку, пере-

дававшую сигнал к вороту северной станции — приводной канат натянулся, и гондола поплыла над ущельем, понукаемая южным ветром.

Через полчаса с востока прибыла следующая гондола, нетерпеливо дергавшая тросы, туго натянутые свежим бризом, налетавшим с горы Миш. Хомут проехал над свободно вращающимся натяжным шкивом. Вмешательство Финнерака и Этцвейна не требовалось: гондола направлялась в Гарвий и проследовала над ущельем к центральной станции Ангвина.

Вскоре с запада появилась еще одна гондола, опять с черной биркой на кольце. Этцвейн сказал Финнераку: «С твоего разрешения я сам перестегну ее на северную ветку. А ты приследи, чтобы я все сделал правильно».

«Давай, попробуй, — согласился Финнерак. — Должен признаться, ты все схватываешь на лету».

«Так точно! — отозвался Этцвейн. — На лету. И собираюсь последовать твоему совету».

«Неужели? Решил делать карьеру на воздушной дороге?»

«Над этим стоит подумать, — кивнул Этцвейн. — Как ты справедливо заметил, я еще не окольцован. Следовательно, у меня есть выбор».

«Расскажи это Дагбольту, — посоветовал Финнерак. — Хомут подъезжает. Не прозевай звонок и тормоз».

Хомут приводного каната приближался в натяжному шкиву. Как только он коснулся шкива, Этцвейн нажал на кнопку звонка и на рычаг тормоза.

«Все правильно», — сказал Финнерак.

Этцвейн взял крюк-карабин, зацепил кольцо, подтянул его к себе и высвободил хомут.

«Молодец! — одобрил Финнерак. — И помогать тебе нечачем, сам справишься».

Этцвейн закрепил канатный хомут на ободе шкива, расстегнул карабин, отцепил крюк от кольца и встал одной ногой на кольцо, а пинком другой ноги высвободил хомут. Финнерак ошеломленно провожал глазами возносящегося Этцвейна. «Что ты...? — выдохнул он. — Ты выпустил гондолу!»

«Так точно! — весело крикнул Этцвейн, уже издалека. — Передавай привет Дагбольту. Прощай, Финнерак!»

Порывистый ветер относил гондолу все выше и дальше от горы Миш. Финнерак стоял на платформе, задрав голову и разинув рот. Этцвейн присел, упираясь ногой в кольцо, одной рукой схватился за тросы над головой, помахал другой рукой. Финнерак, сверху казавшийся маленьким и коротеньким, неуверенно поднял руку в ответ. Этцвейн почувствовал укол со-жаления — Финнерак понравился ему больше всех, кого он встречал. «Когда-нибудь мы еще увидимся», — сказал он се-бе.

Ветровой в гондоле спохватился и выглянул за борт, но сделать ничего не мог — ситуация была непоправима. «Внимание! — громко обратился он к пассажирам. — Тросы отце-пились. Нас несет ветром в северо-западном направлении, то есть мы не рискуем налететь на скалу или приземлиться в Дебрях. Повторяю, нет никакой опасности! Просьба сохра-нить спокойствие! Как только мы окажемся поблизости от на-селенного пункта, я начну травить газ и постепенно опущу гондолу на землю. От имени владельцев и руководства воз-душной дороги приношу извинения за непредвиденное изме-нение расписания».

Глава 5

Гондола парила над отрогами Хвана в безмятежной дымчатой высоте. Этцвейн сидел в кольце, окруженный сиреневомолочным сиянием. Нереальный покой беззвучного полета усыплял в нем страх высоты. Внизу простирались величественные леса кантона Трестеван: зонтичные дарабы, темно-каштановые и красновато-фиолетовые, издали казавшиеся легкими и мягкими, как пучки пушистых перьев, перемигивались зеленовато-бронзовой рябью под прикосновениями ветра. На склонах темных влажных долин над нижним пологом леса возвышались кудрявые древние секвойи с красновато-желтыми толстыми стволами и короткими ветвями — с тех пор, как человек впервые появился на Дердейне, в их жизни не прошло еще и трех поколений. Дальше, в предгорьях, росли висельные деревья, черные дубы, зеленые вязы и деревьядинники, уникальные в том отношении, что их семена бегали на прораставших ножках и кусались ядовитыми клешнями. Обнаружив подходящее место обитания, блуждающее семя кружилось в радиусе трех метров, кромсая и уничтожая ядом всю конкурирующую растительность, после чего выкапывало ямку и зарывалось в землю.

За Трестеваном начинался кантон Собол, где леса постепенно сменились обширной областью небольших ферм и тысяч прудов и садков — там разводили раков, угрей, белочервицу и прочую пресноводную снедь. Улов замораживали, упаковывали и отправляли на рынки больших городов — Гарвия, Брассей, Масчайна. Далекие игрушечные деревеньки испускали миниатюрные струйки дыма, по дорогам ползли едва заметные фургоны и двухколки, запряженные микроскопическими муравьями — волами и быстроходцами. Этцвейн, од-

нако, не вполне наслаждался пасторальным пейзажем — ему было неудобно сидеть. Сначала он упирался в кольцо одной ногой, потом другой, потом обеими ступнями, положив одну на другую. Он попытался сидеть над кольцом, между тросами, но жесткие витые тросы нещадно впивались в тело. Неторопливый полет в кольце все больше напоминал пытку. Ноги немели и пульсировали тупой болью при каждом движении, мышцы рук и плеч горели от напряжения — приходилось постоянно крепко держаться за тросы. Несмотря ни на что, Этцвейн торжествовал: он снова проявил находчивость и преодолел препятствия!

Ветер, сначала налетавший бодрыми порывами с гор, постепенно затих. Гондола с задумчивой медлительностью покинула воздушное пространство Собола, и теперь висела почти неподвижно над шахматной доской зеленых, темно-синих, коричневых, белых и лиловых лоскутков — полей и садов кантона Фрилл. Извилистая река Лерне бестактно нарушала аккуратную искусственную геометрию живых изгородей и дорог. В пятнадцати километрах к западу Лерне разрезала серебристой лентой ярмарочный городок, выстроенный в типично фриллийском стиле — табачно-коричневые панели из прессованных листьев дерева-прилипалы, плотно подогнанные к полированным стволам айбана, образовывали двух- и даже трехэтажные строения. Над крышами поднимался лес высоких шестов со знаменами-талисманами, молитвенными флагами, приворотными знаками и тайными иероглифами на щитах, заменявшими любовные, а иногда и не столь любовные послания. Рассматривая местность, Этцвейн решил, что Фрилл — приятная, цивилизованная страна. Он надеялся, что гондола приземлится прежде, чем у него отнимутся ноги и оторвутся руки.

Ветровой, со своей стороны, надеялся, что гондолу отнесет к Катрию — кантону, где преобладающий бриз с залива Ракушечных Цветов позволил бы им двигаться на юго-запад и приземлиться у продольной континентальной магистрали где-нибудь в кантоне Майе. Но приходилось считаться с пассажирами, разделевшимися на две фракции. Одни, раздосадованные безветрием и бездействием, потеряли терпение и тре-

бовали, чтобы ветровой открыл клапаны и спустился. Другие боялись, что к вечеру восходящие потоки подхватят надувной парус, и гондола безвозвратно потерянется в просторах Зеленого океана. Эти еще настойчивее убеждали ветрового приземлиться.

В конце концов ветровой раздраженно махнул рукой, взялся за веревку клапана и стал осторожно выпускать газ из паруса, сверяясь с высотомером, пока прибор не подтвердил, что гондола постепенно опускается. Открыв палубную панель, чтобы посмотреть, нет ли прямо под гондолой каких-нибудь деревьев или жилищ, ветровой впервые заметил Этцвейна. Удивленно нагнувшись, он с подозрением разглядывал тощую фигуру в грязной рясе, вцепившуюся руками в тросы, но не мог с уверенностью сделать никаких выводов. В любом случае, что он мог предпринять? Спуститься по тросу, чтобы вытолкнуть из кольца непрошенного пассажира? Ветровой не хотел рисковать: акробатические трюки не входили в его обязанности.

Кольцо погрузилось в густую голубую траву заливного луга. Этцвейн с облегчением соскочил на землю, а гондола, избавленная от лишнего веса, снова взмыла в воздух. Этцвейн дал стрекача, как зверек, вспутнутый хищником. Не обращая внимания на шипы и колючки, он с разгона прорвался через косматую от плетей ежевики живую изгородь на проселочную дорогу, со всех ног припустил к роще раскидистых обрезов, нырнул в тень под деревьями и только там остановился перевести дыхание.

Плотная листва не давала ничего разглядеть. Этцвейн выбрал дерево повыше и стал забираться вверх по стволу, цепляясь за частые тонкие ветви, пока не увидел голубой луг за живой изгородью.

Привязанная тросом к пню гондола покачивалась на лугу. Пассажиры вышли и ругались с ветровым, требуя немедленного возвращения платы за проезд и выдачи дополнительной суммы на непредвиденные транспортные расходы. Ветровой отказывался платить, будучи совершенно уверен в том, что чиновники в главном управлении не возместят ему этих денег, если он не предъявит подписанные пассажирами свиде-

тельства платежа, счета за их проезд до ближайшей станции воздушной дороги и квитанции, подтверждающие получение аварийного вспомоществования.

Пассажиры разъярились — назревала потасовка. Ветровой решил проблему по-своему: сорвал якорный трос с трухлявого пня и забрался в гондолу. Гондола, с одним человеком на борту вместо восьми, быстро поднялась в воздух, постепенно перемещаясь в сторону реки. Пассажиры стояли по колено в голубой траве и грозили в небо кулаками.

Три недели Этцвейн бродил по окрестностям — исхудавший, с ожесточенным повзрослевшим лицом, в обрывках рясы чистого отрока. В глубине обреховой рощи он устроил шалаш из листьев и ветвей, где бережно поддерживал едва заметный огонь, разведенный углем, украденным из жаровни на дворе сельской усадьбы. Он украл еще кое-что: старый вязаный жилет из темно-зеленой шерсти, большой кусок черной кровяной колбасы, моток жесткой веревки и охапку сена — чтобы приготовить постель поудобнее. Сена оказалось недостаточно. Этцвейн вернулся за второй охапкой и прихватил валившийся на дворе глиняный горшок для птичьего корма.

На этот раз, однако, мальчишки с фермы видели, как он спрыгнул из окна сеновала с задней стороны хлева. Пацаны гурьбой гнались за ним до самой рощи, где ему удалось спрятаться в густом подлеске недалеко от своего логова. До его ушей донеслись треск, сопровождавший разрушение шалаша, и возмущенные возгласы, вызванные обнаружением веревки и остатков колбасы. На обратном пути юные блюстители нравов прошли рядом. Один возбужденно говорил: «Ничего, ахульфы Йоделя разнюхают, где он прячется! Пусть заберут его себе на потеху». По спине Этцвейна пробежал холодок. Когда пацаны вышли из рощи, он залез на высокое дерево и следил за их возвращением к усадьбе. «Не позовут они ахульфов, — неуверенно успокаивал он себя. — Завтра же обо мне забудут. В конце концов, что такое охапка сена? Грязный, рваный жилет?»

На следующий день Этцвейн тревожно следил за происходящим на ферме. Крестьяне мирно занимались своими делами; Этцвейн начал успокаиваться.

Утром третьего дня, снова забравшись на обрех, он с ужасом заметил трех ахульфов, рыскавших вокруг хлева. Фермер вызвал карликовых ищеек горной породы муртрэ — сгорблленных, мохнатых, бугристых, напоминающих помесь собак и гоблинов. В панике Этцвейн чуть не свалился с дерева, кое-как спрыгнул на землю и побежал рощами и садами к реке Лерне, надеясь найти лодку или плот (плавать он не умел).

Сады кончились — он пересек поле, покрытое темно-малиновой ботвой йомоха, оглянулся. Оправдались худшие опасения: ахульфы уже появились из-за деревьев.

Ищайки еще не заметили его — опустив глаза, они двигались короткими перебежками, обшаривая землю обонятельными органами ступней. Этцвейн пустился наутек, перескочил изгородь и выбежал на проезжую дорогу, тянувшуюся вдоль берега реки. Сердце бешено стучало, воздуха не хватало, ноги деревенели.

Приближался экипаж на высоких колесах, запряженный породистым волом-быстроходцем — стройным животным, после девяти тысяч лет селекции мало напоминавшим грузных предков. Одиноко сидевший на козлах возница не торопился — способный при случае пуститься галопом, быстроходец семенил легкой экономной трусцой. Этцвейн подтянул старый жилет к подбородку, чтобы спрятать голую шею, побежал рядом с экипажем и позвал проезжего: «Уважаемый господин, можно мне с вами немного проехаться?»

Натянув вожжи, одинокий странник остановил быстроходца и смерил Этцвейна хмурым взглядом. Этцвейн столь же внимательно разглядывал кучера — сухопарого мужчину неопределенного возраста, бледного, высоколобого, с тонким, чуть горбатым носом и аккуратно подстриженной копной мягких седых или выбеленных волос, в костюме из дорогого серого сукна. На эмблеме его ошейника лиловые и серые вертикальные полоски перекрещивались черными и белыми горизонтальными — код, Этцвейну ничего не говоривший. Проезжий производил впечатление человека знающего, умуд-

ренного опытом, даже утонченного, но с возрастом выходила неувязка — он казался то ли молодящимся стариком, то ли преждевременно постаревшим юношей. Незнакомец вежливо произнес, без малейшего намека на дружелюбие или неприязнь: «Залезай, садись. Тебе куда?»

«Не знаю — как можно дальше, — сказал Этцвейн. — Честно говоря, за мной гонятся ахульфы».

«Ага! Ты совершил преступление?»

«Ничего я не сделал, ничего особенного! Просто сыновья фермера решили, что я бродяга, а значит, на меня можно похотиться».

«Строго говоря, я не вправе содействовать беженцам, — сказал человек в сером костюме. — Но не будет ничего страшного, если ты немного прокатишься».

«Спасибо».

Двуколка мелко тряслась по дороге — Этцвейн постоянно оглядывался. Незнакомец невыразительно спросил: «Откуда ты, где живешь?»

Этцвейн не мог доверять опасные секреты первому встречному: «Сейчас я нигде не живу».

«Куда направляешься?»

«В Гарвий. Хочу подать жалобу Человеку Без Лица, чтобы он помог моей матери».

«Чем он поможет?»

Этцвейн еще раз оглянулся — ахульфов не было.

«Моя мать в несправедливом крепостном долгу, а теперь должна работать в сыроятне. Человек Без Лица может приказать, чтобы ее освободили. Долг она давно уже выплатила и переплатила, только никто не ведет правильный счет!»

«Как правило, Человек Без Лица не вмешивается во внутренние кантональные тяжбы».

«Я знаю, мне говорили. Но ко мне он, может быть, прислушается».

Незнакомец едва заметно улыбнулся: «Человеку Без Лица достаточно того, что кантональные законы соблюдаются буквально и неукоснительно. Почему ты думаешь, что, получив твою жалобу, он нарушит древние обычай и все перевернет вверх дном, даже если хилиты в Башоне этого заслуживают?»

Этцвейн удивленно подскочил: «Как вы догадались?»

«Ты в рясе. У тебя башонский акцент. И ты упомянул сыромятню».

Этцвейну нечего было сказать. Он снова обернулся, мысленно умоляя быстроходца пуститься вскачь.

Как раз в этот момент ахульфы выпрыгнули на дорогу. Пригнувшись и вспотев от страха, Этцвейн смотрел через плечо как завороженный. В связи с какой-то особенностью мышления, не чувствуя запаха, ахульфы приходили в замешательство. Никакие объяснения и наказания не могли заставить их вести визуальный поиск. Этцвейн повернулся к человеку в сером костюме. Тот напустил на себя самый отстраненный, безразличный вид и сказал: «У меня нет возможности тебя защищать. Помогай себе сам».

Этцвейн снова взглянул назад, на дорогу. Через живую изгородь перебрались шалопаи с фермы. Ахульфы скалили зубы, кланяясь и оправдываясь, метались из стороны в сторону, демонстрируя готовность броситься в любом направлении по первому приказанию. Обозленные бесполезностью ищеек, крестьянские дети ругались и кричали. Один заметил удаляющийся экипаж, показал другим. Вся свора — пацаны и ахульфы — пустилась в погоню с удвоенным усердием.

Этцвейн испуганно спросил: «Мы не могли бы ехать быстрее? Меня догонят и убьют!»

Незнакомец смотрел вперед с каменным лицом, будто не слышал. Этцвейн отчаянно озирался — преследователи настигали экипаж, жизнь висела на волоске. Ахульфам обещали редкую возможность растерзать человека — что они не преминули бы сделать, огрызаясь и тявкая. Аккуратно перевязав бечевкой куски человечины, поделенные после продолжительной свары, ахульфы отнесли бы их в стойбище, чтобы прокоптить на костре.

Этцвейн спрыгнул на ходу и упал, кувыркаясь в дорожной пыли. Не чувствуя ни синяков, ни ссадин, он бросился вниз по крутыму берегу, продрался сквозь заросли ольхи и погрузился по шею в журчащие желтоватые воды Лерне.

Куда теперь? Он никогда даже не пробовал плавать. Этцвейн держался за плакучие ветви, свисавшие к самой воде,

разрываемый между боязнью утонуть и желанием спрятаться, окунувшись в реку с головой. Затрещали кусты: ахульфы спрыгнули с обочины в ольховник и просунули рычащие морды через сплетение ветвей. Этцвейн отпустил ветку, взялся за следующую, но потерял дно под ногами и поплыл, захлебываясь, цепляясь за камни, корни, ветви — течение несло его вдоль берега. Пропитавшийся водой шерстяной жилет мешал, тянул вниз. Схватившись за торчащий из берега воздушный корень, Этцвейн сбросил жилет, перевел дыхание. Частично сохранивший плавучесть благодаря оставшемуся пузырю воздуха, плотный зеленый жилет поплыл вниз по течению и привлек внимание пацанов, пытавшихся разглядеть что-нибудь через прибрежные заросли. С криками они помчались дальше вдоль реки.

Этцвейн ждал. Пробежав метров двадцать, преследователи обнаружили ошибку, остановились и стали спорить: куда делся воришко? Одному из ахульфов приказали переплыть реку и проверить, не выбрался ли беглец на другой берег. Ахульф залился скулящим воем, наотрез отказываясь соваться в воду. Пацаны решили вернуться туда, где впервые заметили жилет. Этцвейн отпустил корень и снова двинулся вниз по течению, наполовину плывя, наполовину карабкаясь вдоль берега. Он надеялся незаметно миновать своих мучителей.

На берегу наступила тишина: зловещее отсутствие звуков. Ноги Этцвейна начинали неметь — он осторожно подтянулся, взяввшись за корень в основании куста. Движение не осталось незамеченным. Один из юных следопытов испустил торжествующий вопль. Этцвейн соскочил в воду, не успел ухватиться за ветку и стал тонуть, отнесенный течением от берега. Стараясь во что бы то ни стало держать голову над водой, панически молотя руками и дрыгая ногами, Этцвейн оказался посреди сужавшейся быстрины. Хватая ртом воздух пополам с водой, он чувствовал, что задыхается, захлебывается, идет ко дну. Другой берег был недалеко. Предприняв отчаянное последнее усилие, Этцвейн коснулся ногой скользкого дна. Сначала отталкиваясь пальцами ног и загребая руками, потом частыми прыжками, глубоко увязая в тине, он добрался до противоположного берега. Упав на колени в прибрежную

грязь и вцепившись в спасительную ольху, он согнулся, сопрясаясь гулким булькающим кашлем.

С другого берега неслось улюлюканье — ахульфы уже пробирались к воде через ольховник. Этцвейн устало попытался подтянуться и пробраться через кусты, но берег оказался слишком высок и крут. Он побрел по мелководью вниз по течению. Один ахульф решился прыгнуть в реку, но поплыл, часто перебирая лапами, без упреждения, прямо к Этцвейну, и течение стало относить его в сторону. Этцвейн поднял со дна утонувший, отяжелевший от воды кусок дерева и изо всех сил швырнул его в ахульфа, угодив точно по мохнатой собачье-паучьей голове. Ахульф взывал тонким голосом, тявкнул и вернулся к своим сородичам. Этцвейн шел вброд у самой кромки воды, часто перепрыгивая через висящие корни.

Крестьянские дети и ахульфы следовали за ним по другому берегу, за кустами. Вдруг они все сорвались с места и на перегонки помчались вперед — ниже по течению показался мост на пяти каменных арках, за ним начинался ярмарочный городок. Неутомимые гонители догадались перебежать реку по мосту и окружить беглеца прежде, чем тот выберется на берег. Этцвейн с тоской глядел на мутный бурлящий поток — ни за что он не отважился бы переплыть его еще раз. Он яростно атаковал заросли ольхи, игнорируя ссадины, уколы и порезы. В конце концов ему удалось кое-как пролезть и подтянуться примерно до середины двухметрового откоса над ольховником, заросшего скользким папоротником и колючей травой. Приподнявшись еще немного, он сорвался и со стоном упал спиной в кусты. Снова Этцвейн полез наверх, цепляясь ногтями, локтями, подбородком, коленями. Каким-то чудом ему удалось перевалить через край откоса и выползти на обочину набережной.

Тяжело дыша, он лежал лицом в пыли. Отдыхать нельзя было ни секунды. С помутневшими глазами Этцвейн приподнялся на четвереньки, встал на ноги.

Городок начинался метрах в пятидесяти справа. Напротив, в тенистом парке, сгрудились полдюжины телег и фургонов, весело раскрашенных в бледно-розовый, белый, лиловый, бледно-зеленый и голубой цвета.

Шатаясь и нелепо болтая руками, Этцвейн устремился к фургонам и подбежал к низенькому человеку с кислой физиономией, лет сорока, сидевшему на табурете и хлебавшему из кружки горячий чай.

Этцвейн попытался собраться с мыслями и выпрямился, но голос его срывался и хрюпал: «Я... Гастель Этцвейн. Возьмите меня в труппу! Смотрите, я без ошейника. Я музыкант».

Коротышка чуть отпрянул, недоуменно насупился и вскинул голову: «Ступай, ступай себе! Ты что думаешь, мы принимаем кого попало? Тут собирались знатоки — попрошайки нам ни к чему. Иди, пляши на ярмарке!»

По дороге рысью приближались ахульфы, за ними бежали раскрасневшиеся малолетние садисты.

Этцвейн кричал: «Я не обманываю! Мой отец — друйдийн Дайстар! Я играю на хитане!» Ошалело озираясь, он увидел инструмент, бросился к нему, схватил. Пальцы, грязные и мокрые, скользили по струнам, растрянутые мышцы не слушались. Этцвейн пытался набрать последовательность аккордов, но произвел только нестройное бренчание.

Мохнатая черная рука крепко взяла его за плечо и потащила направо. Другая схватила за локоть и рванула налево. Ахульфы разразились оглушительным тявканьем — каждый утверждал, что настиг добычу первый.

Коротышка вскочил, уронив кружку, вытащил из связки дров сучковатую толстую палку и принял яростно дубасить обоих ахульфов: «Прочь, адское отродье, прочь! Не смейте трогать музыканта!»

Подоспели сыновья фермера: «Какой он музыкант? Обычный вор, бродяга. Крадет добро, заработанное тяжелым трудом. Нам разрешили отдать его ахульфам».

Коротышка залез рукой в карман, бросил на землю пригоршню монет: «Музыкант не крадет, а берет — все, что ему нужно. Забирайте деньги и проваливайте!»

Пацаны обменялись унылыми возгласами, пошмыгали носами, погрозили Этцвейну кулаками, неохотно подобрали грязные монеты и удалились. Вокруг них, тявкая, пританцовывали ахульфы — они старались напрасно, не получив ни денег, ни мяса.

Коротышка снова уселся на табурет: «Сын Дайстара, говоришь? Какой позор, до чего докатился! Ну ладно, что было, то прошло. Возьми у женщин куртку и штаны, съешь что-нибудь. Посмотрим, что из тебя можно сделать».

Глава 6

Вымывшись и согревшись, наевшись супа с хлебом, Этцвейн тихонько вернулся к Фролитцу, сидевшему за столом под деревьями с плоской бутылью самогона. Этцвейн присел на скамью и смотрел, как Фролитц подгоняет новый язычок к мундштуку дрекорога. Этцвейн ждал. Фролитц, по-видимому, вознамерился игнорировать его существование.

Этцвейн пододвинулся ближе: «Вы разрешите мне оставаться в труппе?»

Фролитц поднял голову: «Мы — музыканты. В нашей профессии нет места посредственности».

«Я буду очень стараться», — сказал Этцвейн.

«Одного желания недостаточно — нужны способности и характер. Настрой-ка вот этот хитан».

Этцвейн взял инструмент, настроил. Фролитц крякнул: «А теперь расскажи, как так получилось, что сын Дайстара шляется по задворкам, одетый в рваное тряпье?»

«Я родился в Башоне, в кантоне Бастерн, — объяснил Этцвейн. — Музыкант по имени Фельд Майджесто подарил мне хитан, но учиться играть мне пришлось самому. Я не хотел становиться хилитом и сбежал».

«Четкое изложение, без лишних украшений, — кивнул Фролитц. — С Фельдом я встречался, и не раз. На мой взгляд, он легкомысленно относится к ремеслу. Я предъявляю самые строгие требования — у нас никто не отлынивает. Что, если я тебя выгоню?»

«Пойду в Гарвий, просить Человека Без Лица дать мне ошейник музыканта и помочь моей матери».

Фролитц поднял глаза к небу: «Каким бредом забивают детям голову, черт знает что! По-твоему, Человек Без Лица

расточает благодеяния каждому встречному-поперечному, явившемуся в Гарвий жаловаться на судьбу?»

«Он обязан рассматривать жалобы, иначе какой из него правитель? Поддерживать спокойствие в Шанте — в его же интересах, а для того, чтобы люди жили спокойно, должна существовать справедливость!»

«Трудно сказать, чего хочет Человек Без Лица. Об этом лучше не распространяться. Нас могут подслушивать — никогда не знаешь, кто стоит за фургоном. Говорят, он обидчив и злопамятен. Смотри, вон там, на дереве! Вчера ночью, пока я спал, кто-то пришел и повесил под самым носом. И никто ничего не видел и не слышал. От этих штучек становится не по себе».

Этцвейн прочел плакат:

«Говорим: АНОМЕ — подразумеваем: Шант!

Говорим: Шант — подразумеваем: АНОМЕ!

АНОМЕ и Шант — едины!

АНОМЕ с нами — всегда и везде!

Крамольные шутки — преступное вредительство.

Неуважение к власти равносильно

подстрекательству к бунту.

С благосклонной недремлющей бдительностью!

С усердием, не знающим сомнений и сожалений!

С непреклонностью самодержавного могущества!

АНОМЕ — служит — Шанту!

АНОМЕ — наш ветровой!»

«Все правильно, — глубокомысленно кивнул Этцвейн. — Кто развесивает плакаты?»

«Откуда я знаю? — огрызнулся Фролитц. — Может, Человек Без Лица сам шныряет по ночам и пугает тех, кто болтает лишнее. Будь я на его месте, я бы тоже забавлялся. Не советую, однако, привлекать его внимание жалобами и требованиями. Тем более, если они справедливы и разумны».

«Как же так? Почему?»

«Зачем у тебя голова на плечах? Думай, пока не оторвали! Предположим, ты недоволен порядками в кантоне и желаешь,

чтобы их изменили. Приезжаешь в Гарвий и подаешь петицию — самую разумную, самую обоснованную, самую справедливую. У Человека Без Лица три возможности. Он может удовлетворить просьбу и тем самым отдать кантональные власти на расправу возмущенной толпе — с непредсказуемыми последствиями. Он может тебе отказать — после чего каждый раз, открывая рот за кружкой пива в таверне, ты будешь попрекать Аноме и поносить его последними словами. Или он может без лишних слов оторвать тебе голову. Нет человека — нет проблемы».

Этцвейн почесал в затылке: «Значит, по-вашему, не нужно идти в Гарвий и подавать жалобу?»

«Плясать с ахульфами в диком ущелье приятнее и безопаснее».

«Тогда что мне делать?»

«То, к чему душа лежит. Стань музыкантом! Зарабатывай на жизнь, жалуясь на судьбу. Что есть музыка? Протест разумного существа, не согласного мириться с несправедливостью бытия! Протестуй, но протестуй без слов. Не поминай Человека Без Лица... что такое? Что ты играешь?»

Пробуя настроенный хитан, Этцвейн рассеянно перебирал струны. Продолжая играть, он сказал: «Ничего особенного. Я выучил только пять или шесть мелодий — из тех, что исполняли проезжие музыканты».

«Стой, стой, стой! — закричал Фролитц, зажимая уши. — Параллельные квинты, задержания на сильную долю, размер меняется в каждом такте? Где ты слышал такую тарабарщину?»

Этцвейн остановился, испуганно сглотнул: «Прошу прощения. Эту музыку я сам придумал».

«Дерзость! Самомнение невежества! Ты считаешь обычный репертуар ниже своего достоинства? Двадцать лет я упражнялся, разучивая сложнейшие образцы всех жанров! Потвоему, я зря потратил лучшие годы жизни? Все мои труды — насмарку? Теперь я должен наслаждаться исключительно вдохновенными импровизациями самородного гения, ниспосланного свыше мне в назидание?»

Пока побагровевший Фролитц набирал воздух для следующей тирады, Этцвейну удалось вставить слово в свое оправдание: «Ничего подобного, уверяю вас! Просто я никогда не слышал знаменитых произведений. Играли все, что приходило в голову».

«Гм. Импровизировать полезно, но не злоупотребляй новшествами — новшества хороши, когда они воспринимаются как естественное развитие традиций... Спрячь большой палец — что он делает посреди грифа? И почему я не слышу гремушки? Она что, для украшения?»

«Нет, конечно нет. У меня локоть болит — я сегодня расшибся».

«Ну, а зачем же бренчать на хитане, если рука болит? Сыграй-ка что-нибудь на древороге — вот, возьми».

Этцвейн с сомнением взорвался на духовой инструмент, перевязанный тугими кольцами жил: «Я еще не пробовал... не умею».

«Что?! — Фролитц изобразил крайнее изумление, выкатив глаза и разинув рот. — Так научись же! Настоящий музыкант не расстается с древорогом. И с тринголетом, и с кларионом, и с бутылкой. Мы не какие-нибудь теоретизирующие дилетанты, вроде Фельда с его бандой халтурщиков! Мы виртуозы! Бери древорог, начинай играть гаммы. Я скоро проверю, как продвигается дело — и смотри, не пускай петуха!»

Год спустя маэстро Фролитц и его труппа прибыли в Гарвий. Этцвейн уже надел ошейник музыканта. Гастролирующие оркестры редко посещали столицу, ибо искушенные жизнью обитатели Гарвия превыше музыки ценили искусство узнавать новости раньше других, сплетничать, вставляя модные выражения, стильно одеваться, завязывать полезные связи и производить впечатление. Вопреки советам Фролитца, Этцвейн отправился на площадь Корпорации и выстоял очередь к окошку, где за пять флоринов любой желающий подать прошение или жалобу Человеку Без Лица мог получить бланк петиции. Плакат, наклеенный у окошка, воодушевлял просителей:

«АНОМЕ рассматривает все петиции без исключения!

Сколько бы ни заплатил проситель — пять или пятьсот флоринов — все проблемы внимательно изучаются и решаются одинаково беспристрастно. Кратко, без лишних отступлений опишите сущность затруднения или упущения и дайте точное определение предлагаемого способа его устранения. Подача петиции еще не означает, что вы правы и что обвиняемая сторона нарушила закон — вполне возможно, что ваша точка зрения несправедлива. Если АНОМЕ откажет в удовлетворении вашей просьбы или жалобы, не поддавайтесь разочарованию, но сделайте полезные выводы.

Ищущий нелицеприятного суда
получит искомое.

Ищущий подаяния уйдет с пустыми руками».

Этцвейн уплатил пять флоринов и получил от подьячего бланк петиции. Тщательно выбирая слова и выражения, он описал ситуацию в Башоне, указав на циничное пренебрежение хилитов к погашению крепостного долга женщин. «В частности, — писал Этцвейн, — госпожа Эатре давно уже выполнила все обязательства перед экклезиархом Оссо Хигаджу. Тем не менее, экклезиарх перевел ее на тяжелую работу в сыромятню. Прошу Аноме устраниТЬ несправедливость таким образом, чтобы госпожа Эатре в дальнейшем могла самостоятельно выбирать место жительства и род занятий, не считаясь с желаниями экклезиарха Оссо».

Рассмотрение дешевых петиций за пять флоринов часто задерживалось, но ответ на жалобу Этцвейна появился уже на следующий день. Содержание всех петиций и всех решений Аноме считалось публичным достоянием — их вывешивали на стене объявлений посреди площади. Дрожащими пальцами

Этцвейн потянул к себе листок, помеченный цветовым кодом его ошейника.

Ответ гласил:

«АНOME с одобрением отмечает заботу сына о благополучии матери. Законы кантона Бастерн недвусмысленно требуют, чтобы лицо, находящееся в крепостном долгу, могло предъявить подписанный кредитором счет с указанием всех сумм, выплаченных этим лицом кредитору, а также суммы первоначального долга и всех дополнительных задолженностей этого лица, начисленных кредитором. Время от времени находящееся в крепостном долгу лицо пользуется продуктами питания, жильем, одеждой, услугами в области образования, услугами развлекательного характера, медикаментами и т. п., предоставляемыми за счет кредитора и превосходящими по стоимости, в сочетании с первоначальным долгом, итоговую сумму заработка этого лица, в каковом случае срок выплаты крепостного долга может быть продлен. Возможно, в данном случае имеет место такое положение вещей.

АНOME выносит следующее решение: «Я повелеваю экклезиарху Оссо Хигаджу, по вручении ему настоящего документа, освободить госпожу Эатре, когда она сможет предъявить счет, свидетельствующий о полном погашении ею крепостного долга, включая дополнительные задолженности, в размере не более полутора тысяч флоринов или, в том случае, если вся сумма ее первоначального долга и дополнительных задолженностей еще не выплачена, когда какое-либо иное лицо передаст экклезиарху Оссо Хигаджу, от име-

ни госпожи Эатре, полторы тысячи флоринов».

Другими словами, получив от вас этот документ и полторы тысячи флоринов, экклезиарх Оссо обязан освободить вашу мать, госпожу Эатре.

С надеждой и благорасположением,
АНОМЕ».

Решение Аноме привело Этцвейна в бешенство. Он тут же приобрел еще один бланк петиции и написал: «Где я возьму полторы тысячи флоринов? Я зарабатываю сто флоринов в год. Эатре заплатила Оссо в два раза больше, чем должна! Кто мне займет полторы тысячи — Аноме?»

Ответ не замедлил появиться на следующий день:

«АНОМЕ сожалеет о том, что не может использовать частные или общественные средства с целью предоставления заемов крепостным должникам. Первоначальное решение остается неизменным и окончательным».

Ничего и никого не замечая, Этцвейн вернулся в гостиницу «Фонтеней», где Фролитц останавливался с труппой каждый раз, когда приезжал в Гарвий. Где бродячий музыкант мог достать полторы тысячи флоринов?

Через пять лет в Масчейне, столице кантона Массеах, что на южных склонах Хвана, Этцвейн повстречался со своим отцом, друидийном Дайстаром. Труппа Фролитца, поздно прибывшая в город, могла свободно провести вечер. Этцвейн (ему уже почти исполнилось восемнадцать) и Фордайс, на три года младше, слонялись от таверны к таверне, узнавая новости и сплетни, критически прислушиваясь к исполнявшейся музыке.

В трактире «Двурыбица» выступали «Серо-сине-зеленые интерполяторы»¹⁵ маэстро Рикарда Окстота. Во время перерыва Этцвейн разговорился с хитанистом, скромно преуменьшившим свои возможности: «Хочешь услышать настоящую игру на хитане? Зайди в трактир «Старый Караз» напротив, послушай друидийна».

Этцвейн и Фордайс не преминули скоро появиться в «Старом Каразе» и заказали по бокалу шипучего зеленого пунша. Друидийн сидел в углу, мрачно разглядывая публику — высокий черноволосый человек, сильный, нервный, с лицом мечтателя, разочарованного мечтами. Друидийн взял хитан, проверил настройку, поправил пару колков и набрал три аккорда, чуть наклонив голову и неодобрительно прислушиваясь. Его темные глаза блуждали по лицам, остановились на Этцвейне, опустились к хитану. Теперь он заиграл — медленно, с трудом, пробуя то одно, то другое, будто нашупывая форму мелодии в темноте, с выражением рассеянного старика, погруженного мыслями в прошлое и бесцельно собирающего метлой листья, разлетающиеся по ветру. Почти незаметно звуки приобретали уверенность, пальцы быстрее находили места на грифе, как карандаш математика, уже увидевшего решение задачи и пишущего вывод формулы — обрывочные намеки, несогласованные ритмы сплелись в единый организм, наделенный душой, каждая нота стала предопределенной, неизбежной, необходимой.

Слушая, Этцвейн переставал видеть окружающее — и начинал видеть что-то другое. Друидийн исполнял сложную, непривычную музыку с величественным убеждением, без напряжения. Почти случайно, мимоходом, он сообщал мучи-

¹⁵ В языке Шанта различаются тончайшие оттенки цветов. Например, вместо «красного», «алого», «карминового», «багрового», «розового», «пунцового» и «вишневого» шантский словарь предлагает больше шестидесяти разнокоренных наименований тонов, относящихся к той же группе; другие области спектра и смешанные цвета классифицируются не менее подробно. В наименовании труппы «Серо-сине-зеленые интерполяторы» точно определялись фактические свойства оттенков серого, синего и зеленого, символически отражавших преобладающую эмоциональную точку зрения, влиявшую на интерпретацию музыкальных произведений труппой маэстро Окстота, на стиль ее оригинальных вариаций и импровизаций.

тельные вести, необратимые, как время. Он говорил о золотистых волнах океана, о недостижимых островах. Он наполнял сердце тщетным сладострастием жизни — только для того, чтобы положить конец всем иллюзорным тайнам краткой иронической каденцией и ударом локтя по гремушке.

Ужин друидийна был изысканно прост: маринованный сухопутный краб под острым соусом, с перловым гарниром и дынными колобками, присыпанными сладкой пыльцой. За ужин давно заплатили.¹⁶ Хитанист уже осушил бутыль эликсира Гургеля — рядом, на столе, стояла еще одна, но он больше не интересовался выпивкой. Музыка постепенно стихла и сменилась молчанием, как караван, исчезнувший за горизонтом.

Фордайс наклонился к соседнему столу и тихо спросил:
«Как зовут друидийна?»

«Дайстар».

Фордайс удивленно повернулся к Этцвейну: «Твой отец?»
Не находя слов, Этцвейн молча кивнул.

Фордайс вскочил: «Пойду скажу ему, что здесь его кровный сын, тоже хитанист!»

«Нет! — сказал Этцвейн. — Не нужно ничего говорить».

Фордайс медленно сел: «Почему же нет?»

«У него, наверное, уйма детей от разных женщин. Само собой, из них многие стали музыкантами. Зачем отнимать у человека время пустыми любезностями?»

Фордайс пожал плечами, но возражать не стал.

¹⁶ Друидийн, в отличие от труппы, никогда не оповещал заранее о своем прибытии и не объявлял, когда закончатся его гастроли. Незаметно, почти украдкой приходя в очередное селение или в город, друидийн заглядывал в одну из таверн и заказывал ужин, роскошный или скучный, в зависимости от общего склада характера или минутного предпочтения. Усевшись с хитаном в руках, он начинал играть, но ничего не ел, пока кто-нибудь из публики не платил за его ужин и ночлег. Этот древний обычай строго соблюдался; само выражение «несъеденный ужин» употреблялось как насмешливое прозвище плохого музыканта. Поговаривали, что друидийны, терявшие популярность, нанимали человека, демонстративно рассчитывавшегося с хозяином заведения, как только ужин музыканта выставляли на стол. Друидийн извлекал и другие доходы — пожертвования слушателей, подарки хозяев таверн, трактирщиков и рестораторов, плату за выступления на частных вечеринках и в усадьбах аристократов. Известный друидийн мог даже разбогатеть, так как профессия позволяла ему не нести почти никаких расходов.

Снова Дайстар ударил по струнам. Теперь музыка напоминала о путнике, идущем в ночи по незнакомой дороге — время от времени путник останавливался полюбоваться на звезды.

По какой-то причине, непонятной ему самому, Этцвейн чувствовал себя неудобно. Между ним и Дайстаром — незнакомым ему, в сущности, человеком — существовало напряжение. Этцвейн не мог предъявить Дайстару никаких претензий, не мог упрекнуть его за поступок или бездействие. Долг Дайстара перед Эатре был не больше долга любого из путников, заходивших в хижину на Аллее Рододендронов — так же, как они, он уплатил сполна и пошел своей дорогой. Этцвейн даже не пытался понять, что происходило у него в голове. Он извинился перед Фордайсом, вышел из «Старого Караца», глубоко подавленный, и побрел в табор Фролитца. Мысль о судьбе Эатре не давала ему покоя. Он ругал себя за лень, за отсутствие прилежания. Ему удалось скопить немногого денег, хотя заработка едва хватало. Этцвейн не жаловался, трудности жизни его не пугали. В труппе Фролитца он нашел кров и пищу. Кроме того, Фролитц давал уроки и предоставлял возможность практиковаться. Музыканты — за исключением друидийнов — редко богатели. Поэтому оркестранты нередко уходили попытать счастья в одиночку. Успеха добивались немногие. Большинство, обнаруживая, что никто не желает платить за их еду и ночлег, пытались украшать исполнение бравурными пассажами и претенциозными манерами, а когда и это не помогало, начинали петь песни под аккомпанемент хитана, развлекая крестьян, детей и другую музыкально невежественную публику.

Вернувшись в табор, Этцвейн долго предавался мрачным размышлениям. Иллюзий не было: недостаточное мастерство и недостаточный жизненный опыт не позволяли ему стать друидийном. Что ждало в будущем? Жизнь в труппе Фролитца не так уж плоха: хотел ли он большего? Этцвейн открыл тумбочку у постели, вынул хитан. Усевшись на ступенях фургона, он стал играть медленную меланхолическую мелодию — под нее любили танцевать паваны жители Ильвийского кантона. Звуки выходили сухими, вымученными, безжизнен-

зыми. Вспомнив упругую, настойчивую музыку, вырывавшуюся из-под пальцев Дайстара, музыку, жившую своей жизнью по своим законам, Этцвейн сначала поддался унынию, потом печали, потом — горечи и гневу. Он гневался на Дайстара, на себя, на весь мир. Уложив хитан, он бросился на койку, пытаясь привести в порядок мысли, вихрем кружившиеся в возбужденной молодой голове.

Прошло еще пять лет. Маэстро Фролитц и его труппа, теперь гордо называвшаяся «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой бандой», приехала в Брассеи, столицу кантона Эльфин, недалеко от Гарвия. Этцвейн стал гибким, высоким, нервно-мускулистым молодым человеком с неприятно-хмурым выражением лица. Черноволосый, с кожей цвета желтоватого загара и тонкими губами, от природы чуть искривленными горькой усмешкой, он не был расположен к веселью и болтовне, предпочитая замкнутое, почти одинокое существование. Голос его, мягкий и негромкий, приобретал живость и выразительность только после изрядной выпивки. Некоторые оркестранты укоряли его — за спиной — в необоснованном высокомерии, другие считали, что он тщеславен. Только маэстро Фролитц часто составлял ему компанию — ко всеобщему недоумению, ибо все, что волновало и раздражало Фролитца, судя по всему, никак не интересовало Этцвейна, а все, на чем Фролитц настаивал с такой горячностью, Этцвейн, казалось, подвергал молчаливому сомнению. Когда Фролитца спрашивали, что его так привлекает в нелюдимом отщепенце, тот презрительно усмехался — в Этцвейне он нашел терпеливого слушателя, удачно дополнявшего разглагольствования маэстро краткими саркастическими замечаниями.

Разбив табор на общинном выгоне Брассеи, Фролитц, в сопровождении Этцвейна, обходил таверны и концертные залы города, чтобы узнать новости и предложить услуги своей труппы. Поздно вечером они оказались в трактире гостиницы «Церк» — гулком, плохо освещенном помещении с белеными стенами из глинистого известняка и деревянной крышей, опиравшейся на потемневшие от времени бревенчатые столбы. Потолочные перекладины наклонялись и перекрешивались

под самыми удивительными углами. С перекладин свисали всевозможные сувениры, накопленные за долгие годы существования заведения — закопченные дымом кривляющиеся деревянные маски, пыльные стеклянные фигурки животных, череп ахульфа, три сушеные бурые тыквы, небольшой железный метеорит, геральдические шары, всякая всячина.

Сегодня «Церк» почти пустовал в связи с семидневным постом, предписанным Парапластом, кантональным Наместником Создателя. Фролитц подошел к старому знакомому, трактирщику Лою. Пока они торговались, обмениваясь шуточками и передразнивая друг друга, Этцвейн стоял в стороне, рассеянно читая листовки и объявления, наклеенные на столбах, но не замечал смысла прочитанного. Его мысли были заняты другим: утром он получил неожиданно большую сумму денег, существенно пополнившую его сбережения. Но достаточно ли? В двадцатый раз он подсчитал в уме, в двадцатый раз получил тот же результат — денег почти хватало, но могло не хватить. Как устранить недостачу? Занять у Фролитца нельзя было по крайней мере до начала следующего месяца — труппа едва сводила концы с концами. Но время шло, цель была близка, нетерпение следило Этцвейна! Содержание листовок наконец стало доходить до его сознания — по большей части это были стандартные призывы к благонравию:

«НИЧТО — безлично, равносильно, однозначно для всех. Тот, кого никто не знает, никем не может быть подкуплен.

Выполняйте указы с готовностью и рвением!
Кто стоит рядом? Кто идет навстречу? Может быть, САМО ПРОВИДЕНИЕ?

Счастливые народы Шанта! Из всех шестидесяти двух кантонов да прозвучит единогласная хвала! Как может зло торжествовать, когда за каждым нашим шагом, за каждым нашим словом следит ВСЕВИДЯЩИЙ и ВСЕСЛЫШАЩИЙ? Да здравствует АНОМЕ!»

Текст плакатов печатали на пурпурной бумаге, символизировавшей величие, в поле серовато-розового цвета, олицетворявшего всемогущество.

На стене висело объявление крупнее пропагандистских листовок, напечатанное охрой по черному — цветами, свидетельствовавшими о срочности и важности сообщения:

«Внимание! Будьте осторожны! На склонах Хвана замечены крупные банды рогушкоев! Если вам дорога жизнь, не приближайтесь к пагубным тварям!»

Фролитц и Лой заключили, наконец, полюбовную сделку: «Розово-черно-лазурно-глубокозеленая банда» получила андегемент на ежевечерние выступления в «Церке» в течение следующих двух-трех недель. В подтверждение взаимопонимания Лой налил Фролитцу и Этцвейну по большой кружке зеленого сидра. Этцвейн спросил: «Когда появилось черно-охряное предупреждение?»

«О рогушкоях? Тому два или три дня. Забрались в кантон Шаллу, стащили дюжину женщин».

«Человек Без Лица обязан действовать! — заявил Этцвейн. — Разве охрана и восстановление порядка — не основная функция Аноме? Он обязан нас защищать. Иначе зачем мы носим ошейники?»

Фролитц, говоривший с только что зашедшими в трактир приезжим в походном костюме, настороженно отвлекся, чтобы посоветовать хозяину заведения: «Не обращай внимания, парень еще не разобрался в жизни».

Лой, однако, раздул пухлые щеки и упрямо проигнорировал Фролитца: «Дураку ясно — пора что-то предпринять! О рогушкоях ходят самые мерзкие слухи. Говорят, в ущельях Хвана их целые полчища, копошатся, как насекомые. Причем заметьте: никаких женщин, одни самцы».

«Как они размножаются? — спросил Этцвейн. — Я чего-то не понимаю».

«Насилуют женщин — всех, какие попадаются. Насколько мне известно, в результате всегда рождается детеныш мужского пола».

«Странно... Откуда они взялись, кто такие?»

«Из Паласедры, — многозначительно поднял палец Лой. — Чем они там занимаются, их биоконструкторы? Экспериментируют с людьми, вот чем! Без конца ускоряют селекцию — там это называют «генопластикой» — причем раз за разом у них что-нибудь не так, нарождается всякая пакость. Так вот, я думаю — и не только я — что эти твари удрали из паласедрийской генопластической лаборатории и перебрались в Шант через Большую Соленую топь. На нашу голову!»

«Смотри, не сегодня-завтра рогушкой завалятся в «Церк» тратить награбленное! — отзывался Фролитц, сидевший за стойкой поодаль. — Знаменитые выпивохи! Трактирщик, вооружись мудростью веков: вечно пьяный — вечно в долгую!»

Лой с сомнением качал головой: «Они мне всех клиентов распугают. Кому охота чокаться с двухметровым красноржим дьяволом? Они и говорить-то не умеют. Нет уж, увольте! Гнать их в шею, назад в Паласедру!»

«Так-то оно так, без рогушкоев всем спокойнее, — сказал Фролитц. — Но как с ними справиться? Кто прикажет их выгнать — и кому?»

«За ответом недалеко ходить, — заявил Этцвейн. — Человеку Без Лица придется пошевелиться». Этцвейн ткнул большим пальцем в сторону пурпурно-розовых плакатов: «Он у нас вседесущий-всемогущий, ему и расхлебывать!»

Фролитц обернулся к приезжему и сообщил театральным шепотом: «Этцвейн хочет, чтобы Человек Без Лица отправился в Хван и собственноручно надел ошейник на каждого рогушка».

«Чем такое решение хуже любого другого?» — недобро усмехнулся Этцвейн, опрокидывая кружку.

В трактире ворвался юный потомок Лоя, выполнивший обязанности привратника в гостиничном флигеле: «Слышали? На складе Мак-Кабея у взломщика слетела голова — полчаса не прошло! Человек Без Лица у нас в Брассеях!»

Присутствующие инстинктивно огляделись по сторонам. «Ты знаешь, о чем говоришь, или языком треплешь? — гроз-

но вопросил Лой. — Склад не в первый раз грабят — Мак-Кабей мог поставить капкан-гильотину».

«Ничего не капкан! Ошейник взорвался! Видать, Человек Без Лица стоял за углом».

«Подумать только! — почти прошептал Лой. — Склад через дорогу, в двух шагах...»

Резко повернувшись на высоком табурете, Фролитц откинулся спиной на край стойки. «Ну вот, — сказал он Этцвейну. — Пока ты ворчал — «Человек Без Лица того не делает, сего не делает!» — он тут как тут, не зевает! Дойдет очередь и до рогушкоев, подожди».

«Не обязательно».

Фролитц проглотил полкружки крепкого зеленого сидра и подмигнул незнакомцу-приезжему — худощавому высокому человеку с копной мягких белых волос и выражением спокойного примирения с превратностями судьбы на строгом неподвижном лице. Возраст его не поддавался определению — в нем уживалось что-то несомненно старческое и нечто неуловимо юношеское. «Взломщик потерял голову, — продолжал наставлять Этцвейна Фролитц. — Вывод прост и ясен: не нарушай закон! И прежде всего не кради — как все мы только что убедились, вор поплатился жизнью за присвоение имущества».

Лой нервно потирая подбородок: «Все-таки, в каком-то смысле, наказание кажется чрезмерным. Да, взломщик поживился чужим добром. Нехорошо. Но заслуживает ли он немедленной смерти? Вдруг он молод, глуп, голоден? Может быть, из него еще вышло бы что-нибудь полезное. Конечно, таковы законы Эльфина, и Человек Без Лица только выразил волю большинства. И все же — на каких весах мешок зерна и жизнь человека весят одинаково?»

Седой незнакомец решил высказать свое мнение: «А как иначе? Вы упускаете важнейшее обстоятельство. Собственность и жизнь вполне соразмерны, если вспомнить, что собственность есть результат человеческого труда. По существу, собственность и есть жизнь в той мере, в какой владелец имущества потратил время и силы на ее приобретение. Вор похи-

щает жизнь. Любая кража, таким образом — частичное убийство».

Фролитц ударили кулаком по стойке: «Никогда не слышал более здравого рассуждения! Лой, налей-ка нашему собеседнику чего-нибудь получше за мой счет — его взгляды поучительны! Уважаемый, как прикажете к вам обращаться?»

Незнакомец сказал Лою: «Кружку зеленого сидра, пожалуйста». Чуть повернувшись на стуле, он обратился к Фролитцу и Этцвейну: «Меня зовут Ифнесс Иллинэт. Я меркантилист-коммивояжер».

Этцвейн давно уже исподлобья поглядывал на холеного чужестранца. Воспоминание жгло его обидой. Он так и не простил владельца двуколки, десять лет тому назад безразлично бросившего на произвол судьбы оборванца, загнанного ахульфами. Меркантилист? Этцвейн сомневался. Фролитц не сомневался, но заметил: «Не каждый день удается встретить коммивояжера, умеющего логически обосновать нравственность закона».

«Меркантилисты усядутся за стол и твердят, как заведенные: о скидках, процентах, накладных и сроках доставки — уши вянут, — подтвердил Лой. — Трактирщик — другое дело! Трактирщика хлебом не корми — дай поболтать о высоких материях!»

Ифнесс Иллинэт осторожно поджал губы: «Все мыслящие люди — меркантилисты не в меньшей степени, чем трактирщики и музыканты — пытаются связать закономерности и случайности своей профессии с более обобщенными, абстрактными идеями. Мы занимаемся торговлей и поэтому чрезвычайно чувствительны к хищениям, непосредственно угрожающим нашему благополучию. Кража — быстрый, простой и дешевый способ приобретения товара. Законная покупка того же товара — длительное, сложное дело, сопряженное со множеством неприятностей и дополнительных расходов. Следует ли удивляться тому, что воровство широко распространено? При этом оно подрывает основы существования меркантилиста — мы испытываем к ворам и мошенникам ужас и отвращение подобно музыкантам, вынужденным отбиваться от любителей-фанатиков, с энтузиазмом прерывающих вы-

ступление оркестра фальшивым пением и какофонией волынок и барабанов».

Фролитц болезненно поморщился.

Лой выставил полную кружку. Ифнесс пригубил зеленого сидра: «Разрешите повторить — когда вор крадет имущество, он отнимает жизнь. Я человек сдержанный, что для меркантилиста, конечно, необычно. На хищение одного дня я могу посмотреть сквозь пальцы. Хищение недели вызовет у меня возмущение. Похитителя года жизни я способен убить на месте».

«Совершенно верно! — воскликнул Фролитц. — Каждому вору следовало бы разъяснить вашу точку зрения. Этцвейн, ты слушаешь?»

«Не нужно показывать на меня пальцем, — сказал Этцвейн. — Я не вор».

Фролитц, несколько разгоряченный выпивкой, уже не первой за этот вечер, бросился с готовностью успокаивать безмятежного Ифнесса: «Что правда, то правда! Он не вор, он музыкант! Становится виртуозом — благодаря моим урокам. В свободное время прилежно занимается. Играет на шести инструментах, может исполнить любую партию в двух тысячах оркестровых номеров! Если я забуду аккорд, Этцвейн не подведет, подскажет знаком. Обычно сбережения труппы расходуются на ремонт и покупку инструментов, но сегодня особый день. Утром я вручил Этцвейну премию — триста флоринов».

Ифнесс одобрительно кивнул: «Достойное подражания вложение времени и средств».

«В какой-то мере, — остыл Фролитц. — С другой стороны, Этцвейн упрям и строит загадочные планы. К тому же скуп. Любовно откладывает каждый флорин, без конца пересчитывает монеты, будто их от этого прибавится. Какой музыкант не раскошелится на веселую попойку? Только не Этцвейн! Сидит трезвый, как белая ворона. Вот и поплатился. Я когда-то обещал ему премию в пятьсот флоринов, а теперь решил ограничиться тремястами — в наказание за необщительность, не подобающую музыканту».

«Вы не опасаетесь, что такая воспитательная мера усугубит его бережливость и еще больше отпугнет от участия в застолье?»

«Совсем наоборот: пусть держит ухо востро. Музыкант должен быть благодарен учителю за любую мелочь. Я ему передал весь опыт. Я его сделал, можно сказать — по крайней мере, развил в нем лучшие способности. За худшие наклонности Этцвейн должен благодарить, по всей видимости, некоего хилита Оссо, приходящегося ему «духовным отцом»».

«Я направляюсь на восток и буду проезжать через Бастерн, — вежливо сказал Ифнесс, повернувшись к Этцвейну. — Если мне встретится хилит по имени Оссо, я могу передать ему ваше письмо или устное сообщение».

«Не беспокойтесь, — отказался Этцвейн. — Я сам еду в Башон».

Фролитц резко повернулся на табурете, сердито воззрившись на Этцвейна: «Что? Что я слышу? Мне ты не сообщал о таких планах!»

«Конечно, нет! Если бы я заикнулся о поездке, вы бы мне и трехсот флоринов не дали. В любом случае, я твердо решил ехать здесь и сейчас — и сразу об этом сказал».

«Что будет с труппой? Я уже составил программу, договорился с Лоем! Придется всех пересаживать, да и оркестр без тебя не тот!»

«Я уеду ненадолго. А когда вернусь, платите мне больше — раз я такой незаменимый оркестрант».

Фролитц поднял мохнатые брови: «Незаменимых нет — кроме меня! Что поделаешь — буду играть на хитане и древороге одновременно. И сыграю лучше всех желторотых школьников вместе взятых!» Фролитц стукнул кружкой по стойке: «Тем не менее, чтобы старина Лой не обижался, придется найти тебе замену — опять издержки, опять головная боль! Сколько времени тебя не будет?»

«Примерно три недели».

«Три недели?! — взревел Фролитц. — Ты что, собрался лечить подагру на Ильвийском взморье? Три дня на дорогу в Башон, двадцать минут на дела, три дня на возвращение в Брассеи. Это все!»

«Это было бы все, если бы я летел воздушной дорогой, — возразил Этцвейн. — Но мне придется идти пешком или ехать в фургоне».

«Новый приступ скучности? Чем тебе не нравится гондола? Во что она обойдется?»

«Не меньше тридцати флоринов в один конец».

«Ну и что? Где твоя гордость? Музыкант из «Розово-черно-лазурно-глубокозеленой банды» не путешествует, как со бачий парикмахер!» Фролитц повернулся к содержателю гостиницы: «Лой, выдай этому нахалу шестьдесят флоринов авансом, за счет труппы!»

С сомнением почесав лысину, трактирщик направился к кассе. Фролитц взял у него деньги, звякнул столбиком монет по стойке перед Этцвейном: «Вот, бери и езжай! Главное, не поддавайся на уговоры других директоров трупп! Не сомневаюсь, что тебе предложат больше, чем я плачу — но в таких предложениях всегда кроется подвох».

Этцвейн рассмеялся: «Вы меня знаете — я не уйду в другую труппу. Вернусь через неделю, самое большее через десять дней. Уеду с первой гондолой. Дела в Башоне не займут много времени».

Фролитц хотел было посоветоваться с меркантилистом, но его место пустовало: Ифнесс Иллинэт незаметно удалился.

Глава 7

Ураган налетел с Зеленого океана. Кантоны Майе и Эреван затопило, часть континентальной магистрали смыло горными потоками. Отправление гондол задерживали два дня, пока ремонтные бригады протягивали бесконечный канат, временно заменивший пазовый рельс.

Этцвейн успел зарезервировать место в гондоле «Аспер», вылетавшей из Брассей раньше других. Взойдя на борт, он занял плетеное кресло в переднем ряду. За ним вошли другие пассажиры. Последним явился Ифнесс Иллинэт.

Этцвейн не подавал вида, что узнаёт попутчика. Ифнесс, однако, сразу заметил Этцвейна и, после едва заметного колебания, присел рядом: «Судя по всему, нам предстоит составить друг другу компанию — на некоторое время».

Этцвейн холодно отозвался: «Очень рад».

Двери закрыли, опустили поручни — при сильной бортовой и килевой качке пассажирам приходилось крепко держаться. Ветровой зашел в рубку, проверил лебедки, выпускные клапаны и механизм сброса балласта, после чего подал сигнал станционной бригаде. Рабочие выкатили переднюю тележку каретки в пазовый рельс — «Аспер» поднялся высоко в воздух. Тормоза ходовой каретки высвободили. «Аспер» танцевал, нетерпеливо порываясь вслед за ветром. Подкрутив лебедки, ветровой тую натянул тросы — гондола остановилась и устремилась вперед. Далеко внизу жужжали ролики каретки.

Ифнесс заметил полное спокойствие Этцвейна: «Вы нисколько не боитесь? Вам уже приходилось летать?»

«Давным-давно».

«В детстве? Наверное, тогда воздушная дорога произвела на вас большое впечатление».

«Незабываемое».

«В гондоле, под парусом, я не совсем в своей тарелке, — признался Ифнесс. — Хрупкая, ненадежная конструкция! В сущности, корзина из гибких прутьев, веревки, тончайшая пленка, летучий газ — больше ничего. Хотя паласедрийские планеры еще опаснее. В каждой стране пользуются транспортом, сообразным национальному темпераменту. Насколько я понимаю, вы направляетесь в Башон?»

«Я намерен выплатить крепостной долг моей матери».

Ифнесс на мгновение задумался: «Может быть, вам лучше было бы поручить это дело посреднику из тех, что нанимают рабочих и перевозят их из кантона в кантон. Хилиты — лукавые прохвости, деньги возьмут, а обещанного не сделают, причем благовидный предлог всегда найдется».

«Не сомневаюсь, что такая попытка будет предпринята. Но у них ничего не получится. У меня с собой приказ Человека Без Лица — хилитам придется подчиниться».

«Ага! Тем не менее, на вашем месте я не терял бы бдительности. Хилитов, при всей их отрешенности от мирской суэты, редко удается провести вокруг пальца».

Помолчав, Этцвейн заметил: «Надо полагать, вы хорошо знакомы с хилитами».

Ифнесс Иллинэт позволил себе слегка усмехнуться: «Любопытнейший культ! Классический пример догматической рационализации физических потребностей — элегантное решение, почти совершенный структурный образец. Вы так не считаете? Но посудите сами: группа наркоманов, еженощно доводящих себя до лихорадочных эротических галлюцинаций курением ядовитого препарата под предлогом религиозного подвижничества — разве это не высшее проявление пренебрежения к реальности,нского для поддержания такого положения вещей, вам хорошо известен. Как обеспечить долговечность группы, неспособной к самовоспроизведению? Посредством совращения чужих детей, посредством постоянного вливания свежей крови в загнившую. В нормальных ус-

ловиях, однако, родители защищают детей любой ценой. Как организовать бесперебойную поставку труднодоступного товара и даже извлекать немалую выгоду из процесса, способного разорить самого бездушного работторговца? Посредством изобретательного учреждения Аллеи Рододенронов. Восхитительная наглость, бесстыдное обнажение преступного происхождения власти!»

Энтузиазм Ифнесса неприятно поразил Этцвейна. Он холодно ответил: «Я родился на Аллее Рододенронов, меня постригли в чистые отроки. Хилиты не вызывают у меня ничего, кроме отвращения».

Ифнесс несколько не смутился — скорее, только утвердился в намерении развлечься: «Хилиты прекрасно приспособились к условиям окружающей среды, хотя, пожалуй, чрезмерно специализировались. Что произойдет, например, если у них больше не будет доступа к гальге? На протяжении поколения — или даже быстрее — вся общественная структура изменится, так или иначе. Возможны различные варианты».

Этцвейн подумал, что Ифнесс с легкостью жонглировал выражениями, свойственными скорее специалисту в области социально-исторического анализа, нежели коммивояжеру. «Какой товар вы продаете? — спросил он. — Допускаю, что, будучи меркантилистом, вы занимаетесь торговлей».

«Не совсем так, — ответил Ифнесс Иллинэт. — Я работаю по контракту на купеческую ассоциацию, поручившую мне поиск новых рынков сбыта. Естественно, приходится много ездить, чтобы изучать ситуацию на местах».

«Интересная профессия», — заметил Этцвейн.

«Бессспорно. Мне она подходит как нельзя лучше», — согласился Ифнесс.

Этцвейн взглянул на ошейник попутчика: «Судя по пурпурным и зеленым полоскам, вы обосновались в Гарвии?»

«Конечно, в Гарвии», — Ифнесс извлек из саквояжа сборник «Царства древнего Караза» и принялся читать.

Этцвейн отвлекся просторами, открывавшимися за бортом. Прошел час. «Аспер» остановился на боковом пути, чтобы пропустить пару гондол, спешивших на восток под круто поставленными парусами.

В полдень ветровой стал продавать желающим горячий чай, пластинки сущеного фруктового джема, булочки, полоски вяленого мяса.

Ифнесс отложил книгу и закусил. Этцвейн предпочитал экономить средства — их едва хватало. Покончив с полдником, Ифнесс тщательно вытер руки чистой салфеткой и вернулся к чтению.

Еще через час «Аспер» приблизился к Брассейскому разъезду в кантоне Перелог. Каретку гондолы перевели на путь продольной континентальной магистрали. Ветер посвежел, но дул почти навстречу с левого борта, в связи с чем гондола не могла двигаться быстрее ветра. Перед заходом солнца ветер полностью стих, и «Аспер» неподвижно повис над заросшим вереском альпийским лугом в кантоне Теней.

Солнца провальсировали за горизонт — небо, за четырьмя прослойками яблочно-зеленых облаков, разгорелось фиолетовым заревом. Темнота наступила быстро, с кормы робкими дуновениями повеял ночной бриз. «Аспер» двинулся вперед, но не быстрее бодро шагающего человека.

Ветровой подал легкий ужин — сыр, вино и пресное сухое печенье, развесил гамаки. Не находя других занятий, пассажиры устроились в гамаках и уснули.

Поздно вечером следующего дня «Аспер» прибыл в Ангвин, в верховьях Большого ущелья. Здесь кончался пазовый рельс. Приводной канат провисал над ущельем двумя едва различимыми белесыми дугами, кончавшимися на платформе Ангинской развязки, куда много лет тому назад — прошлое казалось поблекшим сном — Этцвейна привезли из Карбада работать помощником перецепщика. Этцвейн подумал: «Неужели Финнерак еще работает на станции?»

«Аспер» должен был следовать дальше по продольной магистрали, над южными склонами Хвана. Пассажиры, продолжавшие путь на север, вышли в Ангвине. Их было четверо: Этцвейн, пара коммерсантов-закупщиков, направлявшихся в Дублей на дальнем берегу кантоне Одинокий Мыс, и неизбежный Ифнесс Иллинэт.

Гондолы, означенной в расписании движения по Северной ветке, еще не было — ее задерживал штиль. Пассажирам, ожидавшим пересадки, пришлось ночевать в отеле «Ангвин».

«Аспер» взмыл в темнеющее небо, удерживаемый тросами на приводном канате. В воротильне под отелем бурлаки налегли на лямки — гондола медленно поплыла над Большим ущельем к платформе развязки. Этцвейн не мог заставить себя последовать за двумя закупщиками и пойти посмотреть на бурлаков, крутящих ворот.

Солнца заходили одно за другим, ненадолго всплывая над горизонтом и снова скрываясь, уже окончательно. Верхняя часть горы Миш и далекие пики зарделись теплым малиновым светом. Сумрачное ущелье наполнилось тьмой. Этцвейн и закупщики пили горячий пряный сидр на веранде отеля. Когда стюард принес поднос с консервированными фруктами, один из закупщиков спросил: «В ущелье нынче много рогушкоев?»

«Почти не появляются, — отвечал стюард. — В свое время перцепщики на развязке их часто видели, но, по слухам, теперь они перекочевали на восток, глубже в Дебри».

Второй закупщик возразил: «На прошлой неделе рогушкои грабили поселок в Шаллу, а это на западе».

«Верно! На самом деле никто ничего не знает. Что мы будем делать, если рогушкои нападут на Ангвин? Ума не приложу».

«Ущелье служит своего рода препятствием», — заметил второй закупщик.

Стюард уныло посмотрел в синеватый мрак за балюстрадой веранды: «Недостаточным, на мой взгляд, судя по тому, что рассказывают об этих дьяволах. Если бы у нас наверху были женщины, я по ночам глаз не сомкнул бы. Рогушкои редко убивают мужчин, разве что для развлечения, но только покажи им женщину — их ни огнем, ни водой не остановишь. По-моему, с этой напастью пора что-то делать».

Из полутишины раздался голос Ифнесса, незаметно присевшего рядом: «Что, по вашему, можно было бы предпринять?»

«Нужно известить Человека Без Лица — так, чтобы до него наконец дошло, черт побери! Думаю, следует устроить

кордоны вокруг Хвана — даже если для этого потребовалось бы призвать всех мужчин Шанта, способных носить оружие — и постепенно стягивать кольцо, заставив рогушкоев сбраться в кучу, а потом перебить всех до единого! Когда бойцы с севера, востока, юга и запада встретятся на вершине горы Скарак и увидят только человеческие лица — только тогда мы будем знать наверняка, что избавились от захребетников!»

Второй закупщик покачал головой: «Слишком сложно — не получится. Они попрячутся в пещерах и брошенных рудниках. Нет, у меня другое предложение — нужно отравить...» — он дал определение соблазнительной приманки в весьма неприличных выражениях.

«А почему бы и нет? — воскликнул его коллега. — Рогушкои слетятся, как мухи на дохлятину! Только ядом их и можно вытравить, помяните мое слово».

Но автор блестящей идеи уже сомневался: «Не стал бы возлагать все надежды на один способ уничтожения. В конце концов, рогушки не насекомые. Это человеческие выродки, с мозгами — недаром они появились из-за Соленой топи. О паласедрийцах подозрительно давно ничего не слышно. Попашему, почему они затаились? Потому что сами рисковать не хотят, а вместо себя послали рогушкоев, вот почему!»

Вмешался стюард: «Мне все равно, откуда они взялись, лишь бы их не было. Если можно загнать их в Паласедру, туда им и дорога! Только сегодня по радио передавали про по-гром, устроенный рогушкоями в рыбацком селении на Утреннем берегу. Мужчин перебили, женщин изнасиловали и увили с собой. Деревню сожгли — ничего не осталось».

«Уже на восточном берегу?» — пробормотал Ифнесс.

«Так сказали в новостях. Сначала в Шаллу на западе, потом на Утреннем берегу, на востоке. Весь Хван кишит рогушкоями!»

«Не обязательно. Они могут расходиться кольцевым фронтом», — заметил Этцвейн.

Первый закупщик величественно провозгласил: «Будьте уверены, Человек Без Лица готовится к обороне! У него нет другого выхода».

Стюард хмыкнул: «Он далеко, в Гарвии. Какое ему дело до нашей безопасности?»

Закупщики одновременно поджали губы. «Я не стал бы выражаться так безоговорочно, — сказал один. — Человек Без Лица представляет нас всех! И не так уж плохо справляется, в общем и в целом».

«Все же, пора обороняться, — заключил второй. — Надеюсь, в Гарвии это понимают».

Стюард поинтересовался: «Господа, не желаете ли чего-нибудь выпить перед ужином? Повар скоро ударит в гонг, но вы успеете сделать заказ».

Этцвейн спросил: «Дагбольт все еще суперинтендант?»

«О, нет, старый Дагбольт тому уже пять лет как задохнулся от горлового шанкра, — обернулся стюард. — Я при нем работал всего три месяца, и того было более чем достаточно, поверьте мне! Теперь начальник станции — Дикон Дефонсо. Он никому особенно не портит жизнь».

«А некий Финнерак еще работает в Ангвине?»

«Финнерак? Где-то я слышал это имя... Нет, здесь такого нет».

«Может быть, на развязке?»

«На развязке точно нет. Финнерак, Финнерак... Был какой-то скандал... Постойте, это не его ли сослали на каторгу за то, что он выпустил гондолу?»

Этцвейн только развел руками.

За два часа до полудня в Ангвин прибыла гондола «Джано». Четыре пассажира поднялись на борт — натянув тросы, гондола поднялась в воздух. «Джано» перетащили над ущельем к развязке на уступе скалы. Этцвейн смотрел сверху, как завороженный, на маленький островок, втиснувшийся между отвесными обрывами. На треугольной платформе, почти прикасаясь одно к другому, торчали три больших колеса на тяжелых станинах — натяжные шкивы. Этцвейн узнал приземистое каменное убежище с бревенчатой дверью, жалкий дощий туалет, нависший над пропастью на деревянных подмостках. У шкивов стоял дежурный перецепщик. Гондола дернулась — рабочий зацепил тросы крюковым захватом, пере-

ставил хомут на приводной канат Северной ветки. Еще рывок — захват отцепился от тросов. Вспомнив дела давно минувших дней, Этцвейн невольно улыбнулся.

«Джано» перетащили на Северную станцию, тросы прицепили к ходовой каретке. Подгоняемая свежим ветром, налетавшим с правого борта, гондола понеслась над пазовым рельсом в кантон Шемюс. Ветровой подкрутил лебедки, установив парус под углом, обещавшим максимальную скорость движения, и спустился из рубки к пассажирам: «Надо полагать, все летят в Освий?»

«Только не я! — сказал Этцвейн. — Мне нужно сойти у Карбада, чтобы ехать в Бастерн».

«На развилке в Бастерн? Я вас спущу, если туда вернулась бригада. Во время набега все бежали в Карбад».

«Какого набега?»

«А, вы не слышали. Рогушкои — пятьдесят-шестьдесят тварей — выбрались из Дебрей и грабят все, что попадется, спускаясь по долине Сумрачной реки».

«Как далеко они зашли?»

«Чего не знаю, того не знаю. Если они повернули в Шемюс, на развилке в Бастерн остановщика не будет. Почему не сойти в Аскалоне? Так будет безопаснее».

«Я должен спуститься на дорогу в Бастерн, даже если придется слезать по тросам».

Когда гондола прибыла к развилке, бригада уже вернулась. «Джано» подтянули вниз нервными рывками, Этцвейн спрыгнул на землю. За ним последовал Ифнесс Иллинэт.

«Насколько я понимаю, вы едете на восток?» — спросил Ифнесс.

«Да, в Башон».

«Предлагаю разделить расходы на экипаж».

Этцвейн сделал быстрый подсчет в уме. Тысяча пятьсот флоринов за крепостной долг, сто на возвращение в Брассеи вместе с Эатре, еще пятьдесят на непредвиденные издержки. Тысяча шестьсот пятьдесят. У него были тысяча шестьсот шестьдесят пять флоринов. «Могу потратить не больше пятнадцати флоринов», — угрюмо ответил Этцвейн. Ифнесс Иллинэт был последним человеком в Шанте, к кому Этцвейн об-

ратился бы с просьбой об одолжении. Не считая, пожалуй, духовного отца Оссо.

На постоялом дворе Ифнесс потребовал двуколку, запряженную парой первостатейных быстроходцев. «Аренда будет стоить двадцать флоринов в сутки, — сообщил Ифнессу со-держатель заведения. — Кроме того, учитывая обстоятельства, я вынужден взять залог — двести флоринов».

Этцвейн сразу отвернулся: «Мне это не по карману». Ифнесс безразлично пожал плечами: «Я в любом случае воспользуюсь двуколкой. Заплатите столько, сколько можете — мне этого достаточно».

«Как я сказал, пятнадцать флоринов — все, что у меня есть. Если бы не рогушкои, я бы отправился пешком».

«Дайте пятнадцать или не давайте ничего, — сказал Ифнесс. — Какая разница?»

Раздраженный снисхождением попутчика, относившегося к денежным затруднениям с искренним непониманием богача, Этцвейн отсчитал пятнадцать флоринов: «Если вас это устраивает, возьмите. Если нет, я пойду пешком».

«Прекрасно, прекрасно! Поедем: мне не терпится посмотреть на рогушкоев — нельзя упускать такой случай».

Быстроходцы — поджарые высокие животные с узкой, но длинной грудной клеткой и длинными, жилистыми ногами — весело скакали по дороге, оставляя за двуколкой долго не оседающее облако белой пыли.

Этцвейн тревожно, искоса следил за Ифнессом, без слов взявшим на себя обязанности погонщика. Станный человек! В самом деле, Этцвейн не встречал никого, кто напоминал бы Ифнесса Иллинета характером, внешностью или манерой выражаться. Ему не терпится посмотреть на рогушкоев, видите ли! Своеобразное чувство юмора? Или, что еще хуже, поиск острых ощущений? Если бы у обочины лежал мертвый рогушкой, Этцвейн задержался бы, чтобы рассмотреть труп — оправданное, естественное любопытство. Но поспешная целестремленность Ифнесса напоминала одержимость сумасшедшего.

Этцвейн задумался: не связался ли он, действительно, с богатым наследником, рехнувшимся, когда на него свалилось

состояние? Такие случаи бывали. Сосредоточенная безмятежность, прерывавшаяся назидательными монологами на отвлеченные темы, полное безразличие к окружающим, сменявшееся пристальным интересом к их мнениям и к деталям биографии — все указывало на психическое расстройство. Тем не менее, Ифнесс умел держать себя в руках лучше кого бы то ни было. Его строгое моложаво-пожилое лицо сохраняло спокойствие и внушало спокойствие, а в его внешности не было ничего необычного, кроме аккуратной шапки белых волос. Он рассуждал на неожиданные темы, но рассуждал логично, со знанием дела. Его безукоризненная вежливость и практический здравый смысл казались олицетворением нормальности. Этцвейн потерял интерес к спутнику: были забыты поважнее.

Они проехали километров пятнадцать в одиночестве, то поднимаясь, то спускаясь по пологим холмам Шемюса. Наконец показался встречный экипаж — вцепившись в руль и навалившись грудью на наклонное ложе циклопеда, бородатый человек в красном колпаке-невидимке лихорадочно жал на педали поршней. Он явно выбивался из сил, работая ногами с яростным рвением вора, удирающего от погони. За ним, однако, никто не гнался.

Натянув вожжи, Ифнесс остановил быстроходцев и наблюдал за приближением встречного. «Любопытное пренебрежение к обычаям», — подумал Этцвейн. Не зря же человек надел красный колпак! Циклопедист повернул, чтобы объехать двухколку, но Ифнесс позвал его, чем вызвал немедленный приступ гнева: «Не приставайте, имейте совесть! — резко тормозя, закричал бородач. — Вы что, слепой, или красный от зеленого не отличаете?»

Ифнесс проигнорировал вопрос: «Что слышно в Бастерне?»

«Не задерживайте меня — дело плохо! Добраться бы до Собола, пока не стемнело — чем дальше, тем лучше!» Стеклянные пневмоцилиндры шипели; бородач поставил ногу на педаль, чтобы уехать. Ифнесс вежливо поднял руку: «Будьте добры, один момент. Я не вижу опасности. Что происходит, почему вы так спешите?»

«Рогушкои! Сожги Салюбру — все селение! Другая банда напала на хилитов. Они близко! Здесь нельзя оставаться ни минуты. Если вам дорога шкура, поворачивайте оглобли! Как хотите — я поехал». Циклопед сорвался с места и скоро исчез за холмом, оставив шлейф оседающей пыли.

Ифнесс повернулся к Этцвейну: «Ну, что будем делать?»
«Я должен быть в Башоне!»

Ифнесс кивнул и без дальнейших замечаний прошелся кнутом по спинам быстроходцев.

Тяжело дыша, Этцвейн наклонился вперед. Видения маячили у него перед глазами. Он думал о флоринах, выброшенных на выпивку, на подарки случайным подружкам, на лишнюю одежду, на дорогой древорог с серебряными кольцами и клапанами. Фролитц считал его виртуозом и скрягой. Этцвейн считал себя ничтожным прожигателем жизни. Тщетные сожаления! Деньги потрачены, время потеряно.

Породистые быстроходцы бежали без устали — подскакивая на камнях, двуколка быстро катилась по пустынной дороге. Они въехали в Бастерн; впереди показались кроны рододендронов. Из-за холма поднимался столб дыма. Проезжая по Аллее, Ифнесс заставил быстроходцев идти осторожным шагом, всматриваясь в тени под деревьями, в заросли ягодных кустов, изучая склоны с бдительностью, поразительной для рассеянного столичного интеллектуала. В Башоне все было, как обычно — все, кроме полной тишины. Сиренево-белый солнечный свет струился неровными оттененными гребешками вдоль изъезженной щебенчатой дороги. В саду у первой хижины пурпурные и лиловые герани цвели среди распустившихся лимонно-зелеными веерами копьелистов. Полусорванная открытая дверь висела набекрень — на порог, головой наружу, вывалился труп мужчины с окровавленным лицом, будто вдавленным ударом кувалды. Женщины, жившей в хижине, нигде не было.

Между деревьями показался храм. На верхних террасах можно было различить фигуры нескольких хилитов, двигавшиеся медленно, неуверенно, подобно умирающим старикам на солнечном дворе больницы. Ифнесс подстегнул быстроходцев — двуколка быстро преодолела крутой извилистый

подъем. Столб дыма, замеченный издалека, поднимался от тлеющего пожарища на месте сыромятни и женских бараков. Храм и его пристройки казались неповрежденными. Встав на ноги в двуколке, Этцвейн смотрел во все стороны. Вокруг не было ни одной женщины — ни молодой, ни старой.

Ифнесс остановил двуколку у парадной лестницы между портиками храма. С террасы на крыше портика выглядывали изможденные, бледные лица нескольких хилитов.

Подняв голову, Ифнесс громко спросил: «Что случилось?»

Хилиты молча стояли, как призраки в белых рясах. «Эй, там! — голос Ифнесса стал жестким, даже грубым. — Вы меня слышите?»

Головы и плечи хилитов на террасе медленно исчезли — Этцвейну, смотревшему вверх, показалось, что они задумчиво упали навзничь.

Прошло пять минут. Три солнца величественно кружились в слепящем небе. Каменные стены дышали жаром. Ифнесс Иллинэт сидел неподвижно. В душной тишине Этцвейн снова задал себе вопрос: «Почему этот странный человек так интересуется рогушками и причиненной ими катастрофой?» На этот раз, однако, он чувствовал, что сумасшествием тут и не пахнет — Ифнесс руководствовался важными соображениями, но тщательно скрывал их от Этцвейна.

Железные ворота над лестницей с лязгом растворились — хилиты выстроились на верхней площадке нестройной маленькой толпой. Первым вышел открывший ворота круглоголовый молодой человек — полный, с крупными, тяжелыми чертами лица, редкими желтоватыми волосами и плотной желтоватой бородой. Этцвейн сразу узнал Геаклеса. За повзрослевшим Геаклесом стояла дюжина других хилитов, среди них — Оссо Хигаджу.

Ифнесс резко, отчетливо спросил: «Что здесь произошло?»

Оссо ответил хрипло — будто у него в горле застряло что-то горькое и липкое: «Нас ограбили рогушкои. Причинен непоправимый ущерб».

«Сколько их было?»

«Пятьдесят, не меньше. Они окружили храм, как стая диких зверей! Ломились в двери, грозили оружием, сожгли кожевенный завод».

«Защищая женщин и свое имущество, вы, несомненно, заставили врага отступить с тяжелыми потерями?» — сухо поинтересовался Ифнесс.

Хилиты возмущенно переглянулись. Геаклес презрительно рассмеялся. Оссо желчно произнес: «Мы отрицаем насилие. Непротивление злу — наше единственное оружие».

«Пытались ли защищаться похищенные женщины?» — невозмутимо продолжал допрос Ифнесс.

«Пытались, и многие. Это ничему не помогло. Наоборот, они отяготили душу озлоблением и непокорностью божественной воле».

«И божество наказало их вдвойне, — кивнул Ифнесс Иллинэт. — Почему вы не помогли им спрятаться в храме?»

Этот вопрос хилиты встретили stoическим молчанием, укоризненно разглядывая невежду.

Ифнесс задал другой вопрос: «Каким оружием пользовались рогушкой?»

Геаклес почесал в бороде, посмотрел вдаль и огорченно ответил, будто высказывая соболезнование: «У них были палицы с железными шипами. Еще у каждого за поясом был блестящий ятаган — они ими не пользовались».

«Когда они ушли?»

«Не прошло и часа. Согнали женщин в колонну, старых и молодых. Только младенцев не взяли, выбросили в отстойник. Мы понесли огромную утрату».

Этцвейн не мог больше сдерживаться: «Где они? Куда ушли?»

Наклонив голову, Геаклес внимательно посмотрел на Этцвейна, повернулся к Оссо и что-то пробормотал тому на ухо. Оссо сделал три быстрых, коротких шага вперед.

Ифнесс холодно и вежливо повторил вопрос: «Куда они ушли?»

«Вверх по долине Сумрачной реки — туда, откуда явились», — сказал Геаклес.

Оссо указал на Этцвейна пальцем протянутой руки: «Ты — чистый отрок Фаман Бугозоний, непристойно осквернившийся и бежавший из Башона!»

«Меня зовут Гастель Этцвейн. Я сын друидийна Дайстара. Моя мать — госпожа Эатре».

Оссо угрожающе спросил: «Зачем ты приехал?»

«Выкупить свою мать из крепостного долга».

Оссо улыбнулся: «Мы не заключаем сделки с посторонними».

«У меня с собой приказ Человека Без Лица».

Оссо крякнул. Геаклес великодушно прижал руку к сердцу: «В чем затруднение? Верни нам деньги и забирай женщину».

Этцвейн не ответил — его внимание сосредоточилось на долине Сумрачной реки, куда он в детстве не отваживался заходить, опасаясь ахульфов. С тех пор, как их увезли рогушкой, женщины не могли пройти больше пяти километров. Этцвейн яростно соображал. Он взглянул на сыромятню — разрушенную, сгоревшую дотла. Поодаль стояли еще нетронутые сараи, где хранились химикаты и красители. Этцвейн повернулся к Ифнессу, тихо спросил: «Могу я воспользоваться вашими быстроходцами и двуколкой? В случае их потери я возмещу расходы, у меня с собой тысяча шестьсот флоринов».

«С какой целью?»

«Я попытаюсь спасти свою мать».

«Как?»

«Это зависит от Оссо».

«Берите двуколку. В конце концов, что такое старая колымага и пара быстроходцев?»

Этцвейн обратился к Оссо: «Рогушкой испытывают страстное влечение к вину — почти такое же, как к женщинам. Дайте мне два больших бочонка вина. Я отвезу их вверх по долине и отдам рогушкоям».

Оссо моргал в замешательстве: «Ты намерен содействовать их мерзкому разгулу?»

«Я намерен их отравить».

«Что? — вскричал Геаклес. — И спровоцировать еще одно нападение?»

Этцвейн смотрел Оссо в лицо: «Так что вы скажете?»

Оссо думал: «Ты собираешься доставить вино в двуколке?»

«Да».

«Как ты заплатишь за вино? Это церемониальный бальзам для причащения — у нас другого нет».

Этцвейн колебался. Времени торговаться не было. С другой стороны, слишком щедрое предложение подтолкнуло бы Оссо к дальнейшему вымогательству: «Я могу предложить за вино не больше, чем оно стоит — тридцать флоринов за бочонок».

Оссо холодно смерил Этцвейна глазами. Ифнесс Иллинэт спустился на землю и безразлично скрестил руки на груди, прислонившись к высокому колесу двуколки. Оссо сказал: «Этого недостаточно».

Ифнесс отозвался, не оборачиваясь: «Вполне достаточно. Несите вино».

Оссо повернулся к Ифнессу всем телом: «Кто вы такой?»

Ифнесс строго смотрел вдаль: «В свое время Человек Без Лица начнет военные действия против рогушкоев. Я проинформирую его о вашем отказе сотрудничать».

«Я ни в чем никому не отказывал! — рявкнул Оссо. — Передайте шестьдесят флоринов и подвезите двуколку к двери кладовой».

Этцвейн заплатил. Два бочонка вина выкатили из кладовой и поставили на двуколку, в заднее отделение для багажа. Этцвейн спустился к складу химикатов, вошел внутрь и остановился, растерянно обозревая ряды закупоренных банок и кучи пакетов на полках. Он не знал, какой из химикатов соответствовал его цели.

В сарай зашел Ифнесс Иллинэт, бросил взгляд на полку, снял канистру: «Лучше не придумаешь. Никакого вкуса, никакого запаха, капля убьет быстроходца».

«Прекрасно». Они вернулись к двуколке.

«Меня не будет примерно шесть часов, может быть, дольше, — сказал Этцвейн. — Постараюсь вернуть двуколку в целости и сохранности, но что-либо обещать в этой ситуации...»

«Я внес за двуколку существенный залог, — заявил Ифнесс. — Это ценное оборудование».

Поджав губы, Этцвейн достал кошель: «Двухсот флоринов пока хватит? Или возьмите, сколько хотите — но больше тысячи шестисот у меня нет».

Ифнесс забрался в сиденье на козлах: «Не звените монетами у храма. Я поеду с вами — допустим, чтобы проследить за соблюдением моих интересов».

Этцвейн без слов вскочил в двуколку, и они направились вверх по долине Сумрачной реки. Хилиты стояли на террасах храма и смотрели вслед, пока двуколка не скрылась за дальним поворотом.

Глава 8

Дорога вдоль Сумрачной реки — не более чем колея — тянулась по низине, заросшей с обеих сторон пышнозеленой бич-травой, хлеставшей пролетавших мимо насекомых бледно-голубыми шиповатыми усами. По берегам росли ивы, ольха, небольшие группы торжественных темно-синих митроцефалов. Прошедшие недавно рогушкой оставили многочисленные следы — разбросанные по дороге и по обочинам обрывки женской одежды. Три раза пришлось объезжать трупы ста-рух, умерших от истощения и жары или покончивших с собой. Еще дальше Этцвейн торопливо выполнил мрачную обязанность — сложил у обочины валявшиеся на дороге тела шестерых младенцев, отобранных у матерей и убитых ударом головы об землю.

Ифнесс энергично погонял — двухколка мчалась, подпрыгивая на ухабах, переваливаясь с боку на бок, грохоча колесами по дощатым мостикам через узкие притоки. Несмотря на отвратительное состояние дороги, по расчетам Этцвейна они двигались по меньшей мере в три раза быстрее погоняемой рогушкими колонны женщин.

Первое время Ифнесс молчал, потом спросил: «Куда ведет колея?»

«На Гаргаметов луг — хилиты так называют плантацию, где выращивают изыл. Из листьев и смолы изыла делают гальгу».

«Еще далеко?»

«Километров восемь-девять. Скорее всего, рогушкой остановятся на лугу — там удобное место для ночевки».

Долина реки становилась теснее и глубже. Ифнесс остановил быстроходцев: «Не следует догонять их в ущелье. Вы отравили вино?»

«Сию минуту», — Этцвейн забрался в багажное отделение и вылил в каждый из бочонков по половине содержимого канистры.

Солнца опустились за западный склон: в долине Сумрачной реки становилось в самом деле сумрачно. Этцвейн напрягся в предчувствии неизбежности. Рогушкои не могли уйти далеко. Ифнесс правил быстроходцами с великой осторожностью — натолкнуться на арьергард рогушкоев не входило в его планы. Впереди колея ныряла в лощину. По обеим сторонам на фоне неба темнели обнаженные ветвистые силуэты высоких коралловых деревьев. Ифнесс остановил двуколку, Этцвейн побежал на разведку.

Поднимаясь из лощины, дорога огибалась рощу багряных ахульфовых груш и выходила на ровный луг, почти кольцеобразно окруженный широко расходящимися крутыми склонами. Слева темнели тихо звенящие заросли меднолистника, справа убегающими вдаль аккуратными рядами торчали шесты, поддерживавшие подстриженные сетчатые лозы изыла, источника драгоценной гальги. Плантация занимала не меньше двадцати пяти гектаров. В прогалине, окруженной меднолистником, темно-сиреневое небо отражалось в тихом пруду. Сюда рогушкои согнали похищенных женщин. Они только что прибыли — женщины еще выходили на прогалину испуганной толпой. Рогушкои ревом отдавали односложные команды, сопровождая их взмахами огромных толстых рук.

Этцвейн подал знак Ифнессу. Тот подъехал ближе, спрятав двуколку в роще ахульфовых груш. Ифнесс Иллинэт сидел, глядя на вечерний луг, ноздри его аристократического носа сжались и побелели. «Наши намерения не должны быть очевидны, — сказал он Этцвейну. — Вино должно достаться рогушкоям так, будто они его нашли сами».

Этцвейн не мог удержать в неподвижности нервно подергивающиеся руки и ноги. Он хрипло сказал высоким, чуть заикающимся голосом: «Сейчас они набросятся на женщин! Смотрите — ждать уже нельзя!»

В самом деле, рогушкои окружили толпу на берегу пруда, заметно дрожа всем телом, с топотом подбегая к отшатывающимся, вскрикивающим пленницам и медленно отходя, но уже на меньшее расстояние.

Ифнесс спросил: «Вы умеете ездить на быстроходце?»

«Не знаю, — сказал Этцвейн, — не пробовал».

«Мы тихонько поедем по лугу в двуколке — так, будто пытаемся незаметно проскочить мимо. Как только нас заметят, пересаживайтесь на быстроходца. Я сделаю то же самое».

В ужасе, но с решимостью отчаяния, Этцвейн кивнул: «Все, что угодно, только быстрее, быстрее!»

«Спешка приводит к катастрофам, — укоризненно произнес Ифнесс. — Мы только что приехали, необходимо учесть все обстоятельства». Он что-то оценивал и рассчитывал еще секунд десять, потом тронул с места быстроходцев, выехал из рощи и направил двуколку по краю луга к плантации изыла, отъезжая подальше от зарослей меднолистника. Двуколка была на виду — чтобы ее заметить, рогушкоям стоило только отвести глаза от пепельно-бледных женщин.

Проехав метров сто, они все еще не привлекли внимания. Ифнесс удовлетворенно кивнул: «Теперь у них возникнет впечатление, что мы надеемся ускользнуть незамеченными».

«Почему они нас не видят?» — спросил Этцвейн, сам не узнавая свой неожиданно тонкий, детский голосок.

Ифнесс Иллинэт молчал. Они проехали еще пятьдесят метров. Со стороны рогушкоев раздался хриплый дикий рев, наполненный каким-то сумасшедшим, радостно-безмозглым тембром. У Этцвейна зашевелились волосы на затылке.

«Нас заметили, — бесцветно произнес Ифнесс. — Теперь поторопитесь». Без особой спешки Ифнесс соскочил на землю, отстегнул поводья одного из быстроходцев. Этцвейн никак не мог справиться с поводьями другого. «Уезжайте на этом, — Ифнесс передал ему свои поводья. — Забирайтесь волу на спину и уезжайте!»

Этцвейн вскочил на быстроходца — тот недовольно попятился под непривычным весом, опустил голову.

«Вперед, по дороге! — приказал Ифнесс. — Не погоняйте слишком сильно, животное понесет!»

По Гаргаметову лугу вперевалку бежали рогушкои — не меньше двадцати — широко открыв круглые глаза с огромными черными зрачками, усердно работая мощными руками и плечами в такт часто и тяжело опускающимся ступням. Они бежали не в ногу, не строем, но что-то было не так. Каждый рогушкой был точной копией другого. Этцвейну стало очень страшно. Ифнесс Иллинэт сохранял невозмутимое спокойствие. Освободив поводья второго быстроходца, он обрезал их покороче и аккуратно связал, после чего вскочил волу на спину. Понукая быстроходца легкими ударами каблуков по ребрам, Ифнесс поскакал легкой трусцой за Этцвейном.

Заметив бочонки с вином, рогушкои мгновенно забыли о беглецах. Почти не задерживаясь, на бегу, они подхватили оглобли двуколки, развернули ее и потащили обратно через луг, время от времени высоко подпрыгивая и совершая в воздухе полный оборот, как танцовщицы, разучивающие пируэты воинственной пляски.

Ифнесс и Этцвейн остановили быстроходцев в тени багряных ахульфовых груш. «Остается только ждать», — сказал Ифнесс.

Этцвейн ничего не ответил. Отвлекшись от женщин, рогушкои столпились у двуколки. Бочонки пробили ударами палиц. Рогушкои жадно пили — доносились громкие удовлетворенные отрыжки.

Этцвейн напряженно спросил: «Яд действует быстро?»

«Такая доза прикончила бы человека за пару минут. Надеюсь — допускаю — что метаболизм рогушкоев схож с человеческим».

Вино кончилось. Сбросив пустые бочонки на землю, рогушкои снова повернулись к женщинам, не проявляя ни малейших признаков расстройства или отравления. Каждый подбежал к плотно сгрудившимся, причитающим женщинам, схватил одну за руку, не обращая внимания ни на возраст, ни на внешность, оттащил в сторону и стал срывать одежду.

«Настало время», — произнес Ифнесс Иллинэт.

Несколько рогушкоев вдруг перестали двигаться, непонимающе глядя в землю. Медленно прикоснувшись рукой к животу или к горлу, они почесывали блестящие, лысые, темно-

красные черепа. У других появились такие же симптомы. Женщины, истерически всхлипывая, разбредались и расположились во всех направлениях подобно бледным насекомым, высыпанным из банки. У рогушкоев начались судороги — как цирковой атлет в замедленном балете, то один, то другой поднимал согнутую ногу, наклонившись и прижимая колено к животу, подпрыгивал на одной ноге, потом повторял то же упражнение, становясь на другую ногу. Лица рогушкоев обмякли, нижние челюсти отвисли и застыли в незаконченном зевке.

Внезапно, будто пораженный мыслью, вызвавшей бешеный гнев, один рогушкой поднял сжатый кулак к небу и прокричал слово, непонятное Этцвейну. Другой отзывался тем же возгласом, с таким же театральным отчаянием жертвы, обвиняющей небеса. Рогушкой, закричавший первым, упал на колени, скорчился, повалился на землю и стал перебирать руками и ногами как жук, перевернутый на спину. Несколько женщин, добравшиеся до зарослей меднолистника, побежали к дороге. Их быстрое движение привело умирающих воинов в ярость. Шатаясь и падая, они пустились вдогонку, слепо размахивая палицами. Женщины разбегались кто куда, с визгом и плачем. Рогушкои прыгали на них, ловили, прибивали ударами палиц.

Один за другим рогушкои стали валиться на землю, выпуская палицы из рук и больше не шевелясь. Ифнесс и Этцвейн вышли из-под деревьев на луг. Последний рогушкой, остававшийся на ногах, заметил их. Он выхватил из-за пояса широкий кривой ятаган, швырнул его. «Осторожно!» — закричал Ифнесс, прытко отскакивая в сторону. Ятаган, кружась, как блестящий мигающий диск, с убийственной скоростью пролетел рядом и вонзился в грязь. Ифнесс Иллинэт с прежним достоинством направился вперед. Последний рогушкой свалился лицом в землю.

Ифнесс заметил: «Двуколка не повреждена. Еще пригодится».

Оцепеневший от ужаса Этцвейн медленно повернулся к нему и попытался что-то сказать, но сделал шаг вперед и остановился. Он никак не мог распознать лица женщин. Сумер-

ки, движение, расстояние — все мешало. Почти всех он когда-то знал — добрых, красивых, смешливых, печальных, всяких. Отравление рогушкоев привело к бессмысленной бойне. Что еще можно было сделать? Что с ними случилось бы, если бы он не вмешался?

Уходя, Ифнесс деловито звал Этцвейна: «Пойдемте, пойдемте! И приведите быстроходцев». Он направился к пруду, больше не оборачиваясь.

С быстроходцами на поводу, Этцвейн побрел туда же. Но ги почти не слушались его.

Оказавшись посреди стойбища, Ифнесс с брезгливым интересом изучал тела рогушкоев. Некоторые из отравленных еще двигались — подергивали головой и конечностями, сжимали кулаки, зарываясь пальцами в землю. Этцвейн заставил себя оглядеться, осознать происходящее. Он узнал свою сестру. Деламбре — мертвую. Рогушкой разбил ей лицо палицей, но больше ни у кого не было таких волнистых, золотисто-рыжих волос. Этцвейн брел по Гаргаметову лугу. Эатре лежала неподалеку. Этцвейн опустился на колени, взял ее руки в свои. Она еще жила, из ее ушей струйками текла кровь. Этцвейн сказал: «Это я, твой сын, Мур. Я пришел. Я хотел тебя спасти, но не смог».

Губы Эатре шевелились. «Мур... — беззвучно говорили они. — Ты смог... Ты меня спас».

Этцвейн наломал целый стог хвороста и ветвей меднолистника — копать могилы он не мог, не было лопаты. На стог он положил тела Эатре и Деламбре, обложил их хворостом со всех сторон. Устройство погребального костра заняло много времени — Этцвейн то и дело бегал к зарослям и возвращался с охапками прутьев.

Ифнесс тем временем занимался другими вещами. Прежде всего он запряг беспокойных быстроходцев в двухколку и соединил поводья с вожжами. Затем он приступил к изучению рогушкоев. Присев на корточки и сосредоточенно нахмутившись, меркантилист внимательно, методично рассматривал и даженюхал трупы. Этцвейну все они казались одинаковыми — мускулистые, массивные, на голову выше челове-

ка среднего роста, с необычно толстой лоснящейся кожей, цветом и блеском напоминавшей медь. Их лица, будто вырубленные топором, скорчились в неподвижных гримасах, как маски кривляющихся демонов — вероятно, вследствие отравления. Нигде — ни на голове, ни на теле — у рогушкоев не было волос. Одежда почти отсутствовала. Черная кожаная полоска, продетая между ногами, соединялась, расширяясь, с поясным ремнем того же материала. К правой руке каждого рогушкоя была пристегнута ремешком палица с шипами, а за поясом торчал ятаган. Ифнесс вытащил ятаган одного из воинов, с любопытством трогая блестящий металл: «Сделано не в Шанте, — бормотал он. — Кто это выковал?»

Этцвейн не знал, что ответить. Ифнесс положил ятаган в багажное отделение двуколки. Палица заинтересовала его не меньше. На рукоятку из выдержанного твердого дерева, длиной полметра, был насажен железный шар с пятисантиметровыми шипами — жестокое, варварское оружие.

Этцвейн, наконец, решил, что принес достаточно хвороста, и поджег широкий стог с четырех сторон. Его печальный труд был закончен. Вскоре языки пламени взметнулись в небо.

Ифнесс Иллинэт приступил к еще более мрачной работе. Вынув из кармана тонкий серебристый нож, он рассек брюшину и грудную клетку одного из воинов. На землю вывалились черновато-красные кишki. Отодвинув кишki палкой и брезгливо сжимая ноздри, Ифнесс продолжил изучение внутренних органов.

Сумерки сгущались на Гаргаметовом лугу. Высокий столб огня шумел, как топка с хорошей тягой. Трупы и темнота тяготили Этцвейна. Задерживаться не было смысла. Он спросил: «Не пора ли возвращаться?»

«Пора, — согласился Ифнесс. — Осталось одно пустяковое дело, оно займет пару минут».

К полному изумлению Этцвейна, Ифнесс выбрал тела шести женщин, ловко отрезал их разбитые головы и снял шесть ошейников. Подойдя к пруду, он вымыл ошейники, нож и руки. Этцвейн ждал его у двуколки, снова подозревая,

что Ифнесс сошел с ума — или что все это глупый, кошмарный сон.

Ифнесс казался бодрым и веселым. Возвращаясь к Этцвейну, он остановился, чтобы посмотреть на погребальный костер. Яркое пламя завораживает всех людей — Ифнесс Иллинэт не был исключением. Наконец он сказал: «Да, пора ехать».

Этцвейн забрался в сиденье двуколки. Ифнесс повернул быстроходцев в сторону колеи. Этцвейн тут же остановил его жестом — Ифнесс натянул вожжи. Этцвейн соскочил на землю, подбежал к костру и схватил горящую ветку потолще. Быстрыми шагами направившись к плантации изыла, он поджег плотную, сухую, смолистую листву. Лозы занялись оранжевым пламенем, дававшим густой черный дым с едким запахом гальги. Мрачно улыбаясь, Этцвейн убедился в успешном распространении пожара, после чего бегом вернулся к двуколке.

Ифнесс никак не прокомментировал поджог. Даже его движения и поза не выдавали ни одобрения, ни порицания. В любом случае, Этцвейна мало беспокоило мнение Ифнесса.

Уезжая с Гаргаметова луга, они еще раз остановились и оглянулись. Обширная плантация дымилась стройными рядами, как огромная огненная гребенка. Погребальный костер тлел в темноте рубиново-красным пятном. Этцвейн отвернулся, его подбородок дрожал. Огонь и время — орудия одной необратимой силы. И прах, и пепел улетают с ветром — прошедшего не будет никогда.

Двуколка спускалась по ночной долине, озаренной призрачным светом Скиафарильи. Колея чуть белела двумя параллельно извивающимися полосами. Перестук копыт, скрип упряжи, мягкое шуршание колес не нарушали — усиливали тишину. Пару раз Этцвейн еще оглядывался на медленно тускнеющее красное зарево. В конце концов оно исчезло — в черном небе горели только звезды. Опираясь локтем на колено, Этцвейн угрюмо смотрел вперед.

Тихо и спокойно, как вежливый учитель — ученика, Ифнесс спросил: «Теперь, когда вы познакомились с рогушкоями, каково ваше мнение об этих существах?»

Этцвейн отозвался: «Рогушки безумны или одержимы бесами. В каком-то смысле они достойны сожаления. Но их необходимо уничтожить».

Ифнесс задумчиво кивнул: «Не могу с вами не согласиться. Кантоны Шанта в высшей степени уязвимы. Увы, теперь хилитам придется неизвестно измениться или исчезнуть».

При свете звезд Этцвейн затруднялся определить выражение лица спутника: «Неужели вас огорчает это обстоятельство?»

«Исчезновение любого уникального организма — непоправимая потеря. Человеческая история не знает более яркого примера специализированной адаптации. Вполне возможно, что подобная структура больше никогда не возникнет».

«Вы противоречите сами себе. Если извращения хилитов — драгоценный вклад в историю человечества, почему вы согласны с необходимостью уничтожения рогушкоев?»

Ифнесс Иллинэт почти беззвучно рассмеялся: «Я боюсь не рогушкоев как таковых — меня пугает то, что за ними стоит. Пугает настолько, что в этом случае я вынужден поступиться принципами».

«Не понимаю», — сухо сказал Этцвейн.

Ифнесс придал голосу дополнительный вес: «Как вам известно, я путешествую по всему Шанту, этого требует моя профессия. Мне приходится наблюдать людей в самых различных обстоятельствах. Одним улыбается счастье, других постигает горе. Сама природа моих обязанностей не позволяет мне вмешиваться и влиять на события».

Этцвейну вспомнилась его первая встреча с Ифнессом: «Какие обязанности не позволяют человеку подстегнуть быстроходца, чтобы помочь ребенку спастись от ахульзов-каннибалов?»

Ифнесс повернул голову, пытаясь разглядеть собеседника в темноте: «Это были вы?»

«Да».

Ифнесс долго молчал. Потом заговорил: «В вашем характере есть темная сторона, заставляющая вас слишком глубоко копаться в себе и в других, даже если это может повредить вашим интересам. Чего вы добиваетесь, воскрешая исключительно неприятный для меня эпизод десятилетней давности? Какую пользу вы надеетесь извлечь, рискуя оскорбить меня обвинением в безнравственности?»

Этцвейн начал нарочито-безразличным тоном: «Долгие годы я с возмущением думал о человеке, спокойно и сознательно отказавшемся сохранить мне жизнь, когда для этого достаточно было буквально пошевелить пальцем. Возможность выразить это возмущение в вашем присутствии приносит мне большое облегчение. По-видимому, в этом и состоит упомянутая вами «польза». У меня есть все основания считать ваш поступок безнравственным. Какое мне дело до того, оскорбляет это вас или нет?» Разволновавшись, Этцвейн уже не мог остановиться: «Все, на что я надеялся, все, ради чего я старался десять лет — все погибло! Кто виноват? Рогушкой? Я? Человек Без Лица? Хилиты? Все виноваты! Я должен был приехать раньше. Оправдываться нет смысла — да, у меня не было денег, да, я не мог предвидеть набег рогушкоев. Все равно я опоздал, я должен был приехать раньше! Рогушкой — не знаю, что у них в голове, чего они хотят? Рад, что отравил их. С удовольствием отравил бы их всех до единого! Вам жалко хилитов, уникальных хилитов, восхитительных наркоманов-онанистов? Плевать я на них хотел, пропади они пропадом! Человек Без Лица — это уже особая статья! Мы доверили ему оборону страны, защиту населения. Мы платим налоги и пошлины. Мы носим ошейники. Мы беспрекословно выполняем его приказы. И что же? Как он оправдывает наше доверие? Как он использует наши деньги? Почему он еще не выступил против рогушкоев? Мягко говоря, я в нем разочарован!»

«А если выразиться посильнее?»

Этцвейн не поддался на провокацию и только помотал головой: «Зачем вы вскрыли труп рогушкоя?»

«Меня интересовала их физиология».

Этцвейн разразился истерическим, диковатым хохотом, но сразу заставил себя замолчать. Наступила тишина. Быстроходцы бежали неспешной трусцой, двуколка покачивалась во мраке под яркими звездами. Сколько они проехали, сколько оставалось ехать? Этцвейн не имел представления. Он задал еще один вопрос: «Зачем вы укралошнейники?»

Ифнесс вздохнул: «Я надеялся, что вы догадаетесь об этом не спрашивать. Не могу удовлетворить ваше любопытство».

«Вы постоянно что-то скрываете».

«Каждый из нас что-то скрывает, — сказал Ифнесс. — Например, вы выразили неудовлетворение Человеком Без Лица, но о дальнейших намерениях распространяться не стали».

«Мне нечего скрывать, — сказал Этцвейн. — Я поеду в Гарвий, куплю «пурпурную петицию». Изложу свои взгляды без окличностей, в самых недвусмысленных выражениях. Обстоятельства говорят за себя — назревает катастрофа. Человек Без Лица не может притворяться, что ничего не происходит».

«Хотелось бы так думать, — согласился Ифнесс. — Предположим, однако, что подача петиции ни к чему не приведет. Что тогда?»

Этцвейн с подозрением покосился на сосредоточенно-легкомысленный профиль спутника, темневший на фоне Скиафарильи: «Это маловероятно. Зачем строить далеко идущие планы?»

«В неожиданных ситуациях чрезмерно детальное планирование иногда препятствует проявлению оптимальной непроизвольной реакции, — изрек Ифнесс. — Тем не менее, если допустимы два прямо противоположных варианта развития событий, полезно предусматривать обе возможности, независимо от распределения вероятности...»

«У меня есть время обо всем подумать», — прервал рассуждения Этцвейн.

Глава 9

Глубокой ночью они выехали из долины Сумрачной реки к подножию храмового холма. На террасах храма мерцали редкие тусклые огни. Ветер доносил едко-сладковатый запах гальги, смешанный с вонью обугленного дерева и паленых кож.

«Хилиты будут поклоняться Галексису, пока не кончится наркотик, — заметил Ифнесс, — после чего им придется придумать новое божество».

Двуколка проехала по Аллее Рододенронов, темной и безмолвной, населенной только обрывками звуков, всплывавшими из глубин памяти. Над головой чернела листва, впереди бледно белела дорога. Мертвые хижины с распахнутыми дверьми предлагали кров и пищу, но мысль о возможности остановиться не пришла в голову ни Этцвейну, ни его спутнику. Они продолжали путь в ночной тишине.

Рассвет взорвался блестящим каскадом оранжевых и фиолетовых лучей. Когда Сасетта вынырнула из-за горизонта, двуколка уже приближалась к Карбаду. Быстроходцы шли медленно, опустив головы — они устали намного больше людей.

Ифнесс сразу подъехал к постоянному двору и отдал двуколку хозяину. Ошейники и оружие рогушкоев он завернул в куртку, связав ее наподобие небольшого тюка.

Этцвейн возвращался на запад. Ифнесс, еще в Брассеях, заявлял, что едет на восток. Преодолевая неловкость, Этцвейн обратился к спутнику формально, в несколько тяжеловесной манере: «Теперь каждый из нас отправится своей дорогой. Не могу не учитывать тот факт, что вы оказали мне неоценимую помощь, в связи с чем разрешите поблагодарить

vas и отметить, что на этот раз мы достигли некоторого взаимопонимания, чего, к сожалению, не случилось при нашей первой встрече. Прощайте, Ифнесс Иллинэт, желаю вам всего наилучшего».

Ифнесс вежливо поклонился: «Всего хорошего, до свидания».

Этцвейн повернулся и быстрыми, размашистыми шагами направился на другую сторону площади, к станции воздушной дороги. Ифнесс неторопливо последовал за ним.

Пригнувшись к окошку продавца билетов, Этцвейн отчелово произнес: «Я хотел бы как можно быстрее уехать в Гарвий». Отсчитывая деньги за билет, Этцвейн заметил Ифнесса, стоявшего следующим в очереди, и кивнул ему. Ифнесс ответил тем же. Этцвейн отошел от кассы. Ифнесс нагнулся к окошку и достал кошелек.

Гондола, следовавшая до Ангвинской развязки, прибывала в Карбад только через час. Прогулявшись из одного конца платформы в другой, Этцвейн покинул станцию, пересек площадь и подошел к прилавку уличного торговца закусками, где обнаружил Ифнесса. Заплатив продавцу, Этцвейн отнес купленное на стол в двух шагах от прилавка. Извинившись вполголоса, Ифнесс занял место напротив — других столов не было.

Двое ели молча. Закончив, Этцвейн вернулся на станцию и вышел на платформу. Чуть позже в зале ожидания появился Ифнесс.

Пазовый рельс начал мелко дрожать, издавая тихое высокое жужжение, свидетельствовавшее о приближении каретки. Через пять минут появилась рыскающая в воздухе гондола, толчками спускавшаяся к платформе. Этцвейн, сидевший на скамье, поднялся на ноги. Ифнесс задумчиво смотрел на гондолу из окна станционного здания. Этцвейн зашел в гондолу и занял сиденье. За ним на борт поднялся Ифнесс Иллинэт, севший прямо напротив. Этцвейн больше не мог игнорировать его присутствие: «Я думал, вы летите на восток».

«Непредвиденные обстоятельства заставляют меня срочно прервать поездку», — сказал Ифнесс.

«Возвращаетесь в Гарвий?»

«Да».

Гондола поднялась в воздух, подгоняя свежим утренним ветром, и повлекла быстро бегущую каретку вверх по рельсу к Ангвинской развязке.

Этцвейн изредка посещал Гарвий с труппой Фролита, но их гастроли в столице были непродолжительны: гарвийцы предпочитали более утонченные наслаждения, более легко мысленное времяпровождение, более острые ощущения. Тем не менее, Этцвейн считал стеклянный город интересным и достойным пalomничества местом хотя бы потому, что в нем открывались чудесные, захватывающие дух виды.

Ни в одном из населенных людьми миров не было места, подобного Гарвию, возведенному исключительно из стекла: из стеклянных блоков, пластин, листов, призм, цилиндров — пурпурных, зеленых, сиреневых, голубых, розовых, темно-алых.

Среди первых беженцев, прибывших на Дердейн с Земли, были приверженцы эстетического культа «Чама Рейя». Найдя безопасное убежище в Шанте, они торжественно поклялись построить самый великолепный город в истории человечества и всецело посвятили себя этому начинанию. Древний Гарвий просуществовал семь тысяч лет. Сначала стеклянным городом правили аватары «Чама Рейи», вслед за ними — Архитектурная Корпорация, династии Директоров, временное правительство Супердиректоров и, наконец, Пурпурные цари.

С каждым столетием Гарвий полнился новыми чудесами —казалось, единственная цель каждого очередного царя-пурпуроносца заключалась в том, чтобы затмить излишества прошлого и поразить воображение потомков. Царь Клюэй Пандамон построил Аркаду — галерею из девятисот двадцатиметровых хрустальных колонн, поддерживающих сводчатую крышу призматического стекла.

Царь Фарай Пандамон приказал возвести рыночный павильон изобретательной конструкции — погруженные в круглое озеро сплошные оболочки из гнутого стекла образовывали дюжину плавающих концентрических колец семиметровой ширины, разделенных стеклянными подшипниками так,

чтобы любое кольцо перемещалось независимо от остальных. На этих плавучих каруселях купцы и ремесленники устроили базар — каждому отвели место, отделенное панелями цветного стекла. Сотня волов, тянувших радиальные оглобли в подземной галерее вокруг озера, приводила в движение медленно плывущее наружное кольцо, передававшее момент вращения через озерную воду внутренним кольцам, тоже постепенно начинавшим двигаться. Через шесть часов волов заставляли останавливаться, разворачиваться и тянуть наружное кольцо в обратном направлении. Таким образом, все кольца базара кружились, одно быстрее, другое медленнее, то навстречу, то обгоняя друг друга, безостановочным калейдоскопом цветов и теней — даже глухонемые морские разбойники с островов архипелага Бельджамар приезжали полюбоваться на знаменитый Карусельный Рынок пурпурного царя Фарая Пандамона!

Величие Гарвия достигло апогея в правление Хорхе Шкурхана. Склоны Ушкаделя — холмистого пригородного района — пестрели сверкающими дворцами. У причалов по берегам Джардина стеклянные корабли разгружали товары со всех концов света, из Северного Шанта — катушки волокна, отрезы шелка и парусную пленку, из Паласедры — мясные продукты, из рудников Караза — соли и окиси для стекловарен. Все шестьдесят два кантона были сопричастны славе и могуществу Гарвия, а возмездия бейлифов Пандамона не могло избежать самое дальнее селение. Вскоре после воцарения Харена Несчастного восстал весь Юг — паласедрийские летучие герцоги затмили небо над Большой Соленой топью. Разгорелась Четвертая Паласедрийская война, положившая конец династии Пандамонов.

В годы Шестой Паласедрийской войны бомбардиры неприятеля закрепились на верхних кряжах Ушкаделя и оттуда обстреляли город пневмофугасами. Древнее стекло взметалось в небо звенящими фонтанами, переливаясь в лучах солнц всеми цветами радуги. Наконец кондотьер Вайано Пацифьюме предпринял легендарную яростную атаку на засевших в скалах летучих герцогов, вошедшую в историю под наименованием Сумасшедшей битвы. Тяжеловооруженных катафрактов на волах паласедрийцы разбили почти мгновенно.

Лишенные защиты с флангов, элитные копьеносные полки панически рассеялись по лесистым склонам. Стеклометчики взошли выше всех, но попали в окружение и были сброшены в ущелье искусственным оползнем. Тем не менее, упрямый Паицифьюме уничтожил паласедрийцев, уже начинавших спускаться с холмов Ушкаделя, напустив на них орду обезумевших ахульфов, вымазанных дегтем и подожженных. Победа, однако, досталась дорогой ценой — Гарвий лежал в осколках. Разрушение стеклянного города врезалось в память жителей Шанта, никогда не простивших паласедрийцев и подозревавших летучих герцогов, заслуженно или незаслуженно, в организации всех эпидемий, неурожаев и стихийных бедствий.

Вайано Паицифьюме, уроженец кантона Глиррис на восточном берегу, отказал наследнику Пандамонов в праве восшествия на Пурпурный трон и созвал конclave кантонов, чтобы сформировать новое правительство. Через три недели препирательств, взаимных обвинений и невыполнимых требований терпение кондотьера истощилось. Взойдя на подиум, он указал на возвышение в глубине помещения — нечто вроде миниатюрной сцены с занавесом.

«За этим занавесом, — объявил Паицифьюме, — ваш новый правитель! Его имя останется в тайне. Он будет сообщать свою волю в анонимных указах. За выполнением указов прослежу я. Преимущества такого способа управления очевидны. Не зная, кто вами правит, вы не сможете составлять заговоры, подкупать влиятельных лиц и добиваться предпочтения клеветой и лестью. Справедливость, наконец, восторжествует».

Стоял ли за занавесом, на самом деле, первый Человек Без Лица? Или Вайано Паицифьюме изобрел невидимого двойника? Правду никто так и не узнал — ни при его жизни, ни после его смерти. Тем не менее, когда Вайано, уже в преклонном возрасте, пал жертвой наемного убийцы, заговорщиков немедленно нашли, задержали, заключили в запаянные стеклянные шары и подвесили гирляндой на тросе, протянутом между двумя высокими шпилями. Тысячу лет шары блестели

над городом, как праздничные украшения. В конце концов их разрушили, один за другим, удары молний.

В первое время приказы Человека Без Лица приводились в исполнение особыми вооруженными подразделениями Канцелярии Принуждения, постепенно присвоившими чрезмерные прерогативы и вызвавшими бунт неоправданными притеснениями. Консервативный Совет подавил мятеж, распустил Канцелярию Принуждения и восстановил порядок. Человек Без Лица явился перед Советом в латах и шлеме из черного стекла, не позволявших удостоверить его личность. Он потребовал существенного расширения круга полномочий и обязанностей верховного правителя. Его требование было удовлетворено. Двадцать лет все ресурсы Шанта расходовались с одной целью: усовершенствования системы ошейников. Аноме издал Багровый эдикт, объявлявший ошейники обязательными для всех и каждого, чем спровоцировал столетнюю Междоусобную войну, закончившуюся только тогда, когда поймали и окольцевали последнего партизана-индивидуалиста, не покончившего с собой.

Великолепие эпохи Пандамонов не вернулось. Но и теперь Гарвий оставался первым чудом света на Дердейне. Башни кобальтового стекла, шпили рубинового стекла, купола изумрудного стекла, призматические и цилиндрические стеклянные обелиски, стены и террасы прозрачного хрустального стекла переливались, вспыхивали, совмещались и отражались в лучах трех кувыркающихся солнц. Ночью город освещали разноцветные фонари — зеленые за бледно-голубым и лиловым стеклом, розовые за глубоко-синим стеклом.

Во дворцах на склонах Ушкаделя еще прозябали патриции Гарвия — бледные подражатели пышных грандов, состоявшихся в роскоши при Пурпурных царях. Высшее сословие извлекало доходы из наследственных земельных владений, самые деятельные отпрыски древних родов вкладывали средства в морские и воздушные перевозки, финансировали лаборатории и мастерские, где производились ошейники, радиоприемники и передатчики, светильники и некоторые другие электронные устройства. Электронику собирали из компонентов, изготовленных в других районах Шанта — мономолекуляр-

ных проводящих волокон, электроорганических устройств управления и магнитных сердечников из спеченных железных кружев, напыляя по мере необходимости драгоценные микроскопические соединения и реле из редкоземельных металлов: меди, золота, серебра, свинца. Ни один из техников не понимал, почему используемые схемы были устроены так, а не иначе. Каков бы ни был когда-то первоначальный уровень технических знаний, от них остались лишь описания практических методов — древние руководства передавались из уст в уста подобно эпическим мифам и нередко составляли семейную тайну, недоступную конкурентам. Всякое представление о принципах, лежавших в основе магических биоэлектронных аппаратов, было утеряно. Мастерские и фабрики теснились преимущественно в Шранке — пригороде Гарвия в устье Джардина. Персонал этих престижных предприятий селился неподалеку, в комфортабельных коттеджах среди парков и фруктовых садов.

Таков был Гарвий — нервный узел Шанта, стеклянный город, широко раскинувшийся по холмам, но относительно малонаселенный, зачаровывавший приезжих воздушной, радужной красотой и загадочным бременем бездонной старины.

Столичные жители образовывали единственную в своем роде популяцию сверхцивилизованных ценителей приятного времяпровождения, болезненно чувствительных к тончайшим нюансам повседневности, но почти неспособных к оригинальному мышлению или полезной деятельности. Эстетическая Корпорация, объединявшая почти исключительно патрициев, населявших Ушкадель, выполняла функции городского управления, что более чем устраивало менее родовитых стеклогородцев. У патрициев были деньги; вполне естественно, что на них возлагалась основная ответственность. Типичный горожанин не испытывал зависти к высшему сословию и не считал себя обделенным — все были равны перед законом. Если, проявив необычные умственные способности или энергию, человек приобретал состояние, достаточное для покупки дворца в Ушкаделе, его принимали в Эстетическую Корпорацию без лишних формальностей. Конечно, на протяжении двух или трех поколений его потомков считали выскочками,

но со временем отпрыски удачливого прародителя, породнившись с соседями, сливались с непроходимыми генеалогическими зарослями и становились полноправными эстетами.

Типичный стеклгородец был сложной, неоднозначной личностью — учтивый и воспитанный, жизнелюбивый и не-постоянный в увлечениях, он проявлял раздражительность, сталкиваясь с трудностями, и чаще уступал нежели сопротивлялся. Стремясь к чувственным наслаждениям, он порицал разврат в принципе; предъявляя высокие требования к другим, он всегда находил повод для попустительства своим страстишкам. Общительный, но сосредоточенный в себе, гарвийский мещанин знал наизусть каждую изумрудную грань, каждый пурпурный отблеск в своем изумительном волшебном городе, слышал все новости и пробовал все модное, но совершенно не интересовался происходящим за пределами столицы. Он любил сборища и представления, но музыка его почти не трогала. У него не хватало терпения выслушивать традиционные импровизации друидийнов или концерты гастролирующих групп — он предпочитал остроумные баллады, песенки, содержащие игривые злободневные намеки, танцевальные комедии, выступления эксцентриков и чревовещателей. Короче говоря, не было существа более презренного с точки зрения настоящего музыканта.

Стеклгородцы рассматривали ношение ошейников как необходимое зло, время от времени отпуская в адрес Человека Без Лица почтительно-саркастические шуточки. Ходили слухи, что Аноме жил в одном из ушкадельских дворцов. Завсегдатаи кафе на площади Корпорации без конца судили и рядали о том, кто из знакомых эстетов был вершителем судеб Шанта. Никто не сомневался, однако, в принадлежности Аноме к древнему патрицианскому роду. Уроженцы Гарвия почти никогда не пользовались правом на подачу петиций — по их мнению, только приезжие (то есть непроходимая деревенщина) могли не понимать всю бессмысленность подобной траты времени и денег. Известия о рогушкоях, само собой, появились в столичных журналах и объявлениях — местных жителей позабавили анекдоты, высмеивающие сексуальную неразборчивость и безудержное пьянство новоявленных вар-

зыке. Но этим их любопытство и ограничилось. В представлении газетщев сообщения о вылазках разбойников из Хван-Дебрей относились к тому же разряду газетного наполнителя, что и бюллетень коллегии звездочетов, предсказывавший падение крупного метеорита в неизведанных просторах центрального Караза.

Медленно кувыркаясь, три солнца спускались к точке зимнего солнцестояния. В то же время Дердейн оказался на участке орбиты, откуда частично заслонившие друг друга светила представлялись сплавленным ослепительным пятном, постоянно менявшим форму и яркость. Астрономическое совпадение способствовало резким переменам погоды. Холодные осенние ветры обрушились из Ниммира на северные берега Шанта.

Покинув Ангвин, гондола «Шострель» с необычайной ревностью понеслась над континентальной магистралью, вылетела из Дебрей в кантон Теней, проскочила Перелог без остановки и свернула на Брассейском разъезде. Здесь Этцвейн бросил безразличный взгляд на запад — туда, где Фролитц, по-видимому, с нетерпением ждал его возвращения. Оставив за кормой кантоны Пособников, Майе и Дикой Розы, ревниво оберегавшие друг от друга неповторимое своеобразие обычая, «Шострель» достиг наконец Гарвийского кантона. Описывая крутые виражи, гондола мчалась вниз по долине Молчания со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час, мимо длинного извилистого ряда монументальных пластин из прозрачного стекла с заключенными в них объемными изображениями династических царей. Все цари застыли в одинаковых позах, чуть выставив вперед правую ногу, с руками по швам, с серьезными, даже недовольными лицами, устремив вдаль широко раскрытые глаза, будто потрясенные нелепостью будущего.

Ветровой начал потихоньку травить тросы. Мало-помалу замедляясь, «Шострель» перелетел над Джардинским разломом и стал спускаться к платформе Гарвийской станции. Заднюю тележку ходовой каретки захватили тормозным канатом и постепенно остановили, а переднюю отцепили и оттащили

дальше с такой ловкостью, что гондола приземлилась одним плавным движением.

Этцвейн сошел на платформу; за ним последовал Ифнесс. Вежливо кивнув, Ифнесс поспешил пересечь станционную площадь и свернул в пассаж Кавалеско, под башню темно-синего стекла с хрустальными ребрами пиястр цвета морской воды. Пассаж вел на проспект Кавалеско.¹⁷ Этцвейн пожал плечами и пошел по своим делам.

Фролитц обычно останавливался в гостинице «Фонтеней» на набережной Джардина, к северу от станции, где владелец заведения предоставлял музыкантам кров и пищу в обмен на несколько вечерних выступлений. Этцвейн отправился в «Фонтеней». Попросив самопищущее перо и бумагу, он поднялся в номер и сразу стал набрасывать черновик петиции — ее он собирался подать уже на следующий день.

Через два часа документ был готов. Этцвейн снова прочел его и не смог найти ничего заслуживающего порицания — ему удалось спокойно и непредубежденно обосновать свою точку зрения, кратко изобразив ситуацию в недвусмысленных выражениях. Петиция гласила:

«Вниманию АНОМЕ!

Во время недавнего посещения предгорий Хвана в кантоне Бастерн я наблюдал последствия набега рогушкоев на общину хилитов в Башоне. Общине нанесен значительный имущественный ущерб: сыромятня и многие пристройки полностью сожжены. Кроме того, рогушкои похитили большое число женщин, а затем убили их в обстоятельствах, вызывающих тревогу и сожаление.

Общеизвестно, что Хванские Дебри служат убежищем этим пагубным дикарям, беспрепятственно предающимся насилию и грабежам. Каждый год их становится все больше,

¹⁷ Двенадцать проспектов, радиальными лучами расходившиеся от площади Эстетической Корпорации, назывались в честь аватаров культа «Чама Рейя».

каждый год они предпринимают все более дерзкие вылазки. По моему мнению, всех рогушкоев, проживающих в Шанте, следует уничтожить, принимая энергичные безжалостные меры. Предлагаю объявить набор вооруженного ополчения и хорошо обучить рекрутов. В то же время необходимо изучить образ жизни рогушкоев, выяснить, где они прячутся, примерно определить их численность. По завершении надлежащей подготовки дисциплинированное ополчение должно оцепить Хван, проникнуть в Дебри согласно продуманному тактическому плану, напасть на рогушкоев и истребить их.

Такова, в сущности, моя настоятельная просьба. Я сознаю, что предлагаю правительству организовать крупномасштабную кампанию, но не вижу другого решения проблемы».

Дело шло к вечеру — в это время петиции уже не принимали. Этцвейн перешел Джардин по мосту и прогулялся по парку Пандамонов, где ветер гнал опавшие листья по широким, почти безлюдным дорожкам. Главная аллея привела его к Эолийскому залу — музыкально-архитектурному сооружению стометровой длины, из жемчужно-серого стекла. Огромные горизонтальные воронки направляли ветер в воздушную камеру повышенного давления. Пользуясь многоярусной клaviатурой, соединенной с клапанами системой замаскированных тяг, исполнитель заставлял вибрировать струями воздуха одну, две, дюжину или сотню из десяти тысяч свободно подвешенных на разной высоте стеклянных труб, трубок и трубочек, издававших тишайшее колокольно-органное пение и осторожно соударявшихся. Человек, бродивший по Эолийскому залу, ощущал трехмерное звуковое пространство. Звук исходил отовсюду, разлетался во всех направлениях — аккорды печально чокающихся бокалов, шепот едва уловимой мелодии, серебристо-протяжная дрожь стекла на стекле, вздыхаю-

щие хрустально-чистые тона басовых труб-колонн, порывы шелестящей бахромы трубочек под сводами, бегущие, как рябь по поверхности зеркального пруда, зловещие отголоски теноровых труб, пронизывающие печальными волнами, как пропадающий в штормовом тумане бой сигнального колокола маяка. Изредка весь зал взрывался паническим, беспорядочным тысячеголосым звоном.

Дул крепкий, порывистый северный ветер — Этцвейну посчастливилось услышать Эолийский зал во всем великолепии. В сумерках он вернулся по мосту и поужинал в одном из роскошных ресторанов Гарвия под сотней розовых и лиловых фонарей — до сих пор он отказывал себе в таком удовольствии. Долгие годы он копил деньги: зачем? Деньги — горькое напоминание о тщетных усилиях, обуза памяти. Избавиться от них сейчас же, выбросить на ветер! В Этцвейне тут же прояснилось, однако, другое, трезвое начало, наложившее вето на позывы к мотовству. Ничего подобного он не сделает. Деньги, доставшиеся с таким трудом, нельзя тратить как попало. Но сегодня — хотя бы сегодня — он поужинает на славу! Этцвейн заставил себя почувствовать вкус к жизни. Блюда подавала хорошенъкая официантка — Этцвейн изучал ее с мрачным интересом. Она казалась добродушной, дружелюбной, ее губы весело подергивались — так, будто она готова была рассмеяться в любой момент. Этцвейн ел: кушанья были приготовлены безукоризненно и изящно сервированы. Ужин подошел к концу. Этцвейн хотел было заговорить с официанткой, но постеснялся. Она выросла в столице, а он приехал издалека. В лучшем случае девушка приняла бы его за нахала-иностраница со странными причудами. Этцвейн почему-то подумал о Фролитце — где он сейчас, что делает? Еще интереснее было бы знать, чем занимается Ифнесс... Этцвейн нахмурился, стал мрачнее прежнего. Раздраженный, недовольный собой, он вернулся в гостиницу и заглянул в таверну на первом этаже, надеясь встретить каких-нибудь музыкантов — но там было тихо, постояльцы почти разошлись, сцена пустовала. Этцвейн поднялся в номер и лег спать.

Наутро он явился в магазин мужской одежды, где портной-галантерейщик подобрал ему новый костюм — белую ту-

нику с поясом и высоким воротником, темно-зеленые бриджи с пряжками на лодыжках, черные сапоги ахульфовой кожи с застежками из серебряного дерева. Никогда еще Этцвейн не одевался с таким щегольством. Посмотрев в зеркало из закопченного стекла, он не был вполне убежден, что видит самого себя. Брадобрей подровнял ему волосы, побрил стеклянной бритвой. Подчинившись внезапному капризу — может быть, именно потому, что насмехался над собой — Этцвейн купил лихой маленький берет с медальоном из цветного агатового стекла. Снова взглянув в зеркало, он проникся противоречивым ощущением отвращения, удивления собственной глупости и, в меньшей степени, какого-то пьянящего возбуждения. Возможно, давала о себе знать унаследованная от Дайстара склонность производить впечатление манерами и внешностью. Этцвейн пожал плечами и скорчил гримасу: потратил деньги — придется носить берет. Он вышел на улицу, ослепленный сиреневым пламенем полудня. Стекло Гарвия вспыхивало и переливалось.

Этцвейн медленно шел к площади Корпорации. Покупка петиции за пятьсот флоринов, исключительно ради изложения взглядов на ситуацию в стране, должна была, несомненно, привлечь внимание Человека Без Лица. Что ему грозило? Беспокойство было оправданно, просьба — законна. Этцвейн чистосердечно выразил озабоченность населения — а Человек Без Лица, согласно его собственным заявлениям, служил народам Шанта!

Выйдя на центральную площадь, Этцвейн направился к длинному низкому строению из малинового стекла — здесь он бывал уже однажды. Вдоль фасада тянулась панель, обширенная темно-бордовым атласом — стена объявлений. К ней прикалывали правительственные указы и петиции с ответами Человека Без Лица. Два-три десятка жалобщиков в пестрых кантональных костюмах составляли очередь к окну, где бланк петиции выдавали за минимальную цену — пять флоринов. Эти люди приехали со всех концов Шанта поведать Аноме о причиненных им обидах и теперь стояли, вызывающие поглядывая на спешивших мимо гарвийцев. В другом окне неподалеку более состоятельные и серьезные просители время от

времени с достоинством приобретали бланки по сто флоринов. Из угловой ниши дверь, украденная рубиновой звездой, вела в приемную, где самые богатые или самые ожесточенные могли подать петицию, потратив пятьсот флоринов.

Не долго думая, Этцвейн открыл угловую дверь и решительно прошествовал внутрь.

Приемная пустовала — других желающих разориться не было. Подьячий, скучавший за стойкой, живо вскочил на ноги: «Что изволите?»

Этцвейн выложил деньги: «Бланк».

«Сию минуту. Дело чрезвычайной важности, не иначе?»

«Надо полагать».

Чиновник осторожно вынул красновато-лиловый лист, перо и блюдо с черной тушью. Пока Этцвейн писал, подьячий подсчитал монеты и подготовил квитанцию.

Этцвейн изложил прошение, сверяясь с черновиком, сложил документ вчетверо и запечатал в услужливо поданном конверте. Взглянув на ошейник Этцвейна, подьячий пометил цвета на конверте: «Ваше имя, будьте добры?»

«Гастель Этцвейн».

«И вы родились...»

«В кантоне Бастерн».

«Очень хорошо. Этого достаточно».

«Когда я получу ответ?»

Подьячий развел руками: «Что я могу сказать? Аноме часто уезжает, его местопребывание мне известно не лучше, чем вам. Скорее всего, ответ появится через два-три дня. Его вывесят вместе с другими на всеобщее обозрение — Аноме никому не оказывает особых услуг».

Этцвейн выходил уже не так уверенно, как вошел. От него больше ничего не требовалось. Разве он не сделал все, что мог? Оставалось ждать решения Аноме. Этцвейн поднялся по ступеням зеленого стекла в висячий сад отдыха, где цветы, стебли растений, стволы деревьев, ветви, листья — все имитировалось синим, зеленым, белым и алым стеклом. За столиком на террасе с видом на площадь он перекусил фруктами и твердым сыром, заказал вина. Принесли бокал — тонкий, филиганный, достававший от стола до губ, наполненный до

краев прохладным бледным пельмонтским. Этцвейн не чувствовал облегчения — скорее им овладело тупое опустошение. В голове копошились смутные сомнения. Не пытается ли он отмахнуться от проблемы шикарным жестом? Человеку Без Лица ситуация известна досконально. С его точки зрения петиция Этцвейна будет выглядеть самонадеянной, поверхностной. Этцвейн мрачно пригубил вино. Пятьсот полновесных монет — в обмен на бесполезную липу? Жертвоприношение. Искупление вины. Конечно, как еще? Наказал себя! Пятьсот флоринов — коту под хвост! Годы тяжкого труда!

Этцвейн поджал губы, растер виски кончиками пальцев. Сделанного не воротишь. По меньшей мере, ответ Человека Без Лица позволит узнать, предпринимаются ли какие-нибудь действия против рогушкоев.

Этцвейн допил вино и скоро вернулся в гостиницу «Фонтеней». Содержатель заведения оказался в кухне таверны, с троицей закадычных приятелей. Проверяя и обсуждая достоинства своего погреба, он изрядно напробовался, в связи с чем находился в капризном и неуступчивом расположении духа.

Этцвейн вежливо поздоровался, спросил: «Кто играет по вечерам в таверне?»

Хозяин повернул голову, оглядел Этцвейна с головы до ног. Этцвейн пожалел, что надел дорогое новое платье — бродячему музыканту гораздо больше приличествовало статое.

Владелец гостиницы холодно обронил: «На этой неделе — никто».

«В таком случае я мог бы, с вашего разрешения, развлечь посетителей».

«Ага! Чем, например?»

«Я музыкант, часто играю на хитане».

«Подающий надежды молодой друидийн, надо полагать?»

«Я предпочел бы не представляться в таких выражениях», — слегка поклонился Этцвейн.

«Значит, вы поете деревенские частушки на жаргоне волопасов, под аккомпанемент трех аккордов?»

«Я музыкант, а не певец».

Чувствуя, куда дует ветер, один из завсегдатаев поднял бокал и склонил голову набок, разглядывая содержимое на свет: «Молодое вино жидкого — букет появляется с возрастом».

«Совершенно верно! — отозвался хозяин. — Чтобы хорошо играть, нужно многое пережить. Кто не помнит великого Аладара Цзанто? Недаром он провел в отшельничестве четырнадцать лет! Поставим вопрос ребром: даже будучи одаренным молодым человеком, как вы можете заинтересовать искушенных знатоков, если еще не посвятили достаточно времени размышлению о своих намерениях и возможностях?»

«Об этом можно судить, только услышав мою игру».

«Вы настолько уверены в себе? Хорошо, играйте. Учтите, однако, что я не заплачу ни гроша, если вы не привлечете дополнительный доход — в чем я сильно сомневаюсь».

«Я не рассчитываю ни на что, кроме крова и пищи», — сказал Этцвейн.

«Даже этого не могу обещать, пока сам вас не услышу. В Гарвии не слишком уважают иностранную музыку. Вот если вы умеете гипнотизировать жаб, декламировать похабные стишкы, танцевать, виляя задом и распевая злободневные куплеты, или одновременно вращать выпущенными глазами в противоположных направлениях — тогда другое дело!»

«Этих талантов я, к сожалению, лишен, — сказал Этцвейн. — Не сомневаясь в щедрости такого ценителя, как вы, вопрос об оплате я оставляю целиком на ваше усмотрение. У вас не найдется, случайно, хитана?»

«Вон в том шкафу, кажется, оставалась пара инструментов».

Прошло три дня. Этцвейн играл в таверне. Ему удалось развлечь публику и заслужить одобрение владельца заведения. Этцвейн не позволял себе никаких музыкальных излишеств, деликатно отбивая такт легкими ударами локтя по гремушке.

Вечером третьего дня, когда уже становилось поздно, на него что-то нашло. Рассеянно набрав ряд аккордов, как за-

правский друидийн, размышляющий о былом, Этцвейн сыграл задумчивую мелодию, повторил ее в минорном ладу. «Если настоящая музыка порождается опытом, — думал он, — у меня есть о чем рассказать». Бессспорно, ему то и дело не хватало сдержанности — увлекаясь, он чересчур нажимал коленом на рычажок, придававший струнам металлическую звонкость. Заметив чрезмерную резкость тембра, Этцвейн внезапно растворил ее, прервавшись посреди фразы, мягкими, приглушенными пассажами.

В таверне стало тихо — публика явно прислушивалась. До сих пор Этцвейн играл для себя, но теперь вспомнил, где находится. Смутившись, он поспешно закончил импровизацию традиционной каденцией. Этцвейн боялся поднять глаза и посмотреть вокруг — удалось ли ему передать другим то, что нельзя сказать словами? Или слушатели снисходительно улыбались причуде зазнавшегося юнца? Отложив хитан, Этцвейн встал со стула.

И очутился лицом к лицу с Фролитцем, не то усмехавшимся, не то горько опустившим уголки рта: «Браво! Полюбайтесь на новоявленного друидийна! Он тут, понимаете ли, поражает воображение постоянцев неслыханными фантазиями, а его дряхлый учитель все глаза проглядел, встречая гондолы в Брассеях — не соизволит ли наконец вернуться господин виртуоз?»

«Я все объясню», — сказал Этцвейн.

«Твоя матушка здорована?»

«Она умерла».

«Умерла... неудачно получилось, конечно». Фролитц почесал нос, отхлебнул полкружки пива, посмотрел через плечо: «Труппа со мной. Будем играть?»

На следующее утро Этцвейн (снова в дорогом костюме) направился на площадь Корпорации, к малиновому фасаду ведомства жалоб и прошений. С левой стороны стены объявлений к атласной бордовой ткани с подшивкой прикалывали серые карточки с ответами на жалобы, поданные за пять флошинов: приказы о прекращении несущественных тяжб, постановления о возмещении убытков и обычные отказы приез-

жим, обвинявшим местные власти в незаконных притеснениях. В средней части стены висели листы бледно-зеленой веленевой бумаги, прикрепленные к ткани булавками из зеленого стекла, имитировавшими неограненные изумруды: решения по делам просителей, заплативших по сто флоринов. Справа, на листах тонкого пергамента в черно-лиловом обрамлении, объявлялись ответы подателям петиций, приобретенных за пятьсот флоринов. Пергаментных листов было только три.

Переходя площадь, Этцвейн с трудом сохранял спокойствие — под конец он почти бежал.

Остановившись в двух шагах от стены объявлений, Этцвейн стал внимательно читать крупный текст в фигурных черно-лиловых рамках. Первый документ гласил:

«Владетель Фиатц Эргольд, воззвавший к заступничеству АНОМЕ с обжалованием чрезмерно сурового приговора, вынесенного судом в кантоне Амаз по делу его сына и наследника, достопочтенного Арлета, да внелмлет! АНОМЕ запросил протокол судебного разбирательства и рассмотрит дело. Указанное в петиции наказание представляется несоразмерным проступку. Тем не менее, владельцу Эргольду должно быть известно, что действия, считающиеся всего лишь неприличными или неуместными в одном кантоне, могут подлежать смертной казни в другом. Несмотря на искреннее сочувствие владельцу Фиатцу Эргольду, АНОМЕ, в равной степени справедливый ко всем, не может препятствовать отправлению правосудия, если суд ни в чем не отступил от кантональных законов. Тем не менее, АНОМЕ обратится к суду с просьбой о смягчении наказания в той мере, в какой это допускается процессуальными правилами».

Во втором документе значилось:

«Благородной госпоже Казуэле Адрио сообщается, что АНОМЕ хорошо понимает причину ее негодования, но не склонен применить в отношении господина Андрея Симица потребованное ею наказание, так как последствия действий господина Симица не относятся к категории ущерба, подлежащего возмещению по закону, и вместе с тем необратимы, т. е. быстротечная кончина господина Симица не принесет госпоже Адрио никакой пользы».

Третий документ содержал ответ Этцвейну:

«Вниманию уважаемого господина Гастеля Этцвейна и других почтенных граждан Шанта, выразивших беспокойство по поводу бандитов-рогушкоев, обосновавшихся в Хванских Дебрях: АНОМЕ рекомендует сохранять спокойствие. Эти отвратительные создания не посмеют показываться в населенной местности, их развратные набеги и грабежи не грозят лицам, предусмотрительно принимающим меры предосторожности и надлежащим образом охраняющим свои жизнь и имущество».

Этцвейн наклонился к стене объявлений, раскрыв рот от изумления. Бессознательным жестом, свойственным всем жителям Шанта в минуты недобрых размышлений о Человеке Без Лица, он поднял руку и прикоснулся к ошейнику, прочитал объявление второй, третий раз. Сомнений не было — таково было напутствие Аноме. Дрожащей рукой Этцвейн потянулся к листу, чтобы сорвать его, но сдержался. Пусть висит, пусть все читают! Более того... Он достал из кармана самопишущее перо и быстро написал на пергаменте:

«Рогушкои — убийцы, чудовища! Наши дома жгут, наших женщин насилуют, детям разбивают головы о камни, а Человек Без Лица говорит: «Не волнуйтесь, все будет хорошо»!

Рогушкои плодятся и размножаются, вытесняя мирных жителей, а Человек Без Лица говорит: «Уступите им дорогу»!

Вайано Паицифьюме разговаривал с врагами по-другому!»

Этцвейн отпрянул от стены объявлений, внезапно смущившись. Поступок его был почти равносителен подстрекательству к мятежу — а в таких случаях Человек Без Лица редко проявлял терпимость и понимание. Гнев снова бросился ему в голову: подстрекательство, несдержанность, непокорность? А как иначе? Самоуспокоительное бездействие властей могло вызвать возмущение у кого угодно! Этцвейн озирался — тревожно, но с вызовом. Никто из прохожих не обращал на него особого внимания. Этцвейн заметил человека, медленно переходившего площадь с задумчиво опущенной головой. Ифнесс? Так точно, Ифнесс — он шел в каких-то двадцати шагах от стены объявлений, но, казалось, не видел никого вокруг. Подчинившись внезапному порыву, Этцвейн побежал и догнал его.

Ифнесс обернулся без удивления. Этцвейну невозмутимое спокойствие меркантилиста показалось слегка наигранным.

«Я вас увидел... решил, что было бы невежливо не поздороваться», — недружелюбно, с каким-то упреком сказал Этцвейн.

«Очень приятно, — кивнул Ифнесс. — Как продвигаются ваши дела?»

«Неплохо. Я снова играю с маэстро Фролитцем, в таверне гостиницы «Фонтеней». Заходите как-нибудь послушать».

«Зашел бы с удовольствием — но, к сожалению, в ближайшее время буду очень занят. Вижу, вы решили одеться по

местной моде», — Ифнесс вопросительным взглядом оценил новый наряд Этцвейна.

Этцвейн нахмурился: «Пустяки, тряпки. Зря выбросил деньги».

«А ваша петиция Человеку Без Лица? Вы получили ответ?»

Этцвейн холодно воззрился на меркантилиста, подозревая, что скрытный Ифнесс притворяется из любви к искусству — не мог же он не узнать знакомого у стены объявления, проходя рядом по полупустой площади! Тщательно выбирая слова, Этцвейн ответил: «Я купил петицию за пятьсот флоринов. Ответ вывесили — он на стене».

Они вместе подошли к бордовой атласной панели. Ифнесс читал, слегка выдвинув голову вперед.

«Хм», — произнес он. Потом резко спросил: «Кто приписал замечания снизу?»

«Я».

«Что?! — Ифнесс Иллинэт кричал, Этцвейн никогда не видел его в таком волнении. — Да вы понимаете, что за нами следят в телескоп из здания напротив? Сперва вы расписываетесь в неблагонадежности на публичном объявлении, бесполезно рискуя жизнью, потом останавливаете меня посреди площади, у всех на виду, и вовлекаете в разговор? Теперь меня считают вашим сообщником! Вам не сносить головы — неужели не ясно? Ошейник взорвется через считанные минуты. Теперь и я в опасности!»

Этцвейн хотел было с горячностью оправдываться, но Ифнесс удивил и остановил его, быстро приложив палец ко рту: «Ведите себя естественно, без видимого напряжения, не жестикулируйте. Спокойно пройдите к Гранатовым воротам и продолжайте медленно идти дальше. Я вас догою: нужно сделать несколько приготовлений».

В голове у Этцвейна кружилось — он перешел площадь, стараясь, по возможности, придавать походке непринужденность. Проходя мимо управления Эстетической Корпорации, он взглянул на окна, откуда, по утверждению Ифнесса, велось наблюдение в телескоп. Почти полусферический выступ из необычно светлого, прозрачного стекла, прямо напротив

стены объявлений, вполне мог служить линзой. Вряд ли Человек Без Лица собственной персоной просиживал часы, прижавшись глазом к объективу — этим, разумеется, занимался бдительный чиновник. Телескоп, конечно же, позволял различить цвета на ошейнике Этцвейна. Внимание шпиона было приковано к автору подозрительной дорогой петиции — видели, как он писал крамольные замечания, видели, как он встретился и говорил с меркантилистом... если верить заявлению Ифнесса. «По меньшей мере, — думал Этцвейн, — мне наконец удалось вывести Ифнесса из состояния надменной безмятежности».

Этцвейн прошел под Гранатовыми воротами, получившими такое прозвище за украшавшие их рельефные гирлянды фруктов из темно-алого стекла, и двинулся дальше по проезду Сервена Айро.

Ифнесс догнал его: «Возможно, ваши действия останутся без последствий. Но я не стал бы рисковать даже одним шансом из десяти».

Этцвейн отозвался угрюмо и резко: «Мои действия объяснимы, чего нельзя сказать о ваших».

«Вы предпочитаете потерять голову?» — самым елейным тоном спросил Ифнесс.

Этцвейн неопределенно крякнул.

«Слушайте меня внимательно, — сказал Ифнесс Иллинэт. — Человека Без Лица скоро поставят в известность о вашей проделке. Почти наверняка он оторвет вам голову — как уже поступили с тремя людьми, настоятельно требовавшими обуздания рогушкоев. Предлагаю предотвратить вашу бревеннную кончину. Кроме того, я намерен выяснить, кто именно выполняет функции Аноме, и принудить этого человека изменить политику».

Этцвейн обернулся к спутнику с ужасом и уважением: «Вы способны это сделать?»

«Попытаюсь. И ваша помощь может оказаться полезной».

«Что заставляет вас строить такие планы? Весьма неожиданно для агента купеческой ассоциации!»

«Что заставило вас подать петицию за пятьсот флоринов?»

«Мои мотивы вам известны», — упорствовал Этцвейн.

«Именно так, — кивнул Ифнесс. — Поэтому вам можно доверять. Идите быстрее, за нами нет хвоста. Направо, к Старой Ротонде».

Покинув стеклянные теснины центра, они прошли полкилометра на север по проспекту Фазаренских Директоров, свернули в переулок, затененный сине-зелеными живыми изгородями, и прокользнули в узкий проем — к коттеджу с фасадом, выложенным бледно-голубой плиткой. Ифнесс открыл замок, пропустил Этцвейна внутрь: «Быстро, снимайте куртку!»

Мрачный Этцвейн молча стянул с себя тунику. Ифнесс указал на кушетку: «Ложитесь лицом вниз».

Этцвейн снова подчинился. Ифнесс подкатил стол на роликах. На столе позвякивали инструменты — целый набор инструментов. Этцвейн приподнялся было, чтобы рассмотреть их получше, но Ифнесс коротко приказал ему лечь: «Теперь, если хотите жить, не двигайтесь!»

Ифнесс Иллинэт зажег яркую лампу, прихватил ошейник Этцвейна небольшой струбциной, продел металлическую полоску между ошейником и кожей Этцвейна, закрепил на концах полоски подковообразное устройство и прикоснулся к кнопке. Устройство тихо загудело. Этцвейн почувствовал щекотку вибрации. «Металл лишен электрической проводимости. — сказал Ифнесс, — Можно безопасно снять ошейник». Включив тихо журжащую миниатюрную дисковую пилу с рукояткой, меркантилист разрезал по окружности, как масло, флекситовую оболочку ошейника, отложил пилу, раздвинул края разреза и вытащил острогубцами начинку — похожую на прокладку трубку из мягкого черного материала: «Декокс удален». Ифнесс повозился во внутреннем замке ошейника острым крючком на конце металлического стержня — блестящее кольцо раскрылось и упало с шеи Этцвейна.

«Человек Без Лица бессилен казнить вас или миловать: вы свободны!» — изрек Ифнесс Иллинэт.

Этцвейн растер шею ладонью — шея казалась голой, беззащитной. Поднявшись с кушетки, он медленно перевел взгляд с ошейника на лицо Ифнесса: «Как вы научились...»

«Вы помните, конечно, что я собрал шесть ошейников на Гаргаметовом лугу. Я внимательно разобрался в их устройстве». Ифнесс продемонстрировал Этцвейну внутренность ошейника: «Здесь контакты кодированного приемника. Вот детонирующее реле. Когда Человек Без Лица передает сигнал, содержащий код, реле замыкается на волокно декокса, взрывчатка детонирует, и голова летит с плеч. Здесь — автоответчик. Благодаря ему Аноме в любую минуту мог узнать, где вы находитесь. Теперь автоответчик не работает. В полостях обода, насколько я понимаю — энергетические аккумуляторы».

Нахмутившись, Ифнесс Иллинэт стоял и смотрел на лежащее перед ним устройство так долго, что Этцвейн устал ждать и надел тунику.

В конце концов Ифнесс прервал молчание: «Если бы я был Человеком Без Лица, у меня были бы все основания подозревать заговор, причем я считал бы, что Гастель Этцвейн, скорее всего, не самый влиятельный из заговорщиков. Поэтому я не стал бы сразу отрывать Этцвейну голову, но воспользовался бы автоответчиком, чтобы найти Этцвейна и проследить за его передвижениями».

«Разумное предположение», — неохотно согласился Этцвейн.

«В связи с чем, — продолжал Ифнесс, — я присоединю к вашему ошейнику зуммер. Если Человек Без Лица попытается определить ваше местопребывание, нас об этом предупредит тихий звуковой сигнал». Ифнесс хлопотливо занялся приготовлениями: «Не принимая сигнал автоответчика, Аноме вынужден будет допустить, что вы покинули город, а мы узнаем наверняка, интересуется ли правительство лично Гастелем Этцвейном. Меньше всего я хотел бы возбудить в Аноме какие-либо опасения или подозрения».

Этцвейн задал наконец вопрос, давно не дававший ему покоя: «Каковы, в действительности, ваши намерения? Чего вы хотите?»

«Трудно сказать, — пробормотал Ифнесс Иллинэт. — Я озадачен происходящим больше вашего».

На Этцвейна сизошло озарение: «Вы — паласедрийский шпион! Вы здесь для того, чтобы следить за успехами рогушкоев!»

«Неправда, — усевшись на кушетку, Ифнесс поднял на Этцвейна бесстрастные глаза. — Так же, как и вы, я не могу понять, откуда взялись рогушкои и почему Человек Без Лица игнорирует их набеги. Как и вы, я вынужден действовать — и тем самым, подобно вам, нарушаю свои законы».

«И что же вы собираетесь предпринять?» — осторожно спросил Этцвейн.

«Прежде всего необходимо установить личность Человека Без Лица. Дальнейшие шаги будут зависеть от обстоятельств».

«Вы заявляете, что не работаете на летучих герцогов. Одного заявления недостаточно — почему нет?»

«Вспомните, что я делал в Сумрачной долине. Разве я вел себя, как паласедрийский шпион?»

Этцвейн задумался. Действительно, нельзя было утверждать, что на Гаргаметовом лугу Ифнесс способствовал интересам Паласедры. А инструменты на столе? Чудесной работы вещи, из блестящего металла и редчайших, невиданных материалов — таких не было даже в Паласедре! «Вы не могли родиться в Шанте. Если вы не паласедриец, кто вы?»

Ифнесс Иллинэт откинулся спиной к стене с выражением невыносимой скуки на лице: «Неотвязно, с упорством деревенского пьяницы вы заставляете меня делиться сведениями вопреки моим правилам и предпочтениям. Теперь ваше сотрудничество может оказаться полезным, и я вынужден уступить — в какой-то мере. Вы заметили, что я не уроженец Шанта. Верное наблюдение. Я землянин, стипендиат-корреспондент Исторического института. Вам что-нибудь стало яснее или понятнее от того, что вы это знаете?»

Этцвейн вперил в лицемера яростный взгляд: «Земля существует?»

«Еще как!»

«Что вы делаете в Шанте?»

В скучающем голосе Ифнесса появилась нотка нетерпения: «Беженцы, прибывшие на Дердейн девять тысяч лет то-

му назад, вели себя скрытно и эксцентрично: они нарочно со-жгли за собой мосты, затопив звездолеты в Пурпурном океа-не. На Земле Дердейн давно забыли — но только не в Истори-ческом институте. Я — очередной корреспондент Института на Дердейне. Насколько мне известно, до сих пор еще никто из историков не нарушал первую заповедь Института: «Кор-респонденту запрещено вмешиваться в дела изучаемого ми-ра». Институт занимается исключительно сбором информа-ции, исследователь обязан ограничиваться пассивным наблю-дением. Мои действия в отношении Человека Без Лица — во-пиюющее нарушение всех правил. С точки зрения руководства Института я — преступник».

«Зачем же вы взяли на себя труд нарушить правила? — продолжал допрос Этцвейн. — Из-за рогушкоев?»

«Вам незачем знать о моих побуждениях. Ваши интересы, по крайней мере до поры до времени, совпадают с моими. Не желаю вдаваться в дальнейшие разъяснения».

Этцвейн развернулся прическу пальцами, медленно опус-каясь на другую кушетку напротив Ифнесса: «Ну и дела, ни-когда бы не поверил!» Он с подозрением покосился на исто-рика: «А другие земляне на Дердейне есть?»

Ифнесс отрицательно покачал головой: «Корреспондентов мало, планет много».

«Как вы прилетели? Как вернетесь на Землю?»

«Опять же, предпочел бы не распространяться на эту те-му».

Раздраженный Этцвейн не успел ответить — его ошейник испустил резкий звенящий писк. Ифнесс вскочил на ноги и во мгновение ока оказался у ошейника: зуммер замолчал. Насту-пила тяжелая, неприятная тишина. «Где-то, — подумал Этц-вейн, — Человек Без Лица недовольно отвернулся от прибо-ров».

«Превосходно! — заявил Ифнесс. — Вами интересуется Аноме. Остается узнать, кто он такой».

«Завидую вашей уверенности, — отозвался Этцвейн. — Как мы его найдем?»

«Тактическая задача — в свое время мы ее обсудим. В данный момент я хотел бы вернуться к занятию, прерванному нашей встречей на площади. Я собирался обедать».

Ифнесс и Этцвейн, надевший выпотрошенный ошейник, вернулись на площадь Корпорации. Здесь они держались под арками окружавшей площадь сводчатой галереи, стараясь не попадаться на глаза наблюдателю в управлении Корпорации. Этцвейн взглянул на бордовую стену объявлений: лилового документа в черной рамке уже не было. Он поделился наблюдением с историком.

«Еще одно свидетельство чувствительности Аноме, — безмятежно заметил Ифнесс. — Наша задача упрощается».

«Каким образом?» — возмутился Этцвейн. Высокомерие землянина становилось невыносимым.

Ифнесс огляделся по сторонам, поднял брови и тихо сказал тоном врача у постели больного: «Следует побудить Аноме к неосторожности. Охотник не замечает птицу, притаившуюся в листве, пока та не вспорхнет. Так и мы: нужно создать ситуацию, вынуждающую Человека Без Лица проверить обстоятельства самостоятельно, не полагаясь на благотворителей. Тот факт, что он снял ответ с вашими комментариями, означает, что вопрос о рогушкоях для него неудобен, щекотлив — возможно, даже опасен. Вероятность личного расследования с его стороны повышается».

Этцвейн сардонически хмыкнул: «Пусть так. Какую ситуацию вы предлагаете создать?»

«Об этом придется поговорить. Сначала давайте пообедаем».

Они заняли места в лоджии ресторана «Закоренелый язычник». Подали закуски. Ифнесс ни в чем себе не отказывал. Этцвейн, подозревая, что ему придется платить из своего кармана, обошелся обедом поскромнее. В конце концов, однако, Ифнесс рассчитался за двоих и откинулся на спинку кресла, прихлебывая десертное вино: «Итак, к делу. Человек Без Лица вежливо ответил на петицию, стоившую пятьсот флоринов, и проявил к вам интерес только после того, как вы выразили недовольство. Это позволяет откалибровать один из параметров».

Этцвейн не понимал, к чему клонит корреспондент Института.

Ифнесс рассуждал: «Мы должны держаться в рамках гарвийских законов, не предоставляя Эстетической Корпорации никакого повода к действию. Например, мы могли бы объявить о проведении публичной лекции о рогушкоях, посулив самые поразительные откровения. Человек Без Лица проявил беспокойство по поводу распространения такой информации. Вероятно, он достаточно заинтересуется и окажется в числе слушателей».

«Предположим, — согласился Этцвейн. — Кто будет читать лекцию?»

«Этот вопрос требует обстоятельного размышления, — заявил Ифнесс. — Вернемся в коттедж. Мне нужно снова изменить конструкцию вашего ошейника — чтобы он стал не только предупреждающим устройством, но и, так сказать, средством нападения».

Снова в коттедже, Ифнесс два часа работал над ошейником Этцвейна. Наконец он отложил инструменты: теперь пара малозаметных проводков соединяла ошейник с катушкой из пятидесяти витков, привязанной к куску плотного картона. «Антенна-пеленгатор, — пояснил Ифнесс. — Носите катушку под нижней рубашкой. Вибраторы в ошейнике известят вас о попытке узнать ваши координаты или оторвать вам голову. Поворачиваясь, вы сможете определить, откуда поступает сигнал — он максимально усилится, когда вы будете стоять лицом к Аноме. Позвольте надеть на вас ошейник».

Этцвейн подчинился без энтузиазма: «Дело дрянь, — ворчал он. — Мне предстоит служить наживкой».

Ифнесс Иллинэт позволил себе ледяную улыбку: «Что-то в этом роде. Теперь слушайте внимательно. Если вы почувствуете вибрацию с тыльной стороны шеи, значит, передан детонирующий сигнал. Поисковый сигнал вызовет вибрацию справа. В любом случае постарайтесь сразу повернуться так, чтобы вибрация стала максимальной. Человек, передающий сигнал, будет прямо перед вами».

Этцвейн мрачно кивнул: «А вы?»

«Со мной будет сходное устройство. Если повезет, вместе мы успеем запеленговать источник сигнала».

«А если не повезет?»

«Откровенно говоря, думаю, что ничего не получится. Трудно рассчитывать на удачу с первой попытки. Даже если мы вспугнем дичь, другая птица может вспорхнуть в тот же момент и спутать наши планы. Так или иначе, я возьму с собой камеру. По меньшей мере у нас будет точная запись про-исходившего».

Глава 10

По всему Гарвию, в местах, предназначенных для публичных объявлений, висели большие плакаты, напечатанные коричневым и черным шрифтом на белой бумаге с желтым бордюром — цвета символизировали страшные, судьбоносные вести с жуткими сенсационными подробностями:

«РОГУШКОИ РАЗОБЛАЧЕНЫ!
Бешеные дикари, грабители, насильники, оскверняющие нашу землю — кто они? Откуда? Зачем?
ОТВАЖНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК (ПОЖЕЛАВШИЙ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ) ТОЛЬКО ЧТО ВЕРНУЛСЯ ИЗ ХВАНА. ОН ПОВЕДАЕТ О ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ И ВЫСКАЖЕТ ЕЩЕ БОЛЕЕ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ! КТО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУЙНОЙ ЗАРАЗЫ? СПЕШИТЕ УСЛЫШАТЬ НЕВЕРОЯТНОЕ ОБВИНЕНИЕ!

КЬЯЛИСДЕНЬ,
ШЕСТЬ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ
ПАВИЛЬОН ОБЩЕСТВЕННЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ
ПАРК ПАНДАМОНОВ».

Плакаты наклеили на сотнях досок объявлений, и даже столичные жители стали их читать, замечая одну и ту же надпись на трех или четырех углах. Ифнесс остался доволен произведенным эффектом: «Человек Без Лица не сможет нас игнорировать. И в то же время мы не подаем повода для вмешательства — ни ему, ни Корпорации».

Этцвейн отвечал с угрюмым сарказмом: «Почему бы вам самому не выступить в роли «отважного путешественника, пожелавшего оставаться неизвестным»?»

Ифнесс весело рассмеялся — без всякого смущения: «Как? Друидийн-виртуоз Гастель Этцвейн боится публичного выступления? Вы предпочли бы, чтобы в тавернах за вас играл кто-нибудь другой?»

«Это совсем не то».

«Не спорю. Но в качестве «отважного путешественника» я не смог бы пользоваться камерой. Вы хорошо запомнили текст?»

«Настолько, насколько требуется! — рычал Этцвейн. — Честно говоря, я не нанимался плясать под вашу дудку. Чего доброго, схватят меня дискриминаторы¹⁸ и сошлют в колодках на остров Каменотесов, пока вы будете рассиживать в «Закоренелом язычнике» и пробовать заливных строматов с омлетом из яиц бельджамарского ингера».

«Маловероятно, — обронил Ифнесс. — Возможно, но маловероятно».

Этцвейн проворчал нечто невразумительное. В амплуа «отважного путешественника» он носил широченную тяжелую папаху на черном меху и холщовые штаны песчаного цвета, заправленные в черные сапоги — наряд шкорийского горца. Эмблема музыканта на ошейнике нисколько не противоречила роли искателя приключений. Стройный, подтянутый, с проницательным и нервным лицом, в горском костюме Гастель Этцвейн выглядел лихо, экстравагантно. Незаметно для него самого одежда влияла на походку и манеры, даже на образ мыслей. Ему не нужно было притворяться, чтобы производить впечатление видавшего виды странника, чуждого городской суete. Ифнесс Иллинэт, в темно-серых брюках, свободной белой рубашке и мягкой серой куртке, оставался самим собой. Даже если землянина что-то беспокоило, внешность его не позволяла об этом судить. Этцвейн, напротив, с трудом сдерживал волнение.

¹⁸ Дискриминаторы («ави стиои» на языке Шанта, буквально «чуткие избиратели»): полиция Эстетической Корпорации.

Они прибыли в парк Пандамонов за полчаса до начала лекции.

«Сегодня в парке людно, — заметил Ифнесс. — Заранее собираются, конечно, приезжие зеваки. Настоящий столичный житель не торопится на представление. Обыватели, заинтригованные назревающим скандалом, явятся за минуту до начала лекции».

«Что, если никто не придет?» — с меланхолической надеждой спросил Этцвейн.

«Придут, придут, — успокоил его Ифнесс, — в том числе Человек Без Лица. Ему-то предстоящий спектакль, разумеется, не по душе. Он может даже выставить дискриминатора у павильона, чтобы припугнуть лектора. Подозреваю, однако, что сначала он вас выслушает, а потом уже будет действовать смотря по обстоятельствам. Необходимо раздосадовать его или испугать настолько, чтобы он нажал кнопку и передал детонирующий сигнал».

«Но голова-то не оторвется!»

«Замыкающие реле ошейников изредка отказывают. Аноме подумает, что реле неисправно и повторно передаст тот же сигнал, потом захочет проверить передатчик и нажмет кнопку поиска. Тогда вы почувствуете вибрацию справа — помните?»

«Да-да, — бормотал Этцвейн. — Надеюсь, разочарованный отсутвием взрыва, он не разрядит в меня пистолет».

«Приходится рисковать... Осталось двадцать минут. Да-вайте-ка отойдем в тень и повторим текст вашей лекции».

Стеклянный колокол городских часов пробил шесть раз. Из-под деревьев на площадку павильона вышел «отважный путешественник». Не оглядываясь по сторонам, он приблизился к возвышению сцены размашистыми, но строгими шагами, поднялся на трибуну по ступеням молочного стекла — и нагнулся, чтобы прочитать извещение в пурпурной рамке, лежавшее на зеленом стекле пюпитра:

«Ваше объявление заинтересовало АНОМЕ.
Он призывает к сдержанности — чрезмерная

откровенность может повредить ходу некоторых тайных правительственныех расследований. По мнению АНОМЕ, рогушкой — докучливые бесстыдники, шайка сомнительной репутации, в последнее время уже не создающая, однако, серьезной опасности. Правильно проинформированный гражданин подчеркнет в своем выступлении малозначительный, преходящий характер проблемы или даже предпочтет обсудить другой вопрос, более занимательный и полезный для широкой аудитории».

Этцвейн отложил извещение и обвел взглядом лица собравшихся. На скамьях перед трибуной разместилось не меньше сотни людей. Вокруг, на площадке, столпились пришедшие позже — тоже не меньше сотни. Неподалеку, по левую руку, стоял Ифнесс, спрятавший копну мягких белых волос под капюшоном уличного торговца. Благодаря какому-то удивительному изменению позы землянин теперь ничем не выделялся среди уроженцев Гарвия. Человек Без Лица — неужели он здесь? Этцвейн переводил глаза с одной физиономии на другую. Прямо напротив — скуластый аскет со впалыми щеками, гладкими черными локонами и горящими глазами. Аноме? Дальше, в толпе — коротышка с большой круглой головой и тонким, презрительным ртом. Он? Или красавчик-эстет в зеленом плаще, с аккуратно подстриженной, окладистой темной бородой? Суровый старик в матово-сливовом одеянии посредника Эклектического Божества? Еще лицо, за ним другое — всюду внимательные, настороженные глаза...

Помолчав еще несколько секунд, Этцвейн заставил себя собраться и распрямиться. Слушатели ждали. Взявши руки за края трибуны, Этцвейн чуть наклонился вперед и заговорил — извещение Аноме побудило его изменить подготовленный текст: «В объявлении я сулил поразительные вести — и выполню обещание сейчас же».

Этцвейн повысил голос: «Достопочтенный Аноме лично проявил интерес к моим наблюдениям — внемлите же его со-

вету!» Этцвейн прочел правительственные извещение нарочито торжественным тоном. Подняв глаза, он заметил, что аудитория существенно оживилась — на него смотрели с удивлением и ожиданием. Ифнесс внимательно изучал толпу и, пользуясь неприметной маленькой камерой, то и дело фотографировал.

Нахмутившись, Этцвейн продемонстрировал прочтенный документ: «Судя по всему, Аноме придает большое значение моим намерениям. Очень рад — тем более, что другие корреспонденты явно вводили его в заблуждение. Преходящая, малозначительная проблема? Докучливые бесстыдники? Советую Аноме оторвать голову тем, кто его обманывает. Рогушкои угрожают всем, в том числе каждому из присутствующих. Они не «шайка сомнительной репутации» — Аноме не знает, о чем говорит! Это беспощадные, хорошо вооруженные бойцы, и вдобавок сексуальные маньяки. Вас интересуют их привычки? Они не совокупляются, как люди — оплодотворенная рогушкоем женщина спит до тех пор, пока у нее не родится гурьбой дюжина детенышей-чертенят, после чего она больше не может забеременеть от мужчины, но способна произвести на свет еще дюжину рогушкоев. Каждая женщина, живущая в Гарвии, может стать матерью двадцати четырех или даже сорока восьми меднокожих бесов!

Хванские Дебри кишат рогушкоями. В кантонах, граничащих с Хваном, давно считают, что рогушкоев подослали из Паласедры.

Достойная удивления ситуация, не правда ли? Почтенные, уважаемые граждане умоляли Аноме истребить кровожадную нечисть. Аноме им отказал — более того, оторвал им головы! Почему? Спросите себя. Почему Человек Без Лица, защитник Шанта, подчеркнуто игнорирует гибельное вторжение врага?»

Ошейник задрожал у Этцвейна под затылком — сработало детонирующее реле. Человек Без Лица гневался! Этцвейн тут же повернулся из стороны в сторону, пытаясь уловить, в каком положении сигнал принимается сильнее. Но дрожь прекратилась прежде, чем он успел определить направление. Этцвейн сжал кулак левой руки — подал знак землянину.

Ифнесс кивнул и стал наблюдать за толпой с удвоенным вниманием.

Этцвейн продолжал: «Почему Человек Без Лица старается затушевать угрозу и затыкает рот тем, кто о ней говорит? Зачем он направил мне извещение, призывающее к «сдержанности»? Друзья мои, я только задаю вопросы, но не спешу на них ответить. Неужели Человек Без Лица...»

Вибрация возобновилась. Этцвейн повернулся туда-сюда, но снова не мог с уверенностью сказать, кто из слушателей пытался его казнить. Прямо перед ним сидел человек в зеленом плаще, исподлобья следивший за оратором неподвижными холодными глазами.

Затея с пеленгующей антенной завершилась провалом — по крайней мере, в том, что касалось детонирующего сигнала. Незачем было провоцировать Аноме сверх всякой меры — правитель мог решиться на открытое убийство. Этцвейн направил речь в менее крамольное русло: «Неужели Человек Без Лица одряхлел и поглупал настолько, что потерял представление о реальности? Может быть, он болен? Не пора ли ему передать полномочия и обязанности энергичному, решительному преемнику?»

Наблюдая за реакцией слушателей, Этцвейн видел, что они разочарованы. Многие озирались, наблюдая за соседями — так же, как и Этцвейна, их больше интересовала реакция других, свои выводы они уже сделали.

Подняв над головой извещение в лиловой рамке, Этцвейн произнес фальшивым тоном проказника, изображающего примерное послушание: «Уважение к Аноме не позволяет мне продолжать разглашение тайн. Могу сказать только то, что рогушкои пугают не меня одного. Я говорю от имени группы, посвятившей себя обеспечению безопасности Шанта. Теперь мне предстоит отчитаться перед ними. Через неделю я выступлю снова — надеюсь, что тогда мне удастся привлечь желающих к участию в нашей организации».

Провокатор спрыгнул с возвышения и сразу, чтобы избежать праздных расспросов, быстрыми шагами отправился туда, откуда явился. На ходу Этцвейн прикоснулся к переключателю на ошейнике, чтобы привести в действие автоответ-

чик. Оказавшись за стволами деревьев, он оглянулся. Не спеша, за ним следовал эстет в зеленом плаще. За эстетом, столь же непринужденно, шел Ифнесс Иллинэт. Этцвейн поспешил дальше. Ошейник задрожал с правой стороны — кто-то передал поисковый сигнал.

Этцвейн направился прямо к выложенному голубой плиткой коттеджу на северной окраине Гарвия.

Он шел по улице Элемайра, к востоку от площади Корпорации, когда ошейник снова задрожал. Вибрация повторилась после того, как Этцвейн свернул на проспект Фазаренских Директоров, и возобновилась в затененном живыми изгородями переулке. Скрывшись в коттедже, Этцвейн снял неудобный черный плащ, расстегнул ошейник и положил его на стол. Покинув коттедж с заднего крыльца, он встал за углом так, чтобы можно было видеть переулок.

Прошло полчаса. В переулке показался человек в темно-зеленом плаще, прикрывший голову капюшоном. Незнакомец вел себя настороженно, постоянно озирался. Он держал какой-то предмет и время от времени подносил его к глазам. Дойдя до проема в живой изгороди, ведущего к коттеджу, незнакомец сразу остановился — прибор в его руке уловил эхосигнал автоответчика в ошейнике Этцвейна.

Удостоверившись в том, что вокруг никого нет, незнакомец заглянул в узкий проем изгороди. Крадучись, как вор, он проскользнул в проем и спрятался за стволом известкового дерева. Этцвейн уже стоял там же — и набросился на спину незваному гостю. Тот оказался необыкновенно силен. Вцепившись в коренастого противника обеими ногами и левой рукой, правой Этцвейн успел достать иглу-пипетку, предусмотрительно предоставленную Ифнессом, воткнуть ее в шею шпиону и сжать пальцами мешочек на тупом конце иглы.

Незнакомец тут же обмяк — через секунду он упал на четвереньки.

Подоспел Ифнесс. Вдвоем они отнесли вяло дышащего пленника в коттедж. Ифнесс сразу принялся за дело и удалил ошейник незнакомца. Этцвейн выключил свой автоответчик.

Землянин издал возглас сожаления — в ошейнике шпиона оказалась черная трубчатая прокладка декокса. Ифнесс вытащил ее и разглядывал с недовольством, похожим на отвращение.

Когда пленник пришел в себя, его кисти были крепко связаны. «Получается, что вы — не Человек Без Лица», — сообщил ему Ифнесс.

«Никогда не претендовал на это звание», — невозмутимо отвечал незнакомец.

«Кто же вы?»

«Гарстанг Аллингенен, директор Корпорации Эстетов».

«То есть вы служите Человеку Без Лица».

«Мы все ему служим».

«Учитывая ваше поведение, а также наличие у вас кодирующего передатчика-пеленгатора, можно предположить, что вам Аноме доверяет больше, чем другим».

Ифнесс поднял со стола прибор, найденный в плаще Гарстанга — увесистый металлический брускок чуть больше ладони в длину, чуть меньше в ширину, толщиной в два пальца. Сверху из бруска выступали ряды разноцветных штырков-переключателей, под ними десять плоских прямоугольных индикаторов светились цветами эмблемы ошейника Этцивойна.

Под индикаторами, справа, находилась круглая желтая кнопка, цвета смерти. Рядом, слева, была такая же кнопка — «невидимого» красного цвета, в данном случае символизировавшего поиск скрывающегося, то есть «невидимого» человека.

Ифнесс опустил прибор на стол: «Как вы это объясняете?»

«Объяснение очевидно».

«Желтая кнопка?» — поднял брови Ифнесс.

«Детонация».

«Красная?»

«Поиск».

«Какую должность вы занимаете?»

«Вам это уже известно. Я — благотворитель на службе Человека Без Лица».

«Когда вы должны представить отчет?»

«Примерно через час», — Гарстанг отвечал без задержки, ничего не выражаящим голосом.

«Вы лично отчитываетесь перед Аноме?»

Гарстанг холодно усмехнулся: «Разумеется, нет. Я отчитываюсь перед сетчатым экраном речевой связи. Инструкции получаю с помощью того же устройства или по почте».

«Сколько благотворителей работают на Аноме?»

«Мне говорили, что есть еще один».

«Только двое благотворителей и Человек Без Лица пользуются кодирующими передатчиками?»

«Мне неизвестно, каким оборудованием пользуются другие».

Этцвейн вмешался: «Человек Без Лица и два благотворителя — три человека — контролируют весь Шант?»

Гарстанг пожал плечами со скучающим видом: «Если бы Аноме захотел, он мог бы справиться в одиночку».

Наступила кратковременная тишина. Ифнесс и Этцвейн рассматривали пленника, с иронической вежливостью поднявши брови в ответ, но нисколько не обескураженного. Этцвейн нарушил молчание: «Почему Человек Без Лица не выступит против рогушкоев?»

«Об этом я знаю не больше вашего».

Сдерживая гнев, Этцвейн обронил: «Завидное хладнокровие! Вы что, смерти не боитесь?»

Казалось, Гарстанг был искренне удивлен: «Не вижу причины опасаться за свою жизнь».

«Вы пытались меня убить. Почему вы рассчитываете на снисхождение?»

Благотворитель чуть отпрянул с презрительным замешательством: «Я не пытался вас убивать. На этот счет распоряжений не поступало».

Ифнесс поторопился поднять руку, умоляя Этцвейна сохранять спокойствие и соблюдать осторожность: «В чем именно состояли распоряжения?»

«Мне поручили явиться на собрание у павильона в парке Пандамонов, зарегистрировать цветовой код оратора и следо-

вать за ним к месту жительства, где я должен был собрать всю возможную информацию».

«Но вам не приказывали лишить оратора головы?»

Гарстанг начал было отвечать, но осекся — на лице его появилось лукавое выражение. Быстро взглянув сначала на Этцвейна, потом на Ифнесса, он насторожился и слегка помрачнел: «Любопытный вопрос!»

«Кто-то пытался оторвать мне голову, — сказал Этцвейн. — Если не вы, значит, Человек Без Лица».

Гарстанг пожал плечами, поразмышлял: «Вполне может быть. Я тут ни при чем».

«Допустим, — вежливо кивнул Ифнесс. — Но теперь у нас нет времени продолжать беседу. Мы должны подготовиться к встрече — вас будут искать, за вами придут. Пожалуйста, повернитесь ко мне спиной».

Гарстанг медленно поднялся на ноги: «Что вы собираетесь делать?»

«Усыплю вас. Скоро, если все будет хорошо, вас освободят».

Гарстанг отскочил в сторону и вскинул ногу, как танцов, застывший в неудачном прыжке. «Осторожно! — крикнул Этцвейн. — Ножной самострел!»

Хлопок! Вспышка! Взорвалась подвязка элегантных брюк Гарстанга, звякнуло треснувшее стекло. С глухим стуком Гарстанг рухнул на пол — мертвый. Ифнесс Иллинэт, мгновенно присевший на корточки, выхватил пистолет и выстрелил. Теперь он стоял и смотрел на тело благотворителя. Его лицо дергалось, морщилось — землянин не на шутку развелновался. «Я запятнал себя! — астматически сипел Ифнесс. — Уничтожил то, что клялся беречь!»

Этцвейн с отвращением крякнул: «Теперь вы распускаете юни над трупом убийцы. А когда я был на волосок от смерти, вы бездушно отвернулись».

Землянин повернулся к музыканту: желтовато-серые глаза его сверкнули недобрый огнем. Тем не менее, уже в следующий момент он говорил спокойно и ровно: «Что сделано, то сделано. Непонятно, однако, что вынудило благотворителя на отчаянный шаг? У него не было никаких шансов». Ифнесс

помолчал минуту. «Многое неясно, — бормотал историк. — С каждым днем новая загадка». Он подозвал Этцвейна повелительным жестом: «Обыщите тело и положите в сарай на заднем дворе. Мне нужно переоборудовать его ошейник».

Часом позже Ифнесс встал из-за стола: «В дополнение к взрывному и поисковому реле в ошейнике благотворителя был простой приемник-зуммер — очевидно, устройство срочного вызова. Я подсоединил еще один зуммер к поисковому реле. Когда Гарстанга начнут искать — надо полагать, в ближайшее время — мы об этом узнаем». Историк подошел к парной двери и распахнул ее. Солнца уже закатились за Ушкадель — на город опустились мягкие сумерки, пронизанные мириадами приглушенных цветных мерцаний.

«Теперь перед нами тактическая проблема, — сказал Ифнесс. — Во-первых, чего мы добились? Немалых успехов, как мне кажется. Гарстанг убедительно отрицал свое участие в попытках оторвать вам голову. Есть разумные основания подозревать в этих попытках самого Человека Без Лица. Следовательно, Аноме был в парке Пандамонов и запечатлен на фотографиях. В принципе, можно было бы заняться удостоверением личности каждого из примерно двухсот слушателей — трудоемкое и унылое предприятие.

Во-вторых: на что теперь решится Человек Без Лица? Он ждет отчета благотворителя. Упорное нежелание «отважного путешественника» терять голову по меньшей мере разожгло его любопытство. Не получив известий от Гарстанга, Аноме будет раздосадован, начнет беспокоиться. Гарстанг должен был передать отчет примерно час тому назад. Сигнала в его ошейнике следует ожидать с минуты на минуту. Гарстанг, разумеется, не отзовется. Человек Без Лица вынужден будет послать на поиски второго благотворителя — или заняться выяснением обстоятельств самостоительно, пользуясь автоответчиком Гарстанга в качестве ориентира.

Фактически, ситуация аналогична существовавшей сегодня утром. Теперь вместо «отважного путешественника», крамольных речей и опасных вопросов приманкой служит ошейник Гарстанга. Мы закинули удочку — остается следить за поплавком».

Этцвейн подозревал, что землянин нарочно упрощает дело и о многом умалчивает, но не мог ничего возразить — и вздрогнул, когда затянувшееся молчание прервал глуховатый, но отчетливый писк в ошейнике благотворителя, завершившийся четырьмя короткими, настойчиво чирикающими звуками.

Ифнесс многозначительно кивнул: «Так и есть — Гарстангу приказано немедленно выйти на связь. Пора идти. Котедж не дает никаких преимуществ». Он опустил ошейник Гарстанга в мягкую черную сумку, задержался, вернулся к столу и задумчиво упаковал несколько изящных инструментов.

«Если мы не поторопимся, по всей округе за каждым углом будет стоять дискриминатор», — ворчал Этцвейн.

«Вы правы, нужно спешить. Выключите автоответчик в своем ошейнике — если вы еще этого не сделали».

«Выключил, давно уже!»

Они вышли в переулок и повернули к тлеющим отсветами звезд и фонарей шпилям и многоярусным галереям гарвийского центра. За шпилями, на склонах чернее ночи, искрились и мерцали россыпи ушкадельских дворцов. Поспевая за Ифнессом по безлюдным темным улицам, Этцвейн чувствовал себя бестелесным призраком, догоняющим другое привидение — две зловещие тени, чуждые всему человеческому в Шанте, летели на шабаш.

«Куда мы идем?»

«На постоянный двор, в таверну — куда-нибудь, где можно незаметно наблюдать, не слишком выделяясь, — успокоительно мягким голосом отвечал Ифнесс. — Мы спрячем ошейник Гарстанга в укромном месте и посмотрим, кто явится его искать».

Снова Этцвейн не мог ничего возразить: «Дальше по набережной — гостиница «Фонтеней». Там играет Фролитц со своей труппой».

«Подходящее заведение, ничем не хуже любого другого. Кроме того, играя на хитане, лицом к посетителям, вам будет удобнее незаметно наблюдать за происходящим».

Глава 11

Из открытой двери таверны «Фонтеней» неслись звуки музыки. Этцвейн узнал подвижно-самодовольные переливы древорога Фролитца, аристократически сдержанной хитан Фордайса, весомые, как отдаленная канонада, щипки ультрабаса Мильке. Слезы навернулись на глаза Этцвейна, сердце сжалось щемящей тоской — былая жизнь, голодная, скучая, отмерявшая месяцы и годы редким звоном флорина, падавшего вечно закрытую на замок копилку, теперь казалась счастливой и беззаботной!

Они зашли внутрь и остановились в тени у входа. Ифнесс разглядывал таверну: «Куда ведет резная дверь?»

«В квартиру хозяина».

«А коридор за кухней?»

«К лестнице и заднему ходу».

«За спиной у Фролитца тоже какая-то дверь».

«Там кладовая, где музыканты держат инструменты».

«Подойдет. Спрячьте ошейник Гарстанга — зайдите в кладовую, чтобы взять инструмент, и повесьте ошейник внутри, где-нибудь у двери. Когда будете выходить...» Из черной сумки Ифнесса послышался писк. «Гарстанга ищут. Времени мало. Когда будете выходить, займите место рядом со входом в кладовую. Я сяду здесь, в углу. Если заметите что-нибудь достойное внимания, посмотрите прямо на меня, потом отвернитесь так, чтобы левое ухо было обращено к подозрительному посетителю. Проделайте это несколько раз — на тот случай, если я сразу не замечу. Я тоже буду занят... Напомните, как пройти к заднему ходу?»

«По коридору мимо лестницы — и направо».

Ифнесс кивнул: «Теперь вы музыкант — идите, играйте! Не забудьте ошейник».

Этцвейн взял ошейник покойного директора Корпорации, засунул его за пазуху и быстро подошел к Фролитцу, приветствовавшему ученика безразличным жестом. Этцвейн вспомнил, что расстался с маэстро только вчера — казалось, прошел целый месяц. Зайдя в кладовую, он повесил ошейник на гвозде рядом с дверью и прикрыл его чьей-то старой курткой. На полке в кладовой лежал его хитан, а с ним и тринголет, и древорог с драгоценными серебряными кольцами! Этцвейн вынес инструменты на сцену, пододвинул свободный стул и сел в двух шагах от двери в кладовую. Ифнесс Иллинэт горбился в углу таверны. Уныло-безобидной физиономией он напоминал счетовода или писца — никто не взглянул бы на него дважды. Друидийн, играя с труппой, полностью сливался с окружением. Этцвейн мрачно усмехнулся — в охоте на Человека Без Лица была абсурдная зеркальная логика.

Заметив, что Этцвейн настроил инструмент, Фордайс отложил хитан и взял басовый кларион. Фролитц одобрительно кивнул.

Этцвейн уделял игре лишь четверть внимания. Чувства его обострились необычайно. Все звуки в таверне достигали его ушей — каждая нота, каждая пауза, каждый мимолетный скрип, звон бокалов, стук кружек, смех, разговоры. И недовольный, нетерпеливый писк ошейника Гарстанга в кладовой. Взглянув в дальний угол таверны, Этцвейн встретился глазами с Ифнессом, приподнял левую руку так, будто собирался подтянуть струну хитана, и быстро указал большим пальцем на дверь кладовой. Ифнесс понял, кивнул.

Музыка смолкла. Фролитц обернулся: «Сыграем старый добрый анатолийский танец! Этцвейн...» — Фролитц объяснил, как он собирается менять гармонию в вариациях. Бармен принес кружки с пивом, музыканты освежились. Этцвейн подумал: вот где настоящая жизнь! Никаких интриг, никаких опасностей. Правда, оставались рогушки — оставался и Человек Без Лица. Этцвейн запрокинул и осушил кружку. Фролитц подал знак, труппа заиграла. Этцвейн положился на память — пальцы его бегали сами, глаза внимательно блуждали

по таверне. Сегодня владелец «Фонтенея» не мог пожаловаться — почти все столы были заняты. Большие малиновые линзы, высоко в темно-синей стеклянной стене, пропускали лучи наружных фонарей. Над стойкой бара висела пара светильных шаров, излучавших мягкое белое сияние. Этцвейн все видел, оценивал каждого — всех входящих в таверну, старика Альджамо, ловко отстукивавшего пальцами по пластинкам маримбы, красавицу, грациозно подсевшую к соседнему столу, раскрасневшегося Фролитца, уже слегка навеселе, неприметного Ифнесса. Какое лицо у Человека Без Лица? Узнает ли он в хитанисте за спиной Фролитца «отважного путешественника», возбудившего в нем такую ярость?

Этцвейн погрузился мыслями в прошлое. Насилием лжи, одиночеством и горем пропиталась его жизнь — единственной радостью осталась музыка. Его внимание невольно сосредоточилось на красавице, приглянувшейся раньше — судя по всему, из состоятельной семьи ушкадельских эстетов. Она оделась просто, но элегантно в длинное темно-розовое, почти красное платье с широким парчовым поясом, инкрустированным небольшими цветными камнями, в атласные туфельки под цвет платья, с подошвами из розового стекла. Темные волосы ее украшал серебряный обруч с двумя хрустальными подвесками, свисавшими от виска почти до шеи. Завороженный Этцвейн не мог оторвать взгляд от умного, серьезного лица. Девушка почувствовала внимание и встретилась с ним глазами. Этцвейн поспешил отвернуться, но теперь он играл для нее — сосредоточенно, энергично, рассыпаясь виртуозными пассажами, экстравагантно обогащая гармонию, заставляя хитан петь голосом зверя, превращающегося в человека. Фролитц с насмешливым испугом покосился через плечо: какая муха тебя укусила? Девушка наклонилась к спутнику, лет тридцати с небольшим, и что-то прошептала ему на ухо. Этцвейн раньше не замечал этого спутника — тоже, по-видимому, из касты эстетов. За спиной Этцвейна, из-за стены кладовой, раздался едва слышный, но отзывающийся писк, заставивший вспомнить о бдительности.

Девушка-эстетка и ее мрачный, скучающий спутник пересели за стол у сцены, рядом с Этцвейном.

Отзвучали заключительные аккорды. Девушка обратилась к Этцвейну: «Вы хорошо играете!»

«Я долго учился», — скромно улыбнулся Этцвейн. Отыскав глазами Ифнесса, он обнаружил, что историк недовольно хмурился — видимо, тот предпочитал, чтобы ближайший к кладовой стол оставался свободным. Этцвейн снова ткнул большим пальцем в сторону кладовой. Ифнесс едва заметно кивнул.

Фролитц обернулся: «Шутовской пляс!» Маэстро задал темп, часто вскидывая голову. Понеслась бесшабашная, разухабистая мелодия — взлетая вверх, срываясь вниз, с короткими паузами невпопад и синкопированными сильными долями. Роль Этцвейна сводилась, главным образом, к ритмически сложному, но гармонически простому сопровождению аккордами. Он успевал наблюдать за девушкой. Вблизи ее внешность только выигрывала. От нее исходил тонкий душистый аромат, кожа тихо и чисто светилась — красавица играла собой не хуже, чем Этцвейн играл на хитане. С неожиданным гневом Этцвейн подумал: «Я хочу ее! Она должна быть моей!» Намерения его отразились во взгляде — девушка подняла брови, обернулась к спутнику, что-то сказала.

Плясовая закончилась. Эстетка больше не замечала Этцвейна. Казалось, ей стало неловко. Она поправила обруч на голове, провела ладонью по поясу. За спиной Этцвейна тихо запищал зуммер. Девушка вздрогнула, уставилась на дверь кладовой: «Что это?»

«Что?» — Этцвейн притворился, что не понимает.

«Кто издает странные звуки?»

«Кто-нибудь из музыкантских детей пробует играть на свирели».

«Вы шутите!» — ее лицо оживилось... весельем? Предвкушением забавы? Этцвейн затруднялся понять.

«Кому-то, наверное, нехорошо, — предположила эстетка.
— Сходите, проверьте».

«Если вы пойдете со мной».

«Нет, благодарю вас!» — она повернулась к спутнику, смерившему Этцвейна надменным предупреждающим взглядом. Этцвейн посмотрел в сторону Ифнесса, встретился с ним

глазами, повернул голову направо и замер, будто зачарованный вдохновенным процессом опорожнения кружки пива маэстро Фролитцем. Левое ухо Этцвейна было недвусмысленно обращено к ближайшему столу.

Землянин опять кивнул — как показалось Этцвейну, без особого интереса.

В таверну вошли четверо в розовато-лиловых с серым униформах: дискриминаторы. Один громко объявил: «Внимание! Поступило сообщение о нарушении спокойствия в здании гостиницы. От имени Корпорации приказываю всем оставаться на местах!»

Этцвейн успел заметить легкое движение руки сидевшего в углу Ифнесса. Два хлопка, две вспышки — светильные шары над стойкой бара разлетелись звенящим фейерверком. В таверне «Фонтенея» стало темно. Испуганно бормотавшие посетители замолчали в полной растерянности. Раскидывая стулья, Этцвейн бросился вперед, нащупывая отыскан и схватил девушку, потащил ее в коридор, по пути налетев плечом на Фролитца. Эстетка начала было визжать, но Этцвейн захлопнул ей рот ладонью: «Ни звука, или хуже будет!» Девушка пиналась и дубасила его кулаками, но ее сдавленные крики тонули в хриплых возгласах дискриминаторов и расталкиваемых ими посетителей.

Боком, вприпрыжку, спотыкаясь, Этцвейн приволок пленницу к заднему ходу, второпях едва нашел засов, распахнул дверь и вынес девушку на двор, под ночное небо. Здесь он задержался и чуть опустил свою ношу — ее туфельки коснулись земли. Эстетка продолжала бешено пинаться. Этцвейн повернул ее спиной к себе, заломил руки за спину. «Не шумите!» — прорычал он ей в ухо.

«Что вы со мной делаете?» — кричала она.

«Вы что, не слышали? Облава! Хотите, чтобы мужланы вас обыскивали?»

«Вы — музыкант из оркестра!»

«Так точно».

«Пустите, я вернусь! Я не боюсь дискриминаторов».

«Какая чушь! — возмутился Этцвейн. — Теперь, когда вы наконец избавились от увязавшегося за вами нахала, мы можем на славу провести вечер!»

«Нет, нет, нет! — ее голос звучал увереннее, ей даже становилось смешно. — Вы галантный, храбрый защитник, но мне нужно вернуться в таверну».

«Не получится, — отрезал Этцвейн. — Пойдемте со мной и, будьте добры, никаких фокусов».

Девушка снова испугалась: «Куда вы меня тащите?»

«Увидите».

«Нет, перестаньте сейчас же! Я...» — кто-то подходил сзади. Этцвейн повернулся, готовый отпустить пленницу и защищаться. Послышался голос Ифнесса: «Вы здесь?»

«Да, с добычей».

Ифнесс приблизился. Он пытался рассмотреть эстетку в полуоткрытом заднем дворе: «Кто она?»

«Не могу сказать. Но вас заинтересует ее пояс — советую забрать его».

Девушка ошеломленно вскрикнула, попыталась вырваться.

Ифнесс расстегнул ее пояс: «Здесь нельзя оставаться ни минуты». Девушке он пригрозил: «Не делайте никаких сцен, не пытайтесь визжать или привлечь внимание, а то вам не поздоровится. Понятно?»

«Да», — обиженно прошептала пленница.

Подхватив ее под руки с обеих сторон, они долго бежали задворками и темными переулками, пока не добрались, наконец, до коттеджа, выложенного голубой плиткой. Ифнесс открыл замок, распахнул дверь. Этцвейн протолкнул девушку внутрь.

Ифнесс указал на кушетку: «Пожалуйста, сядьте».

Пленница молча подчинилась. Ифнесс внимательно разглядывал инкрустированный пояс: «Действительно, любопытно».

«Так я и думал, — отозвался Этцвейн. — Она нажимала красный камень каждый раз, когда пищал зуммер».

«Вы наблюдательны, — Ифнесс Иллинэт чуть наклонил голову. — Казалось, ваши мысли были отвлечены другими

материями. Но будем осторожны — ножной самострел Гарстанга чуть не отправил нас на тот свет».

Этцвейн встал напротив сидящей девушки: «Получается, Человек Без Лица — женщина?»

Эстетка презрительно усмехнулась: «Вы с ума сошли!»

Ифнесс мягко произнес: «Попрошу вас лечь на кушетку лицом вниз. Очень сожалею, но придется вас обыскать — необходимо удостовериться в том, что вы безоружны». Землянин произвел обыск, не уступавший по тщательности медицинскому осмотру. Девушка кричала с негодованием и стыдом. Этцвейн отворачивался. «Оружия нет», — заключил Ифнесс.

«Могли бы спросить, — заявила пленница, — я бы вам сказала!»

«В других отношениях вы не проявляли искренности».

«Вы не задавали вопросов».

«Вопросы будут, немного погодя, — Ифнесс подкатил к кушетке рабочий стол и закрепил струбцину на ошейнике девушки. — Не двигайтесь, или мне придется вас усыпить». Историк достал инструменты, вскрыл ошейник и вытащил островергубцами черную трубку взрывчатки. «Человек Без Лица вполне может оказаться мужчиной, и вдобавок большим хитрецом, — сообщил он, повернувшись к Этцвейну. — Вы схватили подставную фигуру».

«Я пытались вам объяснить! — воскликнула девушка с отчаянием проснувшейся надежды. — Произошла ужасная ошибка! Я из рода Ксиаллинен. Я ничего не знаю и знать не хочу про вас и ваши интриги!»

Ифнесс, не отвечая, продолжал копаться в ошейнике: «Автоответчик больше не работает. Вас не найдут. Теперь мы можем слегка расслабиться и проверить вашу хваленную искренность. Так вы из семьи Ксиаллинен?»

«Я — Джурджина Ксиаллинен», — угрюмо, с вызовом заявила пленница.

«И почему же вы носите такой удивительный пояс?»

«Что может быть проще? Я люблю роскошные вещи, мне нравятся драгоценности!»

Ифнесс Иллинэт отошел, открыл стенной шкаф, вернулся к кушетке с небольшим тампоном в руке. Тампон этот он прижал к шее девушки — справа, слева, под затылком, под подбородком. Та смотрела на него с подозрением: «Зачем вы смазываете мне шею чем-то мокрым и холодным?»

«Жидкость впитывается кожей и растворяется в крови. Скоро она достигнет мозга и временно парализует небольшую область. После этого наша беседа станет более содержательной».

Лицо Джурджины исказилось жалобной, тревожной гримасой. Этцвейн изучал пленницу с болезненным любопытством, пытаясь представить себе подробности ее повседневной жизни. Она носила дорогое вечернее платье с изяществом и легкостью, изобличавшими давнюю привычку. Такие плавные, расслабленные жесты удавались только патрициям Гарвия, бледный оттенок лица и рук тоже говорил о гарвийском происхождении. Но в чертах ее нельзя было не заметить некую чужеродную примесь. Дворец Ксиаллинен населяли отпрыски одного из Четырнадцати Родов, древнейших на планете. В их семье не якшались с пришлыми высокочками — все браки заключались так, чтобы наследственные имения не дробились.

Джурджина заговорила: «Скажу вам правду добровольно, пока могу собраться с мыслями. Я ношу пояс потому, что Аноме приказал мне служить. Не могла же я отказаться!»

«Служить — в каком качестве?»

«В качестве благотворительницы».

«Вы можете назвать остальных благотворителей?»

«Мне известен только Гарстанг Аллингенен».

«Разве нет других?»

«Уверена, что нет».

«Вы, Гарстанг и Человек Без Лица — контролировали весь Шант?»

«Кантонами и городами, так или иначе, управляют местные власти. Достаточно оказывать давление на правителей. Аноме мог бы справиться и в одиночку».

Этцвейн хотел было взорваться, но сдержался. Эти грациозные ручки, надо полагать, неоднократно нажимали на жел-

тый камень пояса, эти большие темные глаза не раз видели, как голова человека исчезала в облачке кровавого тумана. Этцвейн отвернулся — ему было тяжело и душно.

«Человек Без Лица — кто он?» — простодушно спросил Ифнесс.

«Не знаю. Для меня он так же безлик, как и для вас».

Ифнесс продолжал допрос: «Передатчик Гарстанга — и ваш пояс — надо полагать, защищены каким-то образом от использования посторонними лицами?»

«Да. Перед кодированием цветов нужно нажать на серый индикатор».

Ифнесс наклонился к девушке, внимательно посмотрел ей в глаза, слегка кивнул: «Зачем вы вызвали дискриминаторов в гостиницу «Фонтеней»?»

«Я никого не вызывала».

«Кто это сделал?»

«Аноме, надо полагать».

«Кто вас сопровождал в таверне?»

«Мателено, младшей ветви рода Курнайнен».

«Он — Человек Без Лица?»

Джурджина чуть отпрянула в изумлении: «Мателено? Как это может быть?»

«Человек Без Лица когда-нибудь отдавал вам приказы, относившиеся к Мателено?»

«Нет».

«Мателено — ваш любовник?»

«Аноме сказал, что мне нельзя заводить любовников», — голос пленницы начинал звучать сонно и неразборчиво, ее веки опускались.

«Человек Без Лица присутствовал в таверне «Фонтенея»?»

«Не знаю, не уверена. Наверное, он там был — и что-то заметил. Кто еще мог вызывать дискриминаторов?»

«Что он мог заметить? Кого?»

«Шпионов».

«Каких шпионов?»

«Паласедрийских», — Джурджина говорила с трудом, в глазах ее появилось странное, невидящее выражение.

Ифнесс повысил голос, резко спросил: «Почему он боится паласедрийцев?»

Джурджина закрыла глаза и неразборчиво бормотала.

Она спала. Ифнесс Иллинэт нахмурился, раздраженно встал.

Этцвейн перевел взгляд с Ифнесса на девушку, снова на землянина: «Что-нибудь не так?»

«Кома наступила слишком быстро. Слишком быстро!»

Этцвейн заглянул спящей в лицо: «Она не притворяется».

«Нет», — Ифнесс тоже наклонился к лицу Джурджины, внимательно осмотрел ей шею, виски, открыл ей рот, заглянул туда, хмыкнул.

«Ваше заключение?»

«Не могу сказать ничего определенного. Не могу даже ничего предположить».

Этцвейн отвернулся — у него в голове копошились сомнения, он ощущал тревожную неуверенность. Уложив девушку поудобнее на кушетке, он прикрыл ее шалью. Ифнесс наблюдал с задумчивым безразличием.

«Что же нам делать?» — спросил Этцвейн. Историк больше не вызывал в нем возмущения, возмущаться было беспомысленно.

Ифнесс вздрогнул, будто очнувшись от нечаянного сна: «Вернемся к установлению личности Человека Без Лица — хотя другие тайны представляются куда более существенными».

«Другие тайны?» — Этцвейн с неловкостью сознавал, что в глазах землянина выглядел непроницательным простаком.

«Несколько тайн. В первую очередь разрешите напомнить о ятаганах рогушкоев. Во-вторых, у Гарстанга не было никаких разумных или иных настоятельных причин для отчаянного покушения на нашу жизнь. Джурджина Ксиалинен впадает в кому так, будто кто-то намеренно отключил ее сознание. И Человек Без Лица сопротивляется — не пассивно, а целенаправленно и энергично — любым попыткам организовать защиту населения от рогушкоев. За всеми этими фактами скрывается некая руководящая воля, некая политика, в настоящее время недоступная нашему пониманию».

«Странно, очень странно», — бормотал Этцвейн.

«Если бы рогушкои были людьми, в качестве объяснения этим нелепостям можно было бы предположить подкуп, предательство, иностранные происки. Но сама идея сговора эстетов Гарстанга и Джурджины Ксиаллинен с рогушкоями смехотворна, просто бред какой-то!»

«Не так уж смехотворна, если рогушкои — генопластические выродки, подосланные паласедрийцами, чтобы уничтожить Шант».

«На первый взгляд — логичное возражение, — живо отозвался Ифнесс. — Но если бы вы потрудились изучить физиологию рогушкоев и учесть их методы размножения, у вас было бы достаточно оснований усомниться в логике паласедрийского варианта. Тем не менее, перейдем к загадке попроще: Человек Без Лица — кто он? Мы закинули две удочки. В обоих случаях Аноме чудом сорвался с крючка, пожертвовав двумя ближайшими помощниками. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что на него работали только два благодетеля. Джурджины не было в парке Пандамонов, но кто-то из слушателей передал детонирующий сигнал. Если Гарстанг говорил правду, это мог сделать только Человек Без Лица. Гарстанг был мертв, когда кто-то вызывал дискриминаторов в гостиницу «Фонтеней». Опять же, есть основания подозревать Человека Без Лица. И в парке Пандамонов, и в таверне я фотографировал публику. Если мы найдем на фотографиях человека, присутствовавшего и в парке, и в таверне... какова вероятность случайного совпадения? Поможет простой математический расчет. Думаю, фактических данных для точной оценки достаточно. В Гарвии, считая пригороды, примерно двести тысяч взрослых жителей и приезжих. Лекцию «отважного путешественника» явились слушать двести человек — то есть, грубо говоря, только один из тысячи жителей. В таверне «Фонтенея» концерт труппы Фролитца слушали приблизительно человек сто, то есть один из двух тысяч горожан. Вероятность случайного присутствия в обоих местах одного и того же человека — в отличие от вас, меня и Аноме не имеющего никаких особых причин там находиться — состав-

ляет один шанс из двух миллионов. Пренебрежимо малая величина. Следовательно, имеет смысл изучить фотографии».

Землянин вынул из кармана матовую черную металлическую трубку, диаметром чуть больше двух сантиметров, длиной с указательный палец. С одной стороны поверхность трубы была уплощена, на ней было несколько кнопок, сверкнувших в лучах лампы. Ифнесс что-то отрегулировал и направил трубку на участок стены рядом с Этцвейном. Из трубы вырвался сноп света.

Этцвейн никогда не видел таких четких, детальных репродукций. Быстро мигая проектором, историк пропустил несколько фотографий площади Корпорации и снова отрегулировал устройство. За пару секунд промелькнули тысячи изображений. Прибор перестал мигать: на стене появилась площадка перед павильоном в парке Пандамонов, а на ней — неподвижная толпа горожан, собравшихся послушать «отважного путешественника».

«Смотрите внимательно, — сказал Ифнесс. — К сожалению, я не могу одновременно показывать фотографии, сделанные в парке и в таверне. Придется сравнивать их поочередно».

Этцвейн показывал пальцем: «Вот стоит Гарстанг. Вот этот, этот — и этот... Я обратил на них внимание — подходящие кандидаты».

«Хорошо запомните их лица. Аноме, несомненно, умеет изменять внешность». Ифнесс показывал фотографии, снятые под различными углами, из различных точек. Музыкант и землянин изучали каждое лицо.

«Теперь — пивная в гостинице».

На стене появилась таверна. Многие места за стойкой бара еще пустовали. Музыканты настраивались на сцене. Стол рядом с Этцвейном был свободен — Мателено и Джурджина сидели поодаль.

Ифнесс Иллинэт усмехнулся: «Идеальный маскарад. Вы выглядите самим собой».

Этцвейн не знал, как воспринять это внезапное проявление чувства юмора, и отдался ни к чему не обязывающим кивком.

«Посмотрим, что было дальше. Молодая женщина и Мателено подсели к столу у сцены. Мателено не напоминает вам никого из парка Пандамонов?»

«Нет, — сказал Этцвейн, и задумался. — Впрочем, он чем-то похож на Гарстанга».

«Учитывайте, что эстеты — генетически обособленная группа, по сути дела — новая раса в процессе формирования».

Историк перешел к следующей фотографии: «До прибытия дискриминаторов остается примерно пять минут. Почти не сомневаюсь, что к этому времени Человек Без Лица находился в помещении — скорее всего, стоял там, откуда он мог наблюдать за благотворительницей». Ифнесс расширил сноп света, увеличив изображение, распространившееся в стороны, на потолок и на пол. Перемещая проектор, историк поочередно заставлял каждое из больших, но сохранивших четкость лиц появляться на стене рядом с Этцвейном.

Этцвейн внезапно поднял руку: «Вот он! В углу бара, облокотился на стойку».

Ифнесс снова увеличил изображение. На них смотрело лицо — спокойное, с широким лбом, хитрыми глазами, небольшим подбородком и тонкой, бледной линией рта. Невысокий человек этот, неопределенного возраста, казался хорошо сложенным, подтянутым.

Ифнесс вернулся к фотографии, сделанной в парке Пандамонов. Этцвейн указал на невысокого мужчину с поджатым ртом и лукавыми, чуть раскосыми глазами: «Анхоме!»

«Да, — вздохнул Ифнесс, — если нас не подводят логика и теория вероятности. Насколько мне известно, ни одну из этих дисциплин еще не удалось опровергнуть».

Некоторое время они молча разглядывали лицо Человека Без Лица.

«Что теперь?» — спросил Этцвейн.

«Пока ничего. Нужно выспаться. Завтра попробуем узнать, как зовут этого проходимца».

«А Джурджина?» — Этцвейн кивком указал на спящую девушку.

«Она не очнется еще двенадцать-четырнадцать часов».

Глава 12

Солнца кружились, как игривые котята, поднимаясь в лилово-розовом осеннем небе — Сасетта догоняла Эзелетту, а ее ловил за хвост Заэль. Ифнесс рано ушел из коттеджа — старая седая лиса крадучись отправилась на охоту. Этцвейн сгорбился, сложив руки на коленях, и думал о Джурджине Ксиаллинен. Она лежала, тихо дыша, в том же положении, в каком ее оставили вчера — по мнению Этцвейна, существо невероятно чарующей красоты, способное загипнотизировать и подчинить своей воле любого мужчину. Он разглядывал ее лицо, чистую бледную кожу, невинный профиль, темно-серые ресницы. Как совместить облик Джурджины с ее мрачной профессией? Конечно, кто-то должен был заниматься охраной правопорядка. Если бы преступления оставались безнаказанными, многострадальный Шант вернулся бы к временам анархии, когда каждый кантон воевал со всеми остальными. Недоумевающий Этцвейн колебался между благородными оправданиями и отвращением. Джурджине приказывал Аноме — ей оставалось только подчиняться. Но почему Аноме приказал именно Джурджине служить благотворительницей? Неужели не было других, таких, как Гарстанг Аллингенен — сообразительных, достаточно неразборчивых, способных к полицейской работе? В лабиринте поведения верховного правителя встречались неожиданные, необъяснимые повороты. «Так же, как и в поведении любого другого», — с горькой усмешкой сказал себе Этцвейн.

Он протянул руку, поправил мягкий темный локон. Ресницы девушки задрожали, она медленно открыла глаза и, повернув голову, взглянула на Этцвейна: «Вы... музыкант».

«Да».

Джурджина лежала тихо, думала. Потом заметила свет, пробивающийся через ставни, и сразу встрепенулась: «Уже утро, мне нужно идти!»

«Вам нельзя никуда ходить».

«Но почему? — она обратила на него взор, способный растопить лед. — Я же вам ничего не сделала!»

«У вас не было возможности что-нибудь сделать».

Джурджина искала глазами в глазах Этцвейна: «Вы совершили преступление?»

«Гарстангу приказали меня убить, когда я выступал с лекцией о рогушкоях».

«Вы подстрекали к мятежу!»

«Ничего подобного. Я призывал Человека Без Лица защищать Шант от рогушкоев. Это не подстрекательство».

«Рогушкоев не надо бояться. Так говорит Аноме».

Этцвейн разозлился: «Ха! Я видел своими глазами, что они сделали в Башоне. Убили мою мать!»

Взгляд Джурджины стал отрешенным. Она вяло повторила: «Рогушкоев не надо бояться».

«Как с ними справиться — вот в чем вопрос!»

Джурджина сосредоточилась с явным усилием: «Не знаю».

«Когда они наводнят улицы Гарвия, что вы будете делать? Хотите, чтобы вас изнасиловали? Вам это понравится? Хотите спать полгода, чтобы потом из вашего тела выползла дюжина красных чертят?»

Лицо Джурджины подернулось, сморщилось. Девушка начала было тихо скулить, но тут же остановилась, успокоилась и посветлела: «Этот вопрос решает Аноме». Приподнявшись на локте и наблюдая за Этцвейном, она потихоньку спустила ноги на пол. Этцвейн никак не отреагировал, спросил: «Вы голодны? Хотите пить?»

Она не ответила сразу: «Как долго вы собираетесь меня здесь держать?»

«Пока мы не найдем Человека Без Лица».

«Чего вы от него хотите?»

«Мы настаиваем — и будем настаивать — на истреблении рогушкоев».

«Вы не причините ему вреда?»

«Только не я, — отвечал Этцвейн. — Хотя он пытался меня убить, что в высшей степени несправедливо!»

«Все, что делает Аноме, справедливо. А если вы его не найдете?»

«Тогда вы здесь останетесь. Другого выхода нет».

«С моей точки зрения это неприемлемо. Почему вы на меня так странно смотрите?»

«Пытаюсь представить себе... Скольким людям вы уже оторвали голову?»

Джурджина завопила: «Жаль, что тебе не оторвала!» — и бросилась к двери. Этцвейн не двинулся с места. Девушка побежала три метра и вскрикнула. Ее остановил тонкий металлический поводок — уходя, Ифнесс пристегнул его к пекладине привинченной к полу кушетки и к талии спящей аристократки. Всхлипывая от боли, Джурджина схватилась за поводок и стала бешено дергать застежку тугой проволочной петли. Этцвейн бесстрастно наблюдал, не испытывая ни малейшей жалости.

Не в силах открыть застежку незнакомой конструкции, пленица медленно вернулась к кушетке. Этцвейну нечего было ей сказать.

Так они просидели два часа. Тихо, так же, как ушел, вернулся Ифнесс Иллинэт. Он принес папку и передал ее Этцвейну. В папке лежали шесть крупных фотографий, напечатанных с таким высоким разрешением, что Этцвейн мог со считать ресницы Аноме. В парке Пандамонов Человек Без Лица надвинул на лоб мягкий черный берет, в сочетании с опущенными уголками тонкого рта и маленьkim, будто недоразвитым носом придававший ему какой-то вмятый вид, напоминавший бульдожью морду. В таверне «Фонтенея» на лоб Аноме спускались пряди черного парика, разделенные прямым пробором и зачесанные за уши — в стиле, популярном среди благополучных торговцев и ремесленников Гарвия. На этой фотографии нельзя было не заметить философскую обширность лба Аноме, несколько скрашивавшую почти уродливую недостаточность носа и нижней половины лица. На всех фотографиях глаза его не смотрели прямо, а чуть косили

влево или вправо. И в парке, и в таверне он казался лишенным чувства юмора, решительным, сосредоточенным в себе и безжалостным.

Этцвейн изучал фотографии до тех пор, пока лицо правителя не запечатлелось глубоко в его сознании, после чего вернулся папку землянину.

Джурджина сидела на кушетке, притворяясь, что скучает. Ифнесс показал ей фотографии: «Кто этот человек?»

Веки эстетки чуть опустились. Она произнесла — пожалуй, слишком беспечно: «Не имею представления».

«Вы никогда его не встречали?»

Джурджина нахмурилась, провела языком по губам: «С кем только мне не приходится встречаться! Разве я могу всех запомнить?»

Ифнесс настаивал: «Если бы вы знали его, вы сказали бы нам, как его зовут?»

Джурджина рассмеялась: «Конечно, нет!»

Ифнесс кивнул, подошел к стенному шкафу. Эстетка следила за ним, скривив рот от досады. Историк спросил через плечо: «Хотите есть или пить?»

«Нет».

«Не желаете посетить туалет?»

«Нет».

«Подумайте хорошенько, — посоветовал Ифнесс. — Теперь я вынужден буду применить гипнотический препарат. После этого вы не сможете двигаться двенадцать часов. Учитывая, что вы уже пролежали столько же на кушетке, вы можете поставить нас и себя в неудобное положение».

«Хорошо, — холодно произнесла Джурджина. — Будьте добры, освободите меня. Я хотела бы вымыть лицо и руки».

«С удовольствием», — Ифнесс открыл застежку троса. Пленница промаршировала в указанную историком дверь. Ифнесс повернулся к Этцвейну: «Встаньте снаружи под окном».

Как только Этцвейн успел занять свой пост, узкое окно осторожно открылось — из него выглянула Джурджина. Заметив Этцвейна, она помрачнела и закрыла окно.

Пленница неохотно вернулась в гостиную. «Не хочу, чтобы меня усыпляли, — заявила она капризным тоном. — Мне снятся ужасные сны».

«Неужели! Какие, например?»

«Не помню. Страшные вещи. Мне очень плохо».

Ифнесс не проявил сострадания: «Придется увеличить дозу».

«Нет, нет! Вы хотите спрашивать про портреты? Я помогу вам, сделаю все, что в моих силах!» — напускная надменность исчезла. Лицо девушки обмякло, задрожало, стало жалким и просящим. Этцвейн пытался вообразить, как она выглядела с пальцем на желтой кнопке.

Землянин поинтересовался: «Вы намеренно скрываете информацию о фотографиях?»

«Допустим, что так! Вы ожидаете, что я добровольно нарушу свои обязанности?»

«Нет, не ожидаю, — возразил Ифнесс. — Но препарат позволит мне узнать правду, хотите вы этого или нет. Будьте добры, вернитесь на кушетку».

«Мне станет дурно. Я буду драться. Пинаться, кусаться, визжать!»

«Это пройдет», — сказал Ифнесс.

Всхлипывающая пленница лежала на кушетке. Тяжело дыша, Этцвейн сидел у нее на коленях и прижимал ее руки к постели. Ифнесс смочил раствором шею Джурджины; она почти сразу перестала извиваться.

Ифнесс спросил: «Что вы знаете о человеке на фотографиях?»

Девушка потеряла сознание.

Этцвейн глухо проворчал: «Вы применили слишком большую дозу».

«Нет, — покачал головой историк. — Превышение дозы не приводит к такому эффекту».

«Тогда что же с ней происходит?»

«Ума не приложу. Сперва Гарстанг совершают абсурдное самоубийство, теперь это».

«Вы считаете, что она знает Человека Без Лица?»

«Не думаю. Но она знает человека на фотографиях. Эстеты, в конце концов, все друг друга знают». Ифнесс вынул фотографии из папки, присмотрелся: «Конечно, он может быть зеленщиком или стекольщиком. Забыл вам сказать, что портрет «отважного путешественника» вывесили на площади Корпорации. Всех, кому о вас что-либо известно, просят обращаться к дискриминаторам».

«Ну вот. Теперь я смертник в бегах!»

«До тех пор, пока мы не предъявим претензии Человеку Без Лица».

«Он будет настороже — оба благотворителя пропали».

«Надо полагать. Думаю, что его так же, как и нас, чрезвычайно интересует выяснение личности противника».

«Джурджина упомянула о паласедрийских шпионах».

«Возможно, Человек Без Лица строит такие же теории, — Ифнесс вернулся к изучению фотографий. — Заметьте эмблему на ошейнике. Что означают эти цвета?»

«Пурпурный и зеленый — цвета гарвийского кантона. Две темно-зеленых полоски — человек без определенных занятий: землевладелец, промышленник, торговец импортным товаром, эстет».

Ифнесс безмятежно кивнул: «Никаких новых данных. В его ошейнике, несомненно, нет автоответчика. Мы могли бы отправиться в Ушкадель и наводить справки, но боюсь, что нас скоро задержат дискриминаторы».

Этцвейн нагнулся к фотографиям: «Он путешествует по Шанту, хотя бы изредка. Ветровые на воздушной дороге могут его узнать».

«Станут ли они откровенничать? Или сперва посоветуются с дискриминаторами?»

«В издательстве «Легкомысленной газеты» он знаком, конечно, каждому светскому репортеру... но и в этом случае приставать с расспросами опасно».

«Совершенно верно. Вопросы вызывают подозрения. Перед тем, как сообщать что-либо паре незнакомцев, они известят директора».

Этцвейн ткнул пальцем в нижний край фотографии, где виднелся воротник жилета Человека Без Лица: «Обратите

внимание на запонку: аметист в кружевной серебряной оправе с потайным замком. Такие роскошные безделушки делают ювелиры-механики на площади Неройи, к западу от управления Корпорации. Любой уважающий себя ремесленник узнает свою работу. Если мы сочиним историю — например, что нашли потерянную драгоценность и желаем вернуть ее владельцу — ювелир может сказать, кому он ее продал».

«Превосходно! — заявил Ифнесс. — Давайте попробуем».

Площадь Неройи затерялась в сердце Старого Города. Мостовая — метровые квадратные плиты мутно-сиреневого стекла — давно покрылась трещинами и выбоинами. Фонтан посреди площади относился еще к царствованию первого Пандамона, Каспара. Двухэтажная сводчатая галерея из прозрачного черного стекла огибала площадь. На каждой колонне красовалась рельефная эмблема купеческого рода, не существовавшего уже две тысячи лет. Древние торговые конторы переоборудовали в мастерские гарвийских резчиков по камню и металлических дел мастеров. Каждый ювелир работал в ревнивом одиночестве, обучая тайнам ремесла только сыновей и племянников, и едва снисходил до того, чтобы замечать существование коллег. Стиль изделий каждой мастерской отражал темперамент цехового старшины. Одни династии славились своими опалами, агатами и лунными камнями, другие отличались резьбой по турмалину или бериллу, третьи создавали изящные миниатюры из микроскопических полированных кусочков киновари, лазурита, бирюзы и нефрита. Моды и причуды заказчиков не одобрялись и признавались лишь настолько, насколько не противоречили артистическим убеждениям мастера. Специальные заказы принимались без энтузиазма. На изделиях не было печатей, гравированных подписей или символов — каждый ювелир пребывал в уверенности, что его манера неповторима и распознается безошибочно.

В последнее время особой популярностью пользовались поделки мастерской Зафонса Агабиля — стеклгородцы называли их «своеобычными» и «феерическими». Туда и направились Ифнесс и Этцвейн — в лавку Зафонса Агабиля. Иф-

несс бросил на прилавок вырезку из фотографии Человека Без Лица: «Кто-то потерял запонку у меня в приемной. Это ваше изделие? Если ваше, не могли бы вы назвать владельца — клиенту будет приятно, что безделицу не украли».

Приказчик, один из четырех сыновей Агабиля, презрительно поморщился, только взглянув на фотографию: «Сделано не у нас, уверяю вас!»

«Чья же это работа?»

«Не могу сказать».

Рядом, в мастерской Лючинетто, Ифнесс получил сходный ответ, но вдобавок выслушал наставление: «Старомодная, в сущности, вещица — могла быть получена по наследству. Аметист огранен недостаточно выпукло — так режут гранаты. Нет, это не наше — никогда, ни за что мы не позволили бы себе такое насилие над камнем!»

Из лавки в лавку бродили Ифнесс и Этцвейн.

Наследник удалившегося от дел мастера Меретриса заинтересовался вырезкой: «Да-да, наша запонка, в стиле династии Сиуме! Видите, как играет аметист? Секретный контур гранения, известный только нашему цеху! Ее потеряли? Жаль. Забыл покупателя — с тех пор прошло лет пять».

«Кажется, я знаю владельца, — не унывал Ифнесс. — Он заявился на вечеринку в компании моих друзей, но я не припомню, как его звали». Историк протянул подмастерью фотографию Человека Без Лица.

Меретрис-младший посмотрел, моргнул: «Как же! Саджалано из дворца Сершанов. Говорят, живет отшельником. Удивительно, что он приходил к вам ужинать».

Глава 13

Дворец Сершанов, замысловатое сооружение из прозрачного и цветного стекла, был обращен фасадом на юго-восток, к Гарвию. Поднявшись по крутым склону, Ифнесс и Этцвейн осторожно, издалека изучали подходы ко дворцу. Никого не было ни в крытой галерее второго этажа, ни в той части дворцового сада, где буйная растительность позволяла что-нибудь рассмотреть. Изыскания в Архивном управлении не дали интересных или неожиданных результатов. Род Сершанов, достаточно древний, не мог похвалиться, однако, блестящей историей. Принц Варо Сершан, владетель кантона Дикой Розы, в свое время поддержал Вайано Паицифьюме. Некто Альманк Сершан снарядил корабль, совершил набег на южный берег Кааза и привез сокровище — полный трюм серебряных макос из разграбленных захоронений. Саджарано был последним прямым наследником рода. Его бездетная супруга тому уже двадцать лет как скончалась, но Саджарано не женился вторично. Ему все еще принадлежали наследственные имения в кантоне Дикой Розы — Саджарано знал толк в сельском хозяйстве. В наследники ему прочили двоюродного брата, Камбариза Сершана.

«Простейший метод — подойти к парадному входу и попросить аудиенции у его превосходительства Саджарано, — рассуждал Ифнесс. — Прямолинейный подход отличается несомненными достоинствами. Увы, — Ифнесс печально вздохнул, — я всегда и во всем подозреваю подвохи и внезапные затруднения. Что, если Аноме ожидает нас? Вполне возможно! Меретрис мог поделиться с ним новостью о найденной запонке. Подьячий в Архивном управлении показался мне излишне расторопным».

«Аноме вызовет дискриминаторов, как только узнает о нашем появлении, — сказал Этцвейн. — Будь я на месте Саджарано, я принял бы всевозможные меры предосторожности».

Ифнесс отозвался: «Будь я на месте Саджарано, я не прятался бы во дворце, а оделся бы попроще и бродил по городу. Здесь мы теряем время. Нужно быть там, где есть возможность встретить Человека Без Лица».

Вечером открытые кафе на площади Корпорации наполнились толпой приветствующих друг друга приятелей, знакомых и любовников. Ифнесс и Этцвейн разместились в самом большом кафе и заказали вина с печеньем.

Кругом сновали гарвийцы — все окрыленные, в той или иной степени, присущими столичным жителям живостью и непостоянством.

Саджарано не появлялся.

Солнца закатились за кряжи Ушкаделя, тени легли на площадь. «Пора возвращаться, — сказал Ифнесс. — Джурджина скоро проснется, а ее нельзя оставлять без присмотра».

Джурджина уже пришла в себя. Яростно, всеми известными ей средствами, она стремилась освободиться от поводка. Ее платье местами разорвалось над бедрами — там, где она пыталась стащить с себя металлическую петлю, туго опоясывавшую талию. Деревянная перекладина кушетки выщербилась — пленница старалась перетереть поводок. Секрет застежки, известный только Ифнессу, теперь занимал ее настолько, что она не сразу заметила прибытие тюремщиков. Испуганно вскинув голову, как загнанный зверь, эстетка разразилась протестами: «Сколько меня будут здесь держать? Я давно не мылась, ничего не ела. Какое право вы имеете так со мной обращаться?»

Ифнесс отмахнулся скучающим жестом, отстегнул поводок от кушетки и снова позволил ей воспользоваться удобствами.

Этцвейн приготовил суп, нарезал хлеб и вяленое мясо. Сначала пленница высокомерно отклонила обед, но потом налась, проявив здоровый аппетит.

Утолив голод, Джурджина повеселела: «Вы двое — самые чудные люди на Дердейне! Полюбуйтесь на себя! Нахохлились, насторожились, как болотные цапли. Оно и понятно! Вам стыдно за все, что вы со мной делаете!»

Землянин игнорировал ее. Этцвейн угрюмо усмехался.

«Что вы замышляете? — не унималась пленница. — Я что, здесь навсегда останусь?»

«Не исключено, — отозвался Ифнесс. — Подозреваю, однако, что через день или два обстоятельства изменятся».

«И что я буду делать все это время? Вы подумали о моих друзьях? Они же рехнутся от беспокойства! Меня всюду ищут! И я должна носить одно и то же платье изо дня в день? Сижу, как животное в клетке!»

«Потерпите, — пробурчал Ифнесс. — Скоро я снова вас усыплю, и время пройдет незаметно».

«Не хочу я больше спать! Хам, невоспитанный нахал! А вы? — она повернулась к Этцвейну. — У вас сохранились какие-нибудь остатки любезности? Сидите ухмыляетесь, рот до ушей! Почему вы не заставите этого ужасного старика меня отпустить?»

«Чтобы вы пожаловались на нас Человеку Без Лица и сообщили, где мы находимся?»

«Таковы мои обязанности. Разве я заслужила наказание за выполнение долга?»

«Ваши обязанности связаны с определенным риском. Если вы не хотели рисковать, не нужно было становиться благотворительницей».

«У меня не было выбора! Однажды мне сообщили мою судьбу, и с тех пор моя жизнь мне не принадлежит».

«Вы могли отказаться. Вам нравится отрывать людям головы?»

«Вот еще! С вами невозможно вести разумный разговор. У вас что, припадок?» — последние слова были обращены к Ифнессу. Тот резко повернулся на стуле и напряженно прислушивался.

Этцвейн тоже прислушался — ничто не нарушало ночную тишину. «Что такое?» — спросил он.

Ифнесс Иллинэт вскочил, подошел к двери и выглянул в темноту. Этцвейн тоже встал. Ни звука. Землянин что-то пробормотал на незнакомом языке, снова насторожился.

Воспользовавшись тем, что ее тюремщики отвлеклись, Джурджина намотала на руку отвязанный конец поводка и бросилась к Ифнессу, надеясь проскочить мимо и вырваться на свободу. Этцвейн, давно ожидавший чего-то в этом роде, поймал ее на бегу и отнес, болтающую ногами и кричащую, обратно на кушетку. Ифнесс принес тампон с наркотиком — девушка затихла. Историк снова пристегнул поводок к кушетке и на этот раз поведал Этцвейну секрет: чтобы открыть застежку, нужно было нажимать не на нее, а совсем в другом месте. Ифнесс торопился: «Подойдите к столу. Я должен научить вас всему, что знаю об ошейниках. Быстрее, идите сюда!»

«В чем дело? Что происходит?»

Ифнесс покосился на дверь и сказал упавшим голосом: «Меня отзовали. Я лишен ученого звания. Как минимум, меня исключат из Института».

«Откуда вы знаете?» — упорствовал Этцвейн.

«Передали сигнал. Моя командировка на Дердейне окончена».

Этцвейн разинул рот: «А что будет с Аноме? Что будет со мной?»

«Сделайте все, что можете. Я чрезвычайно сожалею, но мне не позволят остаться. Слушайте! Я оставляю вам мои инструменты, оружие, препараты. Слушайте внимательно — повторять не будет времени! Во-первых, ошейники. Смотрите, как безопасно вскрыть ошейник». Ифнесс продемонстрировал операцию на ошейнике, привезенном с Гаргаметова луга. «Теперь его можно закрыть — вот так. Смотрите: я заряжаю ошейник девушки. Декокс вкладывается сюда. Это детонирующее реле. Автоответчик сломан — обратите внимание на разорванное соединение... Покажите, как у вас это получится. Так... Хорошо... Вот, возьмите, это мое единственное оружие. Пистолет стреляет узким лучом энергии. Камеру я обязан взять с собой».

Этцвейн слушал, подавленный предчувствием беды. До сих пор он не сознавал, в какой степени зависел от возмутительно бездушного землянина.

«Почему вы должны покинуть Дердейн?»

«Потому что должен! Остерегайтесь Человека Без Лица и этой его благотворительницы. Их поведение не совсем нормально, хотя это невозможно заметить без соответствующей подготовки».

Тихое шипение достигло ушей Этцвейна. Ифнесс тоже услышал его, повернул голову и не шевелился.

В дверь вежливо постучали. Ифнесс пересек гостиную и отодвинул засов. В темноте стояли две фигуры. Первая вышла немного вперед. Этцвейн увидел очень бледного человека среднего роста, с угольно-черными волосами и бровями. Он, казалось, улыбался спокойно и мрачно — глаза его сверкнули в свете лампы. Его спутник оставался бесформенной тенью в тени.

Ифнесс заговорил на языке, непонятном Этцвейну. Черноволосый коротко ответил. Ифнесс заговорил снова — черноволосый отзывался так же, как и в первый раз.

Историк вернулся в гостиную и взял мягкую черную сумку. Не попрощавшись ни словом, ни жестом, даже не взглянув на Этцвейна, Ифнесс Иллинэт вышел в ночь. Дверь закрылась.

Через минуту Этцвейн услышал тихое шипение. Оно завершилось вздохом ветра и не возвращалось.

Этцвейн налил себе бокал вина и сел за стол. Джурджина Ксиаллинен лежала на кушетке в беспамятстве.

Этцвейн поднялся и обошел комнаты коттеджа. В кабинете он обнаружил кошелек, содержащий несколько тысяч флониров. В гардеробе висели костюмы — в случае необходимости Этцвейн мог ими воспользоваться.

Он вернулся к столу в гостиной, подумал о Фролитце, о старых добрых днях, казавшихся такими беспечными. Они не вернутся никогда! Скорее всего, дискриминаторы уже установили, что «отважным путешественником» был Гастель Этцвейн.

Этцвейн решил не оставаться в коттедже. Он надел серую накидку и серую шляпу Ифнесса, положил в карман пистолет землянина и кодирующий передатчик Гарстанга. Поколебавшись несколько секунд, он захватил с собой и усыпляющий наркотик из стенного шкафа: вдруг этой осенней ночью ему посчастливится встретить Саджарано Сершана?

Выключив лампу, Этцвейн погрузил коттедж во тьму — только в окне играли отблески разноцветного миража Гарвия. Джурджина лежала тихо, даже дыхания ее не было слышно. Осторожно ступая, Этцвейн вышел из коттеджа.

Много часов бродил он по проспектам Гарвия, задерживаясь у кафе, чтобы рассмотреть посетителей, заходя в таверны, чтобы пробежать глазами по лицам. Возвращаться в «Фонтеней» он не решался. В полночь он съел пирожок с мясом и сырную лепешку у ларька, работавшего до утра.

Туман сочился в стеклянный город с просторов Зеленого океана. Пушистыми облачками, бестелесными щупальцами он обволакивал шпили, замутняв цветные фонари, наполняя воздух запахом холодной бани. Улицы почти опустели. Завернувшись плотнее в накидку, Этцвейн вернулся к коттеджу.

У проема в изгороди он остановился. Казалось, темный коттедж ждал его. За ним, в сарае на заднем дворе, разлагался труп Гарстанга.

Этцвейн слушал — тишину, темноту. Пройдя через усаженный деревьями передний дворик, он задержался у двери. Шорох? Напрягая слух, он снова заметил сухой, царапающий звук. Распахнув дверь, Этцвейн проскользнул в гостиную с пистолетом наготове. Внутри — никаких изменений. Скрипнула задняя дверь. Этцвейн сбежал с парадного крыльца и обогнул коттедж, но ничего не увидел. Только дверь сарая, пожалуй, приоткрылась. Этцвейн замер, как вкопанный — волосы встали дыбом у него на затылке. Осторожно приблизившись шаг за шагом, он прыгнул вперед, захлопнул дверь сарая и задвинул засов, после чего сразу развернулся и отскочил в сторону — на тот случай, если дверь открыли нарочно, чтобы отвлечь внимание.

Ни звука. Этцвейн не мог заставить себя проверить, что делается в сарае. Он вернулся в дом. Джурджина лежала без сознания. Но она пошевелилась или кто-то ее шевелил: одна рука свисала с кушетки к полу.

Этцвейн закрыл все двери и ставни на засовы. Поводок, привязывавший девушку к кушетке, смеялся. Края деревянной рамы были сточены, истерты. Этцвейн наклонился над пленницей и внимательно осмотрел ее, приподняв пальцем веко с длинными ресницами. Зрачка не было, глаз закатился. Этцвейн нервно обернулся, выпрямился, осмотрелся.

Ничто не двигалось в гостиной — только в памяти звучали отголоски разговоров.

Этцвейн заварил чай и присел в кресло. Шло время, со звездия всходили и заходили. Этцвейн задремал. Он проснулся замерзший и онемевший — рассветная синева уже проникала в щели между ставнями.

В коттедже было тихо и мрачно. Этцвейн приготовил себе завтрак и стал размышлять о планах на грядущий день. Прежде всего нужно было обследовать сарай.

Джурджина очнулась, но ничего не говорила — что можно было сказать? Этцвейн накормил ее, позволил сходить в туалет. Она вернулась — унылая и подавленная, не проявляя ни живости, ни воли к сопротивлению. Остановившись перед гостиной, пленница разминала затекшие руки. Через некоторое время она спросила: «Где старик?»

«Ушел по своим делам».

«По каким делам?»

«Узнаете в свое время».

«Странная вы парочка, надо сказать!»

«Я нахожу ваше поведение гораздо более странным, — возразил Этцвейн. — По сравнению с вами я прост и понятен до предела».

«Но вы-то подстрекаете народ к бунту!»

«Ни в коем случае! Рогушкой убили мою мать — и сестру. Я утверждаю, что их необходимо истребить, чтобы спасти Шант. В чем вы видите подстрекательство? Это здравое рассуждение».

«Решение таких вопросов следует предоставить Аноме».

«Он отказывается действовать. Следовательно, я вынужден заставить его действовать».

«У старика тоже убили мать?»

«Не думаю».

«Тогда почему он с такой наглостью нарушает закон?»

«Он сочувствует моим намерениям».

«Кто? Этот василиск? Он холоден, как ветер снежного Ниммира!»

«Не спорю, в некоторых отношениях он производит впечатление человека не от мира сего. А теперь мне придется снова вас усыпить».

Джурджина беззаботно махнула рукой: «Не беспокойтесь. Я согласна не покидать коттедж».

Этцвейн цинически рассмеялся: «Будьте добры, ложитесь на кушетку».

Джурджина подошла к нему, улыбнулась в упор: «Давайте не будем врагами. Поцелуйте меня».

«Хм. С утра пораньше?»

«Вы хотели бы?»

Этцвейн упрямо тряс головой: «Нет».

«Разве я не хороша собой? Вы предпочитаете морщинистых старух?»

«Нет. Но если бы вы могли нажать желтую кнопку и оторвать мне голову, вы бы это сделали. Почему-то мысль о такой перспективе препятствует всякому влечению к близости. Не будем терять времени».

Джурджина задумчиво вернулась на кушетку и безвольно лежала, пока Этцвейн наносил препарат ей на шею. Она скоро уснула. Этцвейн прицепил ее поводок к резной перекладине под потолком.

Настало время заглянуть в сарай. Этцвейн вышел на задний двор. Засов сарая был закрыт. Этцвейн обошел дощатую пристройку. Только крыса могла бы залезть внутрь или выбраться наружу.

Широко распахнув дверь, Этцвейн увидел в дневном свете садовые инструменты, старую кухонную утварь и тело Гарстанга — там, куда он его оттащил. Грудь Гарстанга была разворочена, буквально разодрана в клочья. Этцвейн стоял в

дверном проеме, пытаясь разглядеть существо, так страшно надругавшееся над трупом. Он не решался войти — если это была большая крыса, она могла высокочить и укусить его. В конце концов он снова закрыл дверь на засов.

Накинув серый плащ, Этцвейн угрюмо направился в центр города, прямо на площадь Корпорации. Человек Без Лица мог проводить время в роскошных залах дворца Сершанов, мог отдохнуть в своем поместье в кантоне Дикой Розы, мог уехать в далекие края — вершить правосудие в назидание злодеям. Но Этцвейн чувствовал, что дело обстоит по-другому. Для Человека Без Лица безопаснее всего было оставаться в Гарвии, под защитой дискриминаторов. Значит, рано или поздно Саджарано должен был показаться на площади Корпорации.

Этцвейн постоял минуту-другую под старыми воротами Часовщиков. Туманное, зябкое утро! Солнца затмевали одно другое, медленно скользя по небу. Этцвейн зашел в ближайшее кафе, занял неприметное место за столиком, заказал горячий бульон и стал прихлебывать его, чтобы согреться.

Столичная толпа сновала по площади во всех направлениях. У ведомства жалоб и прошений сошлись и о чем-то беседовали три дискриминатора. Этцвейн с тревогой наблюдал за ними. Что, если они вместе накинутся на него? Он не успеет убить всех трех с помощью передатчика — не хватит времени набрать коды. По-видимому, Человек Без Лица пользовался иным оружием — устройством, детонировавшим любой ошейник, оказавшийся в секторе направленного излучения. В кафе вошел человек в серо-пурпурном костюме. Его широкий, бледный лоб нависал над вмятым маленьkim носом, уголки осторожно поджатых губ опустились, глаза, смотревшие слегка в сторону, светились умом. Человек приказал официанту подать кружку бульона одним движением руки — повелительным, но вежливым жестом чистокровного эстета.

Когда бульон подали, эстет покосился в сторону Этцвейна, позабывшегося прикрыть лицо поднятой кружкой. На какое-то мгновение, однако, Гастель Этцвейн встретился глазами с Человеком Без Лица.

Аноме слегка нахмурился, отвернулся — ему не нравилось внимание незнакомца.

Этцвейн волновался — мысли путались, не желали слушаться. Крепко обхватив ладонями горячую кружку, он заставил себя продумать возможные варианты.

У него был лучевой пистолет. Он мог подойти, приставить пистолет к спине Аноме и отдать необходимые приказы. У этого плана был огромный недостаток: нельзя было привлекать внимание. Почти наверняка офицант заметил бы происходящее — а дискриминаторы точили лясы неподалеку.

Он мог выйти из кафе, подождать Аноме и следовать за ним. Но события последних дней, несомненно, заставили Аноме быть начеку. Заметив слежку, правитель мог завести Этцвейна в западню. Ни в коем случае нельзя было упускать инициативу!

Узнав «отважного путешественника», Аноме мог и сам последовать за Этцвейном. Впрочем, скорее он приказал бы дискриминаторам схватить преступника.

Этцвейн судорожно, глубоко вздохнул, засунул руку в карман плаща и нашупал приготовленное средство нападения, доставшееся по наследству от Ифнесса. Звякнув флорином по столу, он уплатил за бульон, с шумом отодвинул стул, поднялся на ноги — и с громким возгласом, потеряв равновесие, пробежал несколько шагов, уронив руку на шею Человека Без Лица.

«Милостивый государь, прошу прощения! — во всеуслышание объявил Этцвейн. — Какое свинство с моей стороны! Я уронил на вас мокрую салфетку!»

«Ничего, пустяки».

«Позвольте помочь...»

Аноме отшатнулся: «Вы чуть не упали на меня — а теперь что делаете? Зачем протирать мне шею какой-то мокрой гадостью?»

«Покорнейше прошу меня извинить! Если я запачкал воротник, разрешите возместить расходы на новый пиджак».

«Нет, нет, ничего не нужно. Оставьте меня, я могу сам о себе позаботиться».

«Хорошо, сударь, как вам угодно. Проклятый стул — зацепился за ногу, я чуть не разбился на ровном месте! Воистину, опасность подстерегает нас там, где мы ее меньше всего ожидаем».

«Да-да. Право же, не стоит беспокоиться. Все в порядке».

«С вашего разрешения... неудобно злоупотреблять вашим терпением, но мне нужно завязать шнурок. Я тут присяду — на одну секунду?»

«Пожалуйста», — Аноме демонстративно отвернулся. Поправляя ботинок, Этцвейн внимательно следил за ним.

Прошло несколько секунд. Аноме посмотрел вокруг: «Вы все еще здесь?»

«Да. Как вас зовут?»

Аноме пару раз моргнул: «Саджарано Сершан».

«Вы меня знаете?»

«Нет».

«Взгляните на меня!»

Аноме обратил к Этцвейну безмятежное лицо.

«Встаньте, — сказал Этцвейн, — и ступайте за мной».

Саджарано не выразил никаких эмоций. Этцвейн вывел его на площадь.

«Идите быстрее», — приказал Этцвейн. Они прошли под Гранатовыми воротами в проезд Сервена Айро. Здесь Этцвейн схватил Саджарано под руку. Быстро моргая, тот поклонился: «Я устал».

«Вы скоро отдохнете. Кто выступал в парке, называясь отважным путешественником?»

«Приезжий, откуда-то из восточных кантонов. Главарь заговорщиков-подстрекателей».

«Вы знаете кого-нибудь еще из заговорщиков?»

«Нет».

«Почему вы не прикажете солдатам атаковать рогушков?»

Саджарано молчал секунд десять, пробормотал: «Не знаю, не знаю». Голос его стал сонным, неразборчивым, он пошатывался на ходу. Этцвейн поддерживал его и спешил со всех ног, но в сквере у ворот Времен Года пришлось остановиться — Человек Без Лица больше не мог идти.

Этцвейн усадил его на скамью и подозвал проезжавший мимо пустой фиакр: «Мой приятель нализался в стельку. Нужно отвезти его домой и откачать, пока жена не узнала».

«Что ж, такое случается и с лучшими из нас! Залезайте-ка с ним на заднее сиденье. Вам помочь?»

«Как-нибудь справлюсь! Поезжайте по проспекту Фазаренских Директоров».

Глава 14

Этцвейн снял с Человека Без Лица верхнюю одежду и уложил его в одном белье на кушетку напротив той, где спала Джурджина. Судя по фигуре, Аноме не был атлетом. Из карманов правителя Этцвейн извлеч кодирующий передатчик, такой же, как у Гарстанга, лучевой пистолет сложной конструкции, небольшую коробку (предположительно переносной приемопередатчик радиоволн) и металлическую трубку неизвестного назначения — по-видимому, универсальный детонатор ошейников направленного действия, о существовании которого подозревал Этцвейн.

Аккуратно разложив на столе блестящие инструменты Ифнесса, Этцвейн с величайшей осторожностью вскрыл и снял ошейник Саджарано, точно выполняя инструкции землянина. К своему полному изумлению он обнаружил в ошейнике стандартный заряд декокса. Судя по всему, автоответчик тоже функционировал. Опираясь на стол, Этцвейн застыл в замешательстве. Зачем Человеку Без Лица носить ошейник со взрывчаткой? Ужасное предчувствие поразило его. Ошибся? Неужели Аноме всех обвел вокруг пальца?

Объяснение всплыло в его уме и растворилось облегчением по всему телу — объяснение настолько простое и очевидное, что Этцвейн рассмеялся. Как и любой другой житель Шанта, Саджарано Сершан надел ошейник, достигнув совершеннолетия. Когда в обстоятельствах, покрытых тайной, Саджарано стал безликим верховным правителем страны, он мог изменить цвета эмблемы на ошейнике, чтобы не подвергаться опасности со стороны благодетелей, но снять ошейник не умел.

Этцвейн расстегнул свой пустой ошейник, вложил взрывчатку в предназначенную для нее канавку, подсоединил контакты реле, надел блестящий обруч с разведенными концами на шею Саджарано и замкнул его кольцом.

Предстояло закончить неприятное дело. Этцвейн направился к сараю и распахнул дверь настежь. Крыса (если это была крыса — Этцвейн толком не разглядел) поспешно спряталась в груде пыльных мешков. Этцвейн с отвращением заметил, что животное продолжало питаться трупом Гарстанга. Направив пистолет Ифнесса на мешки, Этцвейн нажал курок. Вырвался острый луч бледного огня. Мешки вспыхнули и исчезли в облаке вонючего удушливого дыма — с ними исчезло существо, пристрастившееся к падали.

Этцвейн взял лопату, вырыл на заднем дворе неглубокую могилу и похоронил Гарстанга.

Когда он вернулся, в коттедже все было по-прежнему. Этцвейн вымылся, сменил одежду, сел и принялся ждать, испытывая странное тягостное возбуждение победы и одиночества.

Первой проснулась Джурджина. Она выглядела уставшей — лицо осунулось, кожа приобрела нездоровы оттенок. Сидя на кушетке, девушка смотрела на Этцвейна со жгучей горечью: «Сколько еще вы будете меня томить?»

«Теперь уже недолго».

Она заметила человека, лежавшего напротив: «Кто это?»

«Вы его знаете?»

Эстетка пожала плечами, пытаясь изобразить храбреое не-повинование.

«Его зовут Саджарано Сершан. Он — Человек Без Лица».

«Зачем он здесь?»

«Увидите... Хотите есть?»

«Нет».

Этцвейн подумал пару секунд и расцепил поводок пленницы. Она встала — ее больше ничто не удерживало. Этцвейн серьезно обратился к ней: «Не выходите из дома. Если уйдете, я оторву вам голову. Аноме здесь и не сможет вам помочь. Вам придется подчиняться мне так же, как раньше вы

подчинялись Аноме. Ему вы больше не служите. Вы все понимаете?»

«Прекрасно понимаю. И все-таки не понимаю. Кто вы?»

«Гастель Этцвейн, бывший музыкант. Когда-нибудь я снова займусь музыкой».

Проходили часы. Джурджина бродила по коттеджу, наблюдая за Этцвейном с удивлением, неприязнью и чисто женским оскорблением пренебрежением.

К вечеру Саджарано пришел в себя. Оглядевшись, он быстро оценил обстановку, приподнялся и сел. Полминуты он изучал Этцвейна и Джурджину, потом произнес ледяным тоном: «Извольте объяснить, почему я здесь оказался».

«Потому что на рогушкоев необходимо напасть. Потому что вы отказывались действовать».

«Я — хранитель мира. Таков мой торжественный и однозначный договор с народами Шанта. Следовательно, я провожу мирную политику и не допускаю ужасов войны».

«Ваша политика провалилась. Рогушкои допустили ужасы войны, не спросив вашего разрешения».

Этцвейн указал на ошейник Саджарано: «Вы носите ошейник с полным зарядом декокса. Детонатор у меня. Теперь вы отвечаете передо мной, и ваши благотворители тоже».

Джурджина, стоявшая посреди комнаты, села на кушетку: «Я подчиняюсь Аноме».

Саджарано спросил: «Где Гарстанг?»

«Гарстанг умер».

Жестом, привычным для всех жителей Шанта, Саджарано поднял руку и прикоснулся к ошейнику: «Что вы намереваетесь делать?»

«Рогушкои должны быть уничтожены».

Саджарано тихо произнес: «Вы не знаете, о чем говорите. В Шанте воцарились мир и процветание. Мы обязаны сохранить такое положение вещей. Стоит ли рисковать хаосом и милитаризацией страны во имя ликвидации шайки разбойников?»

«Мир и процветание не возникают сами по себе, — возразил Этцвейн. — Если вы верите в сказки о стихийном или мистическом преобладании добра, я сошлю вас в Караз, где вы живо узнаете, почем фунт лиха».

«Вы хотите повернуть Шант в круговорот бедствий и междуусобиц!» — неожиданно звенящим голосом воскликнул Саджарано.

«Я хочу защитить страну от неминуемой гибели! Подчиняйтесь мне — или я убью вас, сию минуту!»

Саджарано обмяк, почти отвернулся, но продолжал искоса поглядывать на Этцвейна. В этой позе его нос пуговкой и склоненный подбородок напоминали черты хитрого безвольного ребенка. «Я подчиняюсь», — сказал он.

Джурджина не находила места — лицо ее дергалось и кривилось гримасами, в других обстоятельствах показавшихся бы забавными. Она вскочила, подошла к столу.

Этцвейн спросил: «Дискриминаторы ищут лектора-путешественника?»

«Да».

«Им приказано убить его?»

«Если потребуется».

Этцвейн передал правителю приемопередатчик: «Как вы пользуетесь этим устройством?»

Джурджина, заинтересованная незнакомым устройством, придвинулась ближе. В руке за ее спиной блеснул стеклянный нож. Этцвейн, следивший за эстеткой краем глаза, с силой оттолкнул ее — так, что она упала, налетев на свою кушетку. Саджарано вскочил, пнул Этцвейна, схватил его сзади за шею. Этцвейн нагнулся, рванулся вперед. Металлическая петля на шее Саджарано натянулась — сопротивление поводка, пристегнутого к перекладине потолка, отбросило его назад на кушетку.

«Ваши заверения ничего не стоят, — сдержанно произнес Этцвейн. — Я надеялся, что смогу доверять вам обоим».

«Мы вправе драться за свои убеждения!» — провозгласила Джурджина.

«Я обещал вам подчиняться, — сказал Саджарано. — Я не обещал не пытаться вас убить, когда представится такая возможность».

Этцвейн язвительно усмехнулся: «В таком случае я приказываю вам не пытаться меня убить или нанести мне какой-либо вред. Вы выполните приказ?»

Саджарано тяжело, тревожно вздохнул: «Выполню. Что еще я могу сказать?»

Этцвейн взглянул на Джурджину: «А вы?»

«Ничего не обещаю!» — высокомерно заявила эстетка.

Этцвейн схватил ее за руку, потащил к заднему ходу.

«Что вы делаете? — упиралась она. — Куда? Зачем?»

«Я убью вас на заднем дворе. Не хочу прибирать в доме», — сказал Этцвейн.

«Нет, пожалуйста, не надо! — она заплакала. — Я буду вас слушаться, буду!»

«И вредить мне тоже не будете?»

«Не буду!»

Этцвейн отпустил ее. Девушка побежала к уже привычной, безопасной кушетке.

Вернувшись к Саджарано, Этцвейн потребовал: «Объясните, как работает радио».

«Я нажимаю белую кнопку, — принужденно отвечал правитель. — Сигнал принимается ретранслятором, выбранным с помощью циферблата. Я говорю — мои приказы передаются ретранслятором».

«Передайте дискриминаторам приказ прекратить поиски лектора-путешественника. Передайте также, что человеку по имени Гастель Этцвейн следует оказывать безусловное, повсеместное и немедленное содействие в той же степени, в какой оно оказывается самому Аноме».

Саджарано включил передатчик, произнес требуемые фразы бесцветным размеренным тоном и поднял голову: «Что еще от меня требуется?»

Этцвейн встал посреди комнаты, глядя на Джурджину Ксиаллинен, на Человека Без Лица. Он хорошо понимал, что оба обманут его, как только подвернется случай. Мертвые, они не создавали бы никакой угрозы. Глаза Джурджины ши-

роко открылись — она угадала ход его мыслей. Да, так было бы лучше всего. Все же, если он убьет Человека Без Лица, кто будет править Шантом? Кто организует военный аппарат, необходимый для достижения цели? Человек Без Лица должен жить. В таком случае не имело смысла убивать и Джурджину Ксиаллинер.

Пленники напряженно ждали — чем закончится долгое размышление смуглого музыканта? Наконец Этцвейн произнес судьбоносный приговор: «Уходите. Отправляйтесь домой, но не покидайте Ушкадель!»

Он расстегнул петлю на шее Саджарано: «Предупреждаю: если меня убьют, мои сообщники все равно оторвут вам головы!»

Без церемоний, даже с какой-то недостойной торопливостью пленники привели себя в порядок и вышли из коттеджа. Обернувшись в проеме живой изгороди, Джурджина бросила долгий взгляд на стоявшего у входа Этцвейна. В сумерках Этцвейн различал только смутные очертания ее лица, но что-то неприятно подсказало ему — Ифнесс Иллинэт поступил бы иначе, руководствуясь другими соображениями. В какой-то критический момент он, Гастель Этцвейн, выбрал неправильный путь, ведущий в неизвестность.

Этцвейн сложил в одну из сумок Ифнесса инструменты и оружие — их опасно было оставлять в коттедже — и ушел.

В «Закоренелом язычнике» он плотно поужинал, заказывая самые лучшие блюда и внутренне насмехаясь над преследовавшими его уколами инстинктивной скучости. Забот было достаточно, но о деньгах беспокоиться больше не приходилось.

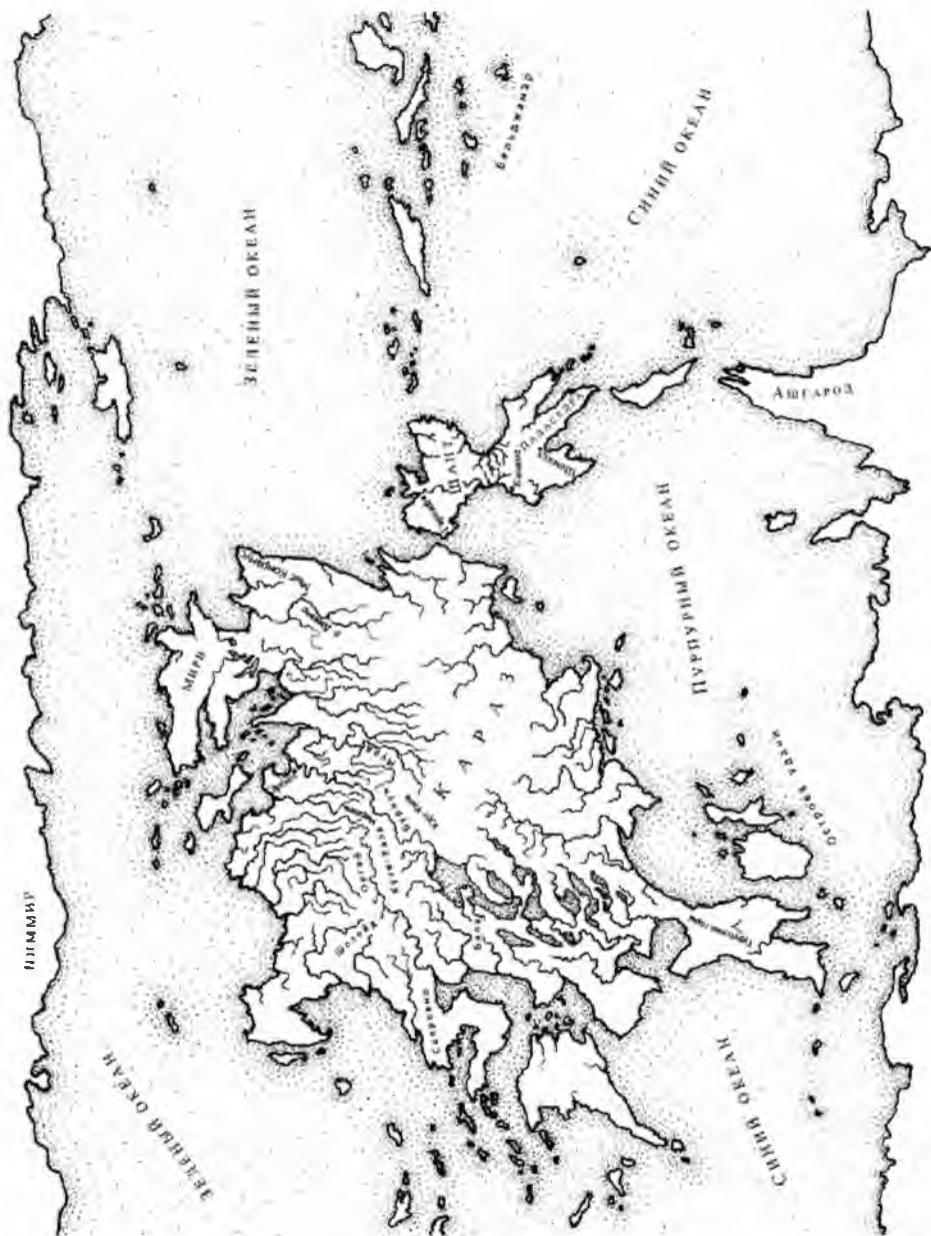
Прогулявшись по набережной к «Фонтенею», он нашел в таверне Фролитца и его бродячих оркестрантов, бодро орошавших глотки пивом. Фролитц встретил Этцвейна гневными упреками, но с явным облегчением: «Где ты пропадал? Какими безобразиями занимаешься? Нас допрашивали дискриминаторы! Сказали, что ты похитил и изнасиловал какую-то эстетку».

«Чепуха! — отмахнулся Этцвейн. — Глупое недоразумение. Я об этом и говорить не хочу».

«Не желаешь нас просветить? Это можно понять, — подмигнул Фролитц. — Что ж, делу время, потехе час. За дело! У меня болячка на губе. Я сегодня играю на хитане — Этцвейн возьмет древорог. Начнем с чего-нибудь попроще. Помните пьесу «Птицы в прибое»? Она имела большой успех на Утреннем берегу».

КАНТОНЫ ШАНТА

4203750R00129

Printed in Germany
by Amazon Distribution
GmbH, Leipzig

Гениальный американский писатель, не только богатством языка и воображения, но и глубиной понимания человеческой природы превосходящий большинство современных авторов, Джек (Джон Холбрук) Вэнс родился 28 августа 1916 года в Сан-Франциско. Вэнс провел детство на скотоводческой ферме, рано оставил учебу в школе и несколько лет работал на строительстве, посыльным при отеле, на консервной фабрике и на дноуглубительном снаряде, после чего поступил в Университет штата Калифорния в Беркли, где получил диплом горного инженера, а также изучал физику, журналистику и английский язык; некоторое время он работал электриком в доках ВМФ США в Перл-Харборе на Гавайях (откуда вернулся в Сан-Франциско, чтобы учить японский язык, за два дня до нападения японцев).

На корабле американского торгового флота Вэнс написал свой первый рассказ. Мало-помалу его рассказы и повести начали издаваться в журналах, но за них платили так мало, что Вэнсу приходилось несколько лет зарабатывать на жизнь плотницким ремеслом. В 1946 г. Вэнс встретил Норму Ингольд и женился на ней. В 1950-х годах они много путешествовали по Европе, а в 1960-х провели несколько месяцев на Таити, но главным образом жили в Окленде, в Калифорнии. Вэнс стал постоянно зарабатывать писательским трудом в конце 1940-х гг. Помимо множества известных книг и рассказов, написанных в своемственном только ему стиле сочетания детективно-приключенческой фантастики и социальной сатиры, Вэнс опубликовал ряд чисто детективных повестей, а также знаменитую трилогию «Лионесс» — мастерский образец жанра «фэнтези». К старости Вэнс ослеп, но до последнего времени продолжал писать с помощью специализированной компьютерной системы. Джек Вэнс жил в небольшом старом доме на крутом склоне, в калифорнийских холмах Окленда.

ISBN 9781499300529

9 781499 300529